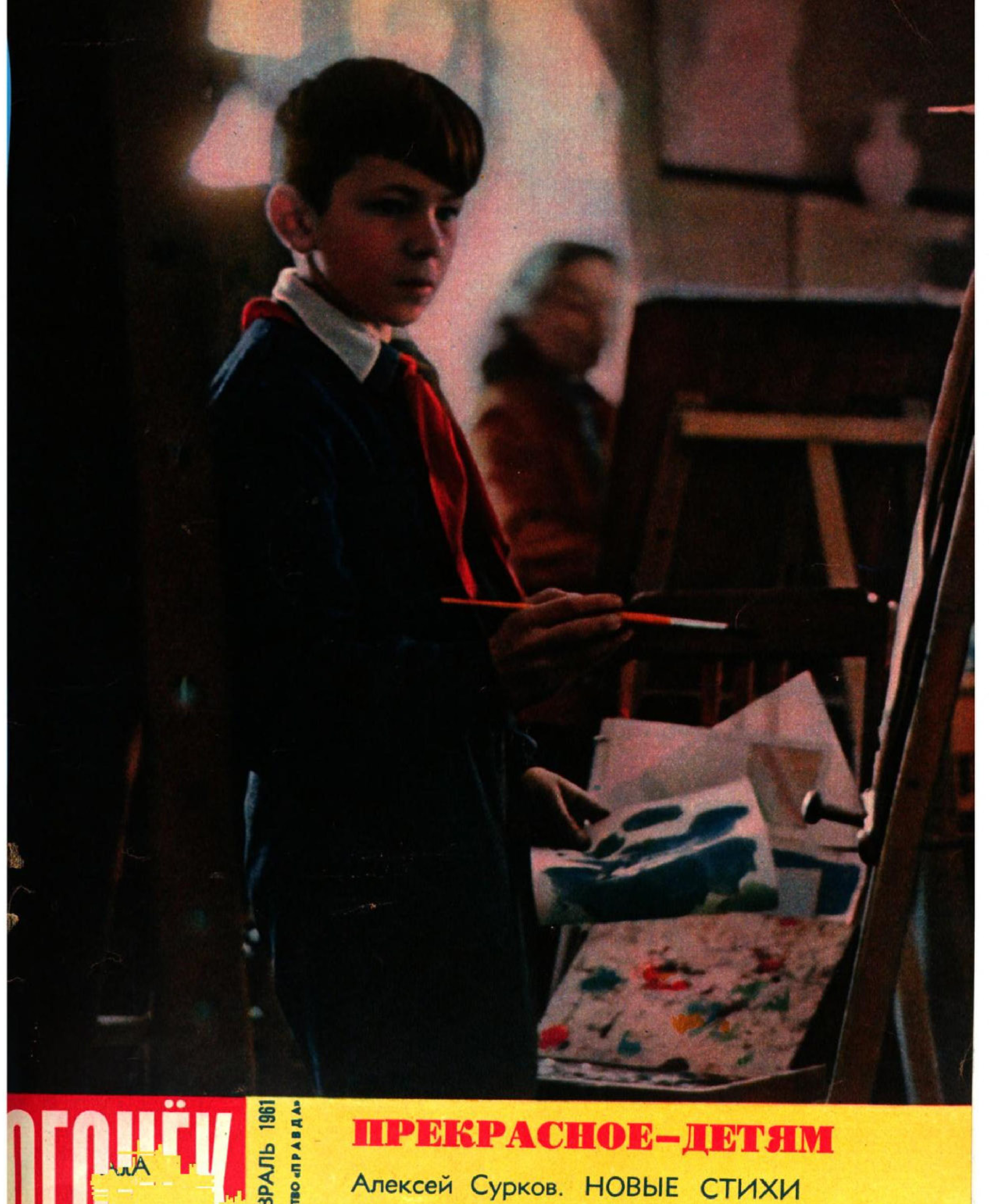

ОГОНЁК

№ 9 ФЕВРАЛЬ 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПРЕКРАСНОЕ—ДЕТЯМ

Алексей Сурков. НОВЫЕ СТИХИ

Начинаем печатать повесть Николая Асанова—
«НЕ НАДО ТОПТАТЬ ЦВЕТЫ»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 9 (1758)

26 ФЕВРАЛЯ 1961

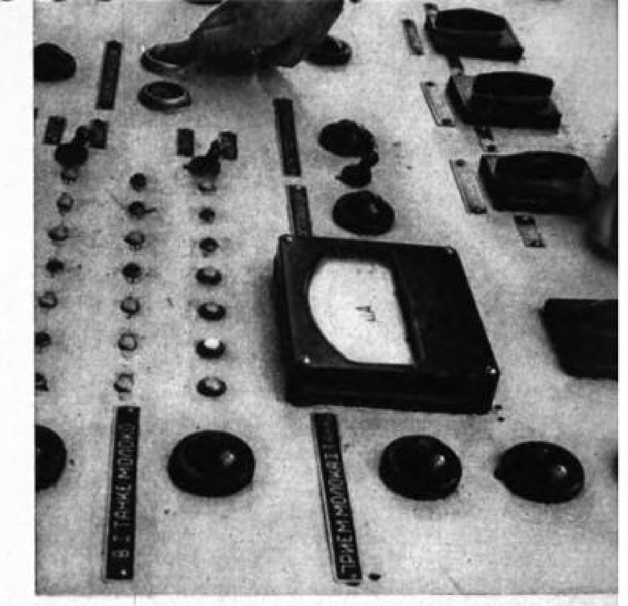
39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В цехах Красносельского молочного завода не видно рабочих. Только в углу светлого зала, у стены из стекла, за пультом сидит оператор.

Фото Г. КОПОСОВА.

Все нити сложного оборудования тянутся к пульту управления.

Эти треугольные пакетики с молоком очень удобны.

А вот и первые потребители и ценители молока!

АВТОМАТ И МОЛОКО

На окраине Красного Села, под Ленинградом, появилось небольшое одноэтажное здание с плоской крышей и широкими окнами. Здесь оборудован первый в нашей стране опытный молочный завод-автомат.

Входим в заводской корпус. Чистота, как в операционной: полы выложены метлахскими плитками, стены отделаны белым кафелем. Хитросплетение труб: они тянутся от одного аппарата к другому. Людей не видно. Только в углу высокого, светлого зала за пультом управления сидит инженер-оператор Наталья Викторовна Старикова. Несколько месяцев назад она окончила Ленинградский институт холодильной промышленности и сразу получила назначение на этот необычный завод. Все нити сложного оборудования тянутся сюда, к пульту управления.

Где-то там, на дворе, лихо подкатила под крышу приемной рампы автоцистерна с молоком — это из совхоза имени Жданова. Шофер опустил шланг в цистерну, и в это же мгновение на щите вспыхнул зеленый глазок. Оператор легким поворотом рычага включает насос. Тихий монотонный гул наполняет зал. Молоко из цистерны поступает в автоматическую систему. То, что оно свежее, сомнений нет. Иначе кислотомер автоматически не дал бы работать насосу.

«Молочные реки» текут по трубам в приемный резервуар. Проходит восемь минут, и цистерна уже пуста.

По команде с пульта молоко может быть охлаждено и отправлено в город на дальнейшую заводскую переработку. Есть тут и свои пастеризаторы. Пастеризованное молоко расфасовывается в бумажные пакеты, и вот уже движутся по конвейерной ленте корзины с треугольными коробочками, наполненными молоком. Путь их — в экспедицию, к автомашинам, уходящим в город.

...Окончилась смена. Оператор включает горячую воду. Под сильным напором устремляется она в трубопровод, резервуары, моет их.

— Сейчас на Красносельском молочном заводе,— рассказывает главный конструктор проекта Н. Г. Комаров,— проверяется все самое совершенное оборудование, которым в скором времени будут укомплектовываться подобные автоматизированные молочные заводы.

К. ЧЕРЕВКОВ

В президиуме совещания передовиков сельского хозяйства областей и автономных республик Центра РСФСР. Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР тов. Н. С. Хрущев и председатель колхоза «Искра», Богородского района, Горьковской области, Герой Социалистического Труда П. М. Демин.

Фото А. Новикова.

РЕЗЕРВЫ ЦЕНТРА РОССИИ— В ДЕЙСТВИЕ!

В зале заседаний.

ПОРА БОЛЬШИХ НАДЕЖД

В эти предвесенние дни в Большом Кремлевском дворце собрались на совещание передовики сельского хозяйства областей и автономных республик Центра Российской Федерации. Подмосковье, Смоленщина, Калининская, Ярославская, Горьковская области... До революции они входили в «потребляющую» полосу. А ведь природные условия нечерноземных областей вовсе не плохи. Тут вполне достаточно тепла и влаги, велики запасы естественного удобрения — торфа. Словом, все здесь благоприятствует развитию зернового хозяйства, животноводству, огородничества. А между тем на январском Пленуме ЦК КПСС многие центральные области России подверглись серьезной и справедливой критике. В некоторых областях Центра собирают низкие урожаи зерна, мало производят продуктов животноводства на единицу земельной площади.

Большой, серьезный разговор ведется в Кремле, детально обсуждаются вопросы дальнейшего подъема всех отраслей сельского хозяйства.

В работе совещания участвуют Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, руководители партии и правительства, известные ученые, работники республиканских министерств и ведомств.

Знатные мастера земледелия и животноводства, председатели колхозов, бригадиры, трактористы, доярки рассказывают с высокой трибуны о своем опыте, и в каждом их слове слышится твердая уверенность в том, что пора больших надежд станет порой больших свершений.

Академик Н. В. Цицин беседует с участниками совещания.

В перерыве. У книжных новинок.

Фото А. Новикова.

Шел январский Пленум ЦК КПСС... На трибуну поднимается секретарь Горьковского обкома КПСС Л. Н. Ефремов. Он называет передовые колхозы области и среди них сельхозартель «Искру», Богородского района, которой руководит старейший хлебороб, Герой Социалистического Труда Павел Михайлович Демин.

— В этом колхозе вы бывали, Никита Сергеевич, — обращаясь к Н. С. Хрущеву, сказал Л. Н. Ефремов.

— Павла Михайловича Демина я хорошо помню, и его бородку красивую тоже, — ответил Н. С. Хрущев.

5 апреля 1957 года Н. С. Хрущев прибыл в Горький на совещание работников сельского хозяйства приволжских областей. В тот же день поехал он в колхоз «Искра». В клубе собрались доярки, механизаторы, полеводы. Павел Михайлович стал рассказывать о делах своей артели. Тогда в «Искре» на 100 гектаров земли получали по 358 центнеров молока и примерно 20 центнеров мяса. Урожай зерновых культур составлял 12—13 центнеров с гектара.

Никита Сергеевич пошутил, что колхоз этот — крепкое середняцкое хозяйство, но мяса и молока искровцы могли бы давать куда больше.

ХОЗЯЙСТ

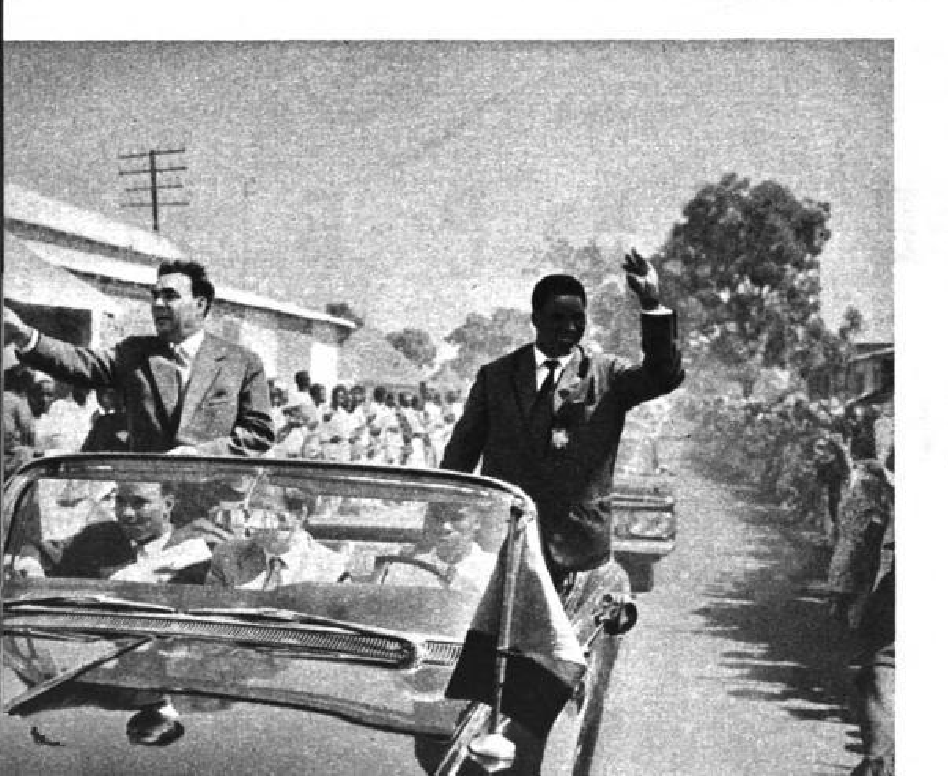
— Рады бы, Никита Сергеевич, да что поделаешь, корма режут, — ответил Павел Михайлович. — Плохо ли иметь не 300, а 500 коров! Очень даже хорошо, а чем кормить?

Никита Сергеевич спросил, сеют ли искровцы кукурузу.

— Сеем. Да что-то плохо получается, мало собираем зеленой массы.

Н. С. Хрущев рассказал, как возделывают кукурузу в опытных хозяйствах, и рекомендовал искровцам как следует взяться за освоение новой культуры.

Никита Сергеевич одобрил дойное стадо колхоза. А за свиноферму крепко пожурил хозяев. И за дело: в большом помещении содержалось всего около 50 свиней, причем каждая сидела в железной клетке, будто в зоопарке.

Теплые встречи, большая дружба

Завершен визит Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Гвинейскую Республику и Республику Гану.

Еще крепче стали дружественные отношения между Советской страной и этими независимыми странами Африки после визита советского президента. Высокого гостя из СССР тепло и радушно встречали и на гвинейской земле и на земле Ганы. В этих сердечных встречах отразилась большая дружба, которую питают независимые страны Африки к Советской стране, к ее мирной политике, к ее последовательной борьбе за независимость всех стран. Дружба с СССР приносит реальные плоды народам Гвинеи и Ганы. Не случайно в Совместном советско-гвинейском коммюнике и в Совместном советско-ганском заявлении с удовлетворением отмечено развитие экономических отношений между СССР и этими республиками. Советский Союз бескорыстно помогает развитию экономики этих стран, что делает крепче их независимость.

Нашу страну связывает с Ганой и Гвинеей и общность точек зрения по важнейшим вопросам международной политики. Она находит выражение в том, что эти страны выступают за мир, за ликвидацию колониализма.

Завершен визит, сделан еще один шаг по широкой дороге дружбы. Нам и независимым народам Африки и дальше шагать по этой дороге!

←Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Президент Гвинейской Республики Секу Туре приветствуют жителей административного района Кисидугу.

Советский гость и Президент Республики Гана Кваме Нкрума в городе Виннеба.→

Фото спец. корреспондента ТАСС А. Стужина.

Фото Н. Капелюша.

ВО ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА ДЕМИНА

С тех пор прошло около четырех лет. За это время село Алешково — центральная усадьба колхоза «Искра» — сильно разрослось. За дорогой Богородск — Павлово образовалась новая улица. Здесь живут в основном молодые семьи. В «Искре» заведен хороший порядок: молодожены получают от правления денежную ссуду, им отводят земельные участки и помогают строиться. Приятно выглядит новая улица, дома как на подбор, большие, с высокими окнами.

Впрочем, в Алешкове строятся не только молодые: из 250 колхозных семей 120 обзавелись новыми домами за последние 3—4 года.

Мы не пожалели, что поехали в колхоз в воскресенье, когда люди отдыхают. На улицах Алешкова было много лыжников, в центре села звучала музыка, транслируемая из Москвы колхозным радиоузлом. С горки каталась ватага мальчишек и девчонок.

Работали в тот день немногие. С утра на фермы пришли животноводы, но раньше их, еще затемно, сюда явился председатель колхоза. Давно уже Павел Михайлович начинает рабочий день с посещения фермы. Потом он направляется в гараж, в мастерские, на конный двор, заглядывает во все уголки большого хозяйства.

Только к полудню Демин добрался до конторы.

Павел Михайлович разволновался, когда речь зашла о решениях январского Пленума ЦК КПСС.

— Для меня решения Пленума — это моя жизнь, — говорит старый хлебороб. — «Искрой» руковожу 20 лет. Сколько ночей не спал, думал. Мало ли что не придет в голову человеку, любящему землю. И вот открываю газету, читаю речь Н. С. Хрущева, и вроде мои собственные мысли там, до всего дошел Никита Сергеевич, и за это большое ему спасибо от всех колхозников.

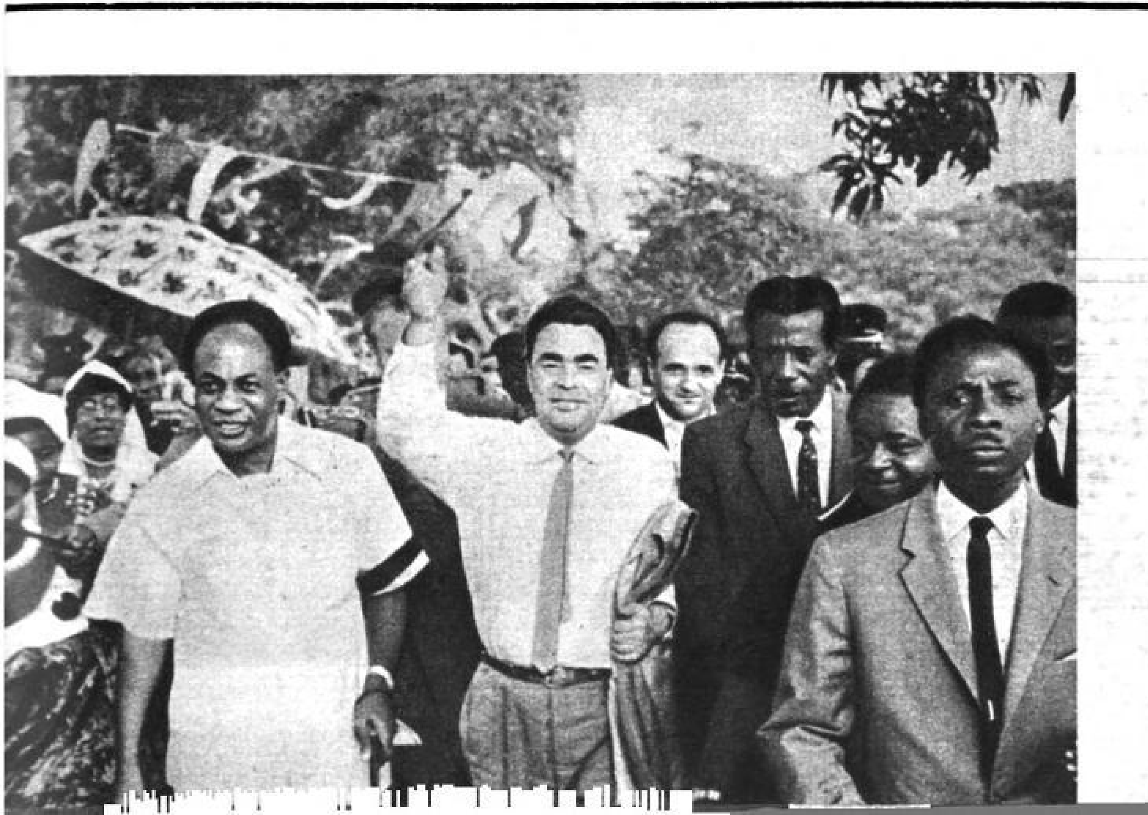
Мы спрашиваем, как дела в колхозе, какие обязательства решили взять на нынешний год. Павел Михайлович отвечает коротко:

— В «Искре» все подготовлено к началу весеннего сева. Семена, машины в отличном состоянии, надежно хранятся. В этом году увеличим дойное стадо на 40 коров, теперь у нас будет 550 голов. Производство молока доведем до 417 центнеров на 100 гектаров земельных угодий, мяса продадим 260 тонн, а в прошлом году продали 223 тонны. Можно было бы принять обязательства посолиднее, но что поделаешь, подкузьмило лето. Засуха была редкостная. В прежнее время при такой засухе пришлось бы людям голодать. Теперь не то. На каждый трудодень мы выдали колхозникам по 1 килограмму 700 граммов зерна и 6 рублей денег, запаслись кормами для всего колхозного скота.

Во многом нам помогла кукуруза. Осенью мы заложили с каждого гектара по 210 центнеров кукурузного силоса. По-новому содержим теперь свиней. Свиноводство у нас стало важнейшей отраслью хозяйства.

Признаться, до Пленума ЦК КПСС у меня было настроение уйти на покой, а как прочитал материал Пленума, словно помолодел, — говорит Павел Михайлович.— Нет, думаю, рано; мы, старики, еще поработаем!

М. НЕЧЕТОВ

А. Н. КОСЫГИН В ИНДИИ

По приглашению премьер-министра Индии Джавахарлала Неру в Индию прибыл первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин с супругой. На снимке: А. Н. Косыгин во время визита премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру.

Фото спец. корреспондента ТАСС В. Кошевого.

ГОВОРИТ ПАТРИС ЛУМУМБА

Эта речь (публикуется в сокращенном виде) была произнесена Патрисом Лумумбой еще до того, как он стал премьер-министром Конго, в марте 1959 года, на конференции в Ибадане (Нигерия).

До конца своей жизни Лумумба оставался таким же страстным борцом за свободу африканских народов, каким он предстает в этой речи. Вот почему так ненавидели его колонизаторы, вот почему они организовали его убийство. Но горячий призыв конголезского патриота к свободе и независимости и после его смерти звучит в сердце Конго.

Стремления всех колониальных и порабощенных народов одни и те же; одинакова также их судьба. Одинаковы и задачи народных движений во всех африканских территориях. **Эти цели выражены в лозунге освобождения Африки от колониального ига.**

Поскольку цели наши одинаковы, мы сумеем достичь их легче и быстрее, если будем объединены, чем действуя разобщенно.

Эта разобщенность, на которую всегда опирались колониальные державы, чтобы легче сохранить свое господство, была их помощником в прошлом и помогает им еще и теперь толкнуть Африку на путь самоубийства.

Каков выход из этого тупика?

Для меня существует один только путь. Это путь объединения всех африканцев в лоне национальных движений...

Чем крепче мы будем объединены, тем успешней мы будем оказывать сопротивление угнетению, продажности и раскольническим маневрам, предпринимаемым специалистами политики «разделяй и властвуй».

Я хотел бы обратить внимание всех вас на то, как важно сорвать с самого начала маневры тех, кто хотел бы использовать наше мнимое политическое соперничество, чтобы противопоставить нас друг другу и тем самым оттянуть наше освобождение от колониального режима.

Опыт показывает, что оппозиция, которую проявляют некоторые элементы в наших африканских территориях «во имя демократии», часто имеет своим источником не заботу об общем благе. Главным, если не единственным мотивом этой оппозиции служит погоня за славой и личные интересы...

Наше единственное непреклонное и страстное желание — я хотел бы, чтобы меня хорошо поняли,— заключается в том, чтобы вырвать с корнем колониализм и империализм из земли Африки.

Мы долго страдали и хотим теперь дышать воздухом свободы. Творец дал нам кусок земли, которым является африканский континент; он принадлежит нам, и мы его единственные хозяева. **Мы имеем право сделать этот континент континентом справедливости, закона и мира.**

Вся Африка начала непримиримую и беспощадную борьбу против колониализма и империализма, который причинил нам столько обид. Народ, угнетающий другой народ, не является народом цивилизованным и христианским.

Запад должен освободить Африку как можно быстрее. Запад дол-

БОЛЬ, ГНЕВ

Разум и совесть народов возмущены. По всему миру идет могучая волна протеста против злодеяния, совершенного в Конго.

— Колонизаторы, вон из Африки! — гневно требуют участники митинга, состоявшегося в Пекине (верхний снимок).

Африканские студенты, обучающиеся в Париже, направились к посольству Бельгии, чтобы выразить свое негодование. Полиция остановила их и потребовала разойтись. Студенты сели на мостовую. Началась сидячая демонстрация.

Мир еще не знает подробностей трагедии, разыгравшейся в джунглях Катанги.

Самозванные катангские правители, не скрывая своего ликования, утверждают, что Лумумба, Мполо и Окито были убиты близ одной из катангских деревень, название которой не сообщается.

Корреспондент парижской газеты «Экспресс» Мишель Боске пишет: «Лумумбу похитили, доставили в Катангу и в течение нескольких дней возили по местным деревням, жителям которых предлагали бить пленника плетьми и палками, «чтобы снять с себя грехи и отвратить дух зла». Вероятно, именно тогда Лумумба и погиб от побоев».

Есть сведения, что конголезских героев расстрелял бельгийский капитан из жандармерии катангского «правительства».

Мир не знает подробностей убийства. Но он знает имена убийц.

Это Чомбе, лакей бельгийских и прочих иностранных компаний, орудующих в Конго.

Это Мобуту, бывший агент колониальной сыскной полиции, ныне пожалованный в «генералы».

Это Касавубу, потомок и достойный последователь тех африканских царьков, которые продавали своих соплеменников за бутылку рома и яркие побрякушки.

Это лицемер Хаммаршельд, прикрывший голубым флагом ООН готовившееся кровавое преступление.

У него несколько лиц, у этого ходатая по делам колонизаторов. Снимок 1 сделан не в Конго. Место действия — Южно-Африканский Союз, цитадель средневекового варварства. «Даг,— требовали африканские патриоты,— встреться с нашими лидерами. Они расскажут, сколько бед и унижений приходится на долю черных в стране, где царят петля и топор».

Люди ждали справедливости от того, кому Организа-

1

жен теперь посчитаться со своей совестью и признать за всеми колониальными территориями право на свободу и достоинство.

Если правительства колониальных держав поймут вовремя наши чаяния, мы будем вести с ними переговоры; **если же они будут упорно считать Африку своим владением, мы вынуждены будем признать колонизаторов врагами нашего освобождения.** В тех условиях мы с сожалением должны будем отказать им в нашей дружбе.

Мы не хотим отгораживаться от Запада, ибо знаем, что ни один народ в мире не может жить в экономической изоляции. Мы являемся сторонниками дружбы между людьми разных рас и ждем отклика Запада на наш призыв.

Люди Запада должны понять, что дружба невозможна при отношениях зависимости и подчинения.

Нам потребуется помощь финансовая, техническая и научная западных стран в целях быстрого экономического развития и стабилизации наших обществ.

Однако капиталы, которых потребуют наши страны, должны быть инвестированы в порядке международной взаимопомощи. Наши правительства обеспечат все необходимые гарантии таким иностранным капиталам.

Западные специалисты, к которым мы обращаемся с горячим призывом, должны прибыть в Африку не за тем, чтобы господствовать над нами, а чтобы служить нам и помогать нашим странам.

Мы обязаны удвоить наши усилия, чтобы ускорить индустриализацию наших областей и экономическое развитие.

Мы протягиваем братскую руку Западу. Пусть он даст нам сегодня доказательство уважения к принципам равенства и дружбы между нациями, к принципам, начертанным крупными буквами в Декларации прав человека. Африканцы, так же, как и все другие граждане великой семьи человечества, должны пользоваться основными свободами, изложенными в той Декларации, и правами, провозглашенными в Уставе Организации Объединенных Наций.

Период монополистических рас принадлежит прошлому.

Африканская солидарность должна сегодня найти свое конкретное выражение в фактах и делах, мы должны образовать единый блок, чтобы дать миру свидетельство нашего братства...

Африка не будет по-настоящему свободна и независима до тех пор, пока какая-нибудь часть этого континента будет оставаться под чужим господством.

Студенты из афро-азиатских стран, собравшиеся на митинг в Актовом зале Московского государственного университета, хорошо знают, что такое колониализм. Знают и ненавидят его. Посылая проклятие палачам Мобуту и Чомбе, презренному пособнику колонизаторов Хаммаршельду, участники митинга говорили о единстве, которое принесет свободу всей Африке.

Фото Ю. Кривоносова.

Конго

ция Объединенных Наций доверила столько прав. Но Даг закрыл глаза темными очками и молча, с брезгливой гримасой проследовал мимо демонстрантов в резиденцию премьер-министра ЮАС расиста Фервурда.

И снова звучали залпы на улицах южноафриканских городов, снова лилась кровь...

А здесь (снимок 2) Хаммаршельд уже не прятал глаз. Он хорошо чувствовал себя в компании с предателем Касавубу. Вместе они готовили заговор против конголезского народа.

Командование войск ООН участвовало в этом заговоре. Вот снимок, наглядно демонстрирующий сердечные отношения между палачом Мобуту и командованием войск ООН, действовавшим по инструкциям Хаммаршельда (снимок 3).

Еще один снимок (4) — бельгийская марионетка Чомбе с западными корреспондентами.

Эти вооружены фотоаппаратами. Более характерное окружение Чомбе — наемники из Бельгии, Франции и других стран Запада с пистолетами и автоматами в руках. Монополии оберегают своего ставленника от гнева народа...

Убийцы Лумумбы хотели бы всегда видеть Конго послушным воле колонизаторов, угнетенным и бесправным. Их оружие — террор. Через несколько дней после того, как мир услышал о гибели Лумумбы, Окито и Мполо, телеграф принес новую страшную весть: в Бакванге убиты шесть соратников конголезского премьера, шесть видных политических деятелей республики.

Горе и голод — вот образ того Конго, где взял верх колониализм (снимок 5).

Но Конго сегодня — это борьба. Борьба за свободу, за жизнь. Борьба, которую вел до последнего часа Патрис Лумумба, верный сын народа.

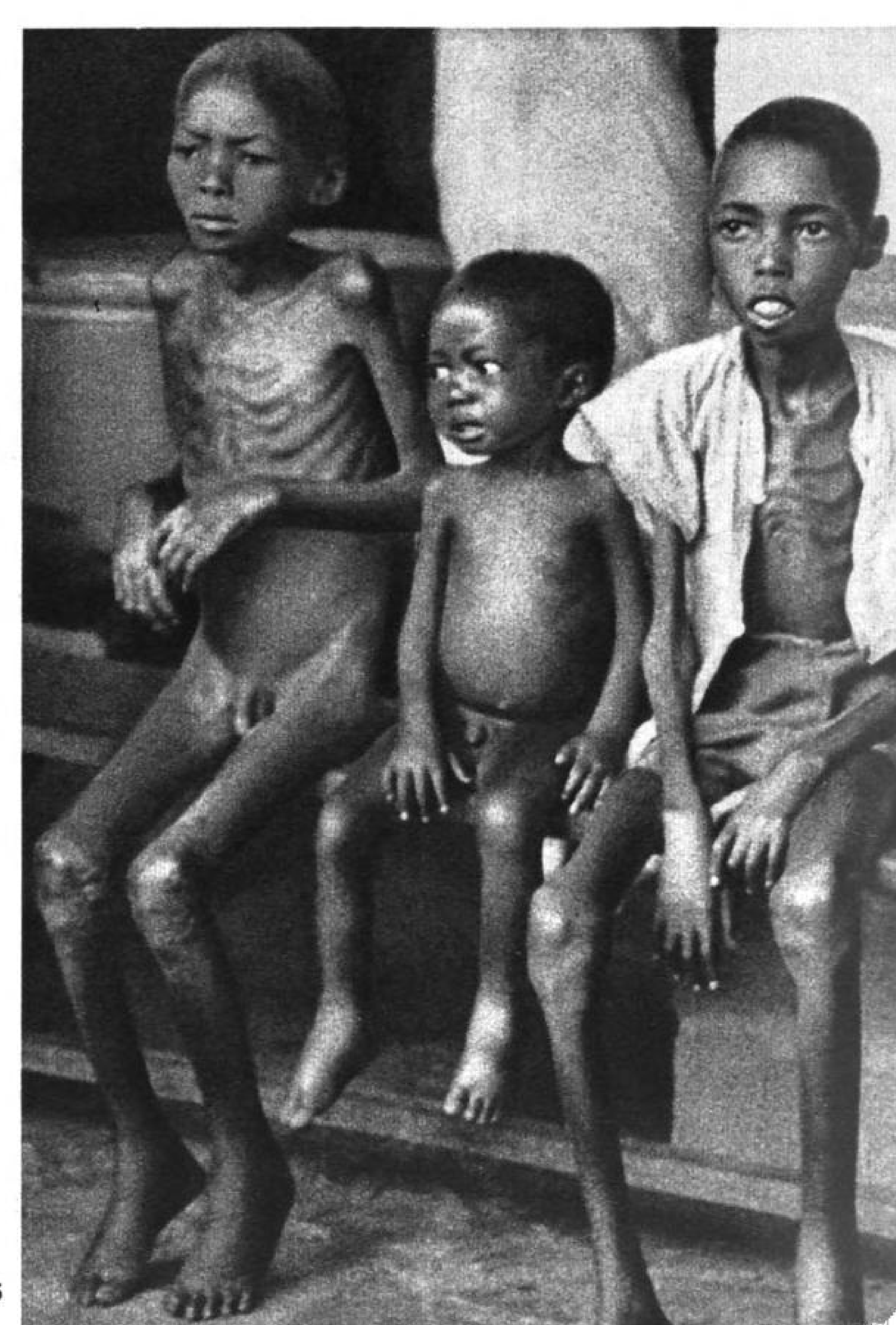
Народ Конго отомстит палачам!

2

4

5

С депутатским мандатом

Выключены приборы, опустели лаборатории — рабочий день окончен. Директора научно-исследовательского института постоянного тока Александра Александровича Лебедева волнуют уже не научные проблемы, а иные дела, не имеющие никакого отношения к исследованиям передачи электроэнергии на дальние расстояния... Он торопится в противоположный конец города, на Московский проспект, где возводится десятиэтажная гостиница.

Вместе с рабочими И. И. Емельяновым, З. Ф. Агафоновой, К. Н. Калианц, которые приехали сюда из цехов после трудового дня, Лебедев поднимается с одного перекрытия на другое, беседует со строителями, записывает что-то в блокнот. Строительство гостиницы — дело важное: в городе все еще сложно приезжему получить номер в отелях.

С Московского проспекта Лебедев и его товарищи отправляются к площади Александра Невского. Недалеко от нее развертываются большие работы — будет сооружен огромный мост. Он соединит центр города с правым берегом Невы, где раскинулись крупные жилые массивы. Да и сама площадь Александра Невского преобразится: раздвинутся ее границы, исчезнут прилегающие к ней старые, невзрачные калашниковские склады.

Уже темнело, когда директор института и заводские рабочие покидали стройку:

— Давайте еще пройдемся по Невскому,— предложил Лебедев.

В эти дни Невский весь в строительных лесах. То и дело встречаются надписи: «Внимание! Впереди ведутся работы!». Поднявшись на леса, Лебедев, Емельянов, Агафонова, Калианц узнают, как идет ремонт фасадов, осматривают старинные здания, освобожденные от лесов. Каким красавцем предстанет в майские солнечные дни Невский проспект, обновленный от Адмиралтейства до Суворовского проспекта!

...Едва вырисовывается темный силуэт Зимнего.

— Нам нужно серьезно подумать о подсветке Дворца,— сказал Лебедев.— Архитектурный облик города не должен теряться в вечернее время...

Кто же эти беспокойные люди, по-хозяйски осматривающие город в этот поздний час? Директор института А. А. Лебедев — председатель постоянной комиссии Ленсовета по благоустройству и коммунальному хозяйству, рабочие — члены комиссии. Этих людей с мандатами депутатов Ленинградского Совета можно встретить всюду: там, где реконструируются набережные,— а протяженность их в городе больше 300 километров,— там, где прокладываются теплофикационные магистрали, газовые сети, сооружаются водонапорные башни, приводятся в порядок дворы...

Депутаты по собственной инициативе взяли на себя дополнительные хлопоты. На одной из сессий горсовета они внесли предложение включить в сферу их контроля все вопросы, относящиеся к благоустройству. У депутатов работы прибавилось, но зато и дела в городе пошли лучше.

За два прошедших года в Ленинграде возникли новые улицы, площади. Через реки перекинулись новые мосты. Теплофицированы сотни зданий. Во дворах создано более трех тысяч площадок для спорта и детских игр.

Во все это немало вложили труда и энергии депутаты местных Советов. Огромная армия ленинградцев заботится о благоустройстве своего города. Постоянные комиссии городского и районных Советов объединяют больше 3 тысяч депутатов и 23 тысячи активистов! И среди них одна из самых деятельных, возглавляемая депутатом Ленинградского Совета А. А. Лебедевым. На предвыборных собраниях ленинградцы вновь назвали своими кандидатами в горсовет многих депутатов, оправдавших доверие избирателей.

К. ПЕТРОВ

НА СНИМКАХ (сверху вниз):
После работы депутаты приехали на стройку гостиницы. Слева направо: З. Ф. Агафонова, А. А. Лебедев, К. Н. Калианц, Г. Н. Николаев и И. И. Емельянов.
На новом мосту Строителей открылось движение.
Под контролем депутатов городского и районных Советов — и очистка дворов и улиц и работа главной насосной станции канализации, которая находится глубоко под землей.
Одна из новых площадей города, Комсомольская, в Кировском районе.
Фото Г. Копосова.

ЛЮДИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Возникла новая идея, и Юрий Сахаров с Вениамином Исаевым ищут ее решение в чертеже.
Фото Г. Санько.

ПРЕЗИРАЮЩИЕ ПОКОЙ

А. ПОПОВА

Им не поверили. Слух, кем-то пущенный, пополз уже по заводу — из цеха в цех, из отдела в отдел. И, вероятно, именно поэтому все валилось из рук: неудача за неудачей. И, вероятно, именно поэтому Веня становился злее. «Да не может быть, черт возьми, чтобы опять схема подвела!» А она подводила. Никак не получается.

— И не получится! — раздавались насмешливые голоса.— До вас солидные люди из научного института — не вам, слесаришкам, чета — пытались ультразвук оседлать. И что же? Пшик! Как мыли подшипники вручную бензином, так и сейчас их моем. Факт!

В общем, скептики свое дело сделали, важно было только заронить сомнение: «А так ли? Тем ли путем идут?» Группу ультразвука в «эксперименталке» распустили.

И вот тогда-то сказался характер.

Но, пожалуй, пора рассказать, кто такой Веня Исаев и что это за «эксперименталка».

...Попал он сюда, на Куйбышевский подшипниковый завод, по призванию. Скажете: какое может быть призвание у паренька в пятнадцать лет? А вот бывает...

С детства мечтал о технике, машинах, инженерном деле. И быть бы ему, конечно, инженером, обязательно пошел бы в индустриальный институт. Но судьба распорядилась по-другому. Война. Отец — на фронт. Ушел и не вернулся — погиб. Решил мальчик: «Надо матери помочь, иначе как жить будем?» Сосед уговорил: «Иди ты, Веня, в артель, струны на балалайки натягивать. Доходная работенка». И он пошел. А сам с завистью смотрел на тех, кто рано утром неторопливо шагал по их улице, направляясь на подшипниковый. Рабочий класс идет! Мастеровые люди... Нет, не удержала его в той артели «доходная работенка»: видно, уже тогда начал формироваться характер. Он пошел на подшипниковый.

— Ты насчет заработков не огорчайся,— говорил Веня матери.— Я свое наверстаю.

И наверстывал. Из учеников быстро перевели в станочники, а там и разряд повысили. В цехе сразу обратили на него внимание — есть у новичка любовь к технике.

Федор Никанорович Дорофеев — главный инженер завода — тоже приметил Веню. Стал поближе присматриваться к нему и как-то завел разговор:

— Есть у нас, молодой человек, экспериментальный цех. Оклад, правда, будет поменьше. Но дело очень интересное. Там у нас изобретатели-самоучки работают. Согласен?

Он кивнул головой.

В «эксперименталке» его определили к изобретателям, которым поручили, пожалуй, одно из наиболее перспективных дел — использовать ультразвук для механизации промывки подшипников.

Вручную промывать бензином и протирать крохотные подшипники — нелегкое дело. Но ничего, потерпите, друзья, люди из «эксперименталки» идут на выручку. Вот еще одну схему проверят, а потом...

Что было потом, мы уже рассказали. Группа изобретателей распалась сама собой. И только один Веня продолжал искать. Может, и он махнул бы на все рукой, но его поддержал Дорофеев.

Поиски решения привели Исаева на куйбышевскую выставку радиолюбителей. Выставка как выставка: стоят радиоприемники, телевизоры... И вдруг — находка, та случайная находка, что порой переворачивает всю жизнь изобретателя. Это был эхолот, измеряющий глубины рек через лед с помощью ультразвука. Простой, незамысловатый прибор, а сколько всяких ассоциаций мгновенно вызвал он!

Теперь надо было разыскать автора эхолота — Юрия Сахарова,— фамилия его стояла на приборе. Известно, что он окончил техникум связи, работал на стройке Куйбышевской ГЭС, учился на первом курсе индустриального института. Но как же его найти?

И тут опять счастливый случай. Приходит Веня в «эксперименталку», а ему говорят:

— Знакомьтесь, товарищ Исаев, наш новый сотрудник.

Белокурый парень с детскими голубыми глазами застенчиво пожимает руку и негромко произносит:

— Сахаров...

Да, это тот самый Юра, чей эхолот так взволновал Исаева. Все произошло, как в сказке.

...Несколько лет тому назад в больнице, у постели больной матери, Юра подружился с хирургом Петром Герасимовичем Горбаренко. Однажды врач поведал своему юному другу трагическую историю коллеги — профессора Бржезовского: потеряв слух, он должен был покинуть клинику, где возглавлял кафедру госпитальной хирургии. Юноша взялся помочь старому человеку — сконструировать слуховой аппарат, который позволит профессору еще несколько лет оставаться в клинике. И такой аппарат был создан. Тогда Сахаров и не предполагал, какую роль в его жизни сыграет это первое знакомство с медицинской техникой...

События развивались очень быстро. Петр Герасимович Горбаренко, приняв горячее участие в судьбе одаренного юноши, «сосватал» его Дорофееву: «Возьмите к себе, благодарить будете». Так Юра оказался в «эксперименталке», где завязалась дружба двух очень непохожих друг на друга молодых изобретателей — темпераментного, разговорчивого

Исаева и молчаливого, несколько застенчивого Сахарова. Их сблизил ультразвук. У Вени чудесные руки, опыт, ясная мысль. У Юры в голове масса всяких схем...

И вот уже в кабинете Дорофеева конструкторы завода обсуждают схему ультразвуковой установки для промывки малогабаритных подшипников, предложенную ребятами из «эксперименталки». Схему одобрили. Но что поделаешь со скептиками? Усомнились. «Дело, понимаете ли, деликатное. Изобретатели-то — слесаришки. Без диплома. Доверяй да проверяй. Пошлем на консультацию в научно-исследовательский институт. Там опытные специалисты той же проблемой занимаются. Пусть скажут свое слово...»

Слово консультанта оказалось весьма ценным — обошлось оно в копеечку. Но отзыв был благожелательный. Однако снова поползли по заводу слухи: «Схему-то создали не наши слесаришки, а конструкторы из института...»

Парни обозлились. Говорят, злость — плохой советчик. А тут пошла на пользу. Исаев и Сахаров решили заново переработать схему и сконструировать еще более мощный ультразвуковой генератор.

...Малюсенькие подшипники весело купаются в ваннах, тщательно «умываемые» и «протираемые» ультразвуком. Автомат заменил тяжелый ручной труд.

Теперь уже и скептики заговорили о «слесаришках» с уважением. Кому поручить разработку аппарата, механизирующего труд работников ОТК? Исаеву, Сахарову. Кому доверить такое дело, как автомат, сортирующий готовую продукцию? Им же.

По распоряжению Дорофеева молодым изобретателям было предоставлено новое помещение. Правда, небольшое — всего две комнаты, но зато здесь уже можно было думать о создании лаборатории ультразвука.

Встал вопрос и о помощниках. А где их взять? Друзья вспомнили свое детство. Их любовь к технике зародилась в кружках радиолюбителей. Там и искали будущих коллег. И вот потянулась в лабораторию на подшипниковом молодежь.

Пришел высокий, худощавый, с пышной шевелюрой Николай Кудашев, студент третьего курса индустриального института. Рядом с ним подвижный, темпераментный Алеша Юльский — этот только-только после десятилетки, одержимый радиолюбитель. Пришел к «ультразвуковикам» и Олег Дыба, секретарь заводского комитета комсомола...

Мы застали изобретателей в лаборатории за обычным для них делом — они возились с каким-то замысловатым электронным прибором: ультразвук должен механизировать еще одну трудоемкую операцию. Друзья показывали макеты будущих автоматов, стараясь как можно проще объяснить сложную схему. И вдруг Веня загадочно улыбнулся:

— А теперь мы вам покажем... Впрочем, нет... Сейчас нельзя. Приходите вечером. У нас твердое правило: днем — все для подшипников. А вечером, после смены,— для медицины.

Видимо, на моем лице нетрудно было уловить полное недоумение: «При чем тут медицина?» И Веня поспешил внести ясность:

— Это наше последнее увлечение. Медицинская аппаратура...

Позже я узнала все, как оно было. Началось с большой дружбы Юры и доктора П. Г. Горбаренко. Хирург стал частенько заглядывать на завод. Ребята любили слушать рассказы Петра Герасимовича о трудных операциях, о сложных, порой почти не поддающихся лечению заболеваниях, о тяжком труде хирурга. А тут еще такое происшествие.

Однажды Горбаренко пришел в лабораторию крайне взволнованный. Таким они его еще никогда не видели.

— Что-нибудь случилось?

— Утром во время операции погиб человек. А мог бы выжить.

В тот день юноши узнали, что жизнь оперируемого зависит не только от умелых рук хирурга, но и от его помощников-аппаратов, контролирующих работу сердца, дыхания.

— А разве нет таких аппаратов, которые позволяли бы хирургу слышать и видеть работу сердца? — взволнованно спросил Алеша.

И еще один вопрос, вернее, просьба:

— Петр Герасимович, не могли бы вы начертить схему кардиографа, которым пользуются сейчас врачи?

Это спрашивал Юра. Хирург сперва удивленно посмотрел на него, не понимая, какое все это имеет отношение к случившемуся. И вдруг лицо его просветлело. Черт возьми, а ведь эти парни, кажется, могли бы помочь!..

В тот вечер, склонившись над схемой, долго спорили, высчитывали, чертили...

В общем, медицина вторглась в лабораторию, как вихрь. Днем здесь все было обычным: создавались схемы новых ультразвуковых автоматов для производства подшипников,—а вечерами на чертежных досках появлялись схемы новых медицинских аппаратов. И все это делалось бесплатно, с одной-единственной целью — помочь врачу, помочь больному. Творили коллективно. И вот наконец нащупаны нити к новому электронному датчику с искровой записью на электротермической бумаге.

Теперь надо проверить.

— Коля, ложись!

Он лежит на лабораторном столе, Коля Кудашев, подопытный «пациент» и один из творцов нового аппарата. Все в порядке.

И изобретатели приступили к решению новой задачи: надо было заставить кардиограф «говорить», чтобы его рассказ о работе сердца был не только виден врачу, но и слышен! Вскоре в лаборатории появился прибор, названный электрокардиофонотахометром. Проще говоря, звуковой кардиограф. За ним появился тонограф, записывающий давление крови и внутриглазной жидкости.

На Всесоюзной выставке радиолюбителей электронные медицинские аппараты куйбышевских изобретателей удостаиваются первой премии. Горбаренко, Сахарову, Исаеву, Кудашеву и Юльскому присвоили почетное звание мастеров-радиоконструкторов.

Окрыленными возвращались они в Куйбышев. В портфеле их старшего друга Горбаренко объемистая пачка блестящих отзывов. Среди них отзывы Института имени Склифосовского в Москве и Института экспериментальной биологии и медицины Сибирского отделения Академии наук. Все они отдавали предпочтение новому аппарату перед отечественными образцами и кардиографами иностранных марок. Его искровая запись на электротермической бумаге была более четкая и ясная и не ограничена во времени, да и сам аппарат менее чувствителен к механическим воздействиям и более удобен в обслуживании.

Стали поговаривать даже об открытии в Куйбышеве на базе маленькой лаборатории специального бюро по созданию электронной медицинской аппаратуры.

Все, кажется, хорошо. Ан нет, не совсем все... Прошло уже более года с тех пор, как изобретатели вернулись из Москвы в Куйбышев, вернулись, обремененные славой, дипломами, премиями, отзывами, пожеланиями успеха и обещаниями: «Поможем, двинем!..»

— А не помогли, не двинули. Материальной базы, помещения для дальнейших экспериментов нет. Макеты приборов так и остаются макетами.

Мало того: главному инженеру завода Дорофееву теперь все чаще стали задавать вопрос: «Почему у вас на заводе занимаются изобретением медицинской аппаратуры, не имеющей никакого отношения к производству подшипников?»

Что ответишь на такой вопрос, что скажешь людям, которые все равно не поймут душу изобретателя, человека, одержимого идеей? Федор Никанорович улыбается и говорит:

— Медицинские аппараты помогут врачам в борьбе за жизнь человека, а подшипники сделают ее более легкой и красивой. А если зайдете в лабораторию и познакомитесь с макетами новых автоматов, в основу которых положен тот же принцип записи, то убедитесь, что между тонографом и автоматом, контролирующим качество подшипников, немало общего.

Нет, они не падают духом, молодые изобретатели и опекающий их Ф. Н. Дорофеев! Подшипники подшипниками, а медицина медициной. Сейчас они увлечены идеей прибора, который мог бы мгновенно измерить вибрацию шпинделя станка,— большая это будет помощь наладчикам и станочникам! Но и медицинские аппараты не заброшены. Им по-прежнему отдаются вечера. Уточняются и дорабатываются макеты премированных на выставке аппаратов. Усовершенствованный тонограф будет записывать уже не только артериальное давление крови, но и венозное. Такой аппарат сослужит большую службу при определении диагноза сосудистых заболеваний. Есть и такая мысль: заменить обычный градусник, измеряющий температуру тела человека, более новым и совершенным электронным прибором — термографом...

Хочется верить, что недалек тот день, когда, придя в любую поликлинику или в больницу, мы увидим эти приборы в действии. Термограф без ошибки измерит температуру, самозаписывающий тонограф «расскажет», как обстоит дело с давлением крови, а звуковой кардиограф не только запишет, но и «расскажет» о работе сердца...

Хочется верить, что они добьются своего, эти люди, презирающие покой.

Л. СЕРГЕЕВА

Мастера и их герои

Сегодня мы знакомим наших читателей с творчеством московских художников А. Дейнеки, С. Чуйкова и украинского художника Г. Томенко.

С самого начала творческого пути А. Дейнеки современность была и теперь остается в центре внимания художника. Он участвует во всех крупнейших выставках произведениями, посвященными сегодняшнему дню.

А. Дейнека не просто видит и воссоздает в искусстве окружающую жизнь. Чувствуя ее ритм, ее звучание, он пластически ощутимо передает волнующие его впечатления на своих полотнах.

Большая часть работ этого крупного мастера приобретена Государственной Третьяковской галереей и Государственным Русским музеем. Есть полотна художника в музеях Венеции, Рима и других зарубежных городов.

Александр Александрович Дейнека — живописец, график, иллюстратор, скульптор и монументалист. Ему принадлежат декоративные панно для советских павильонов на международных выставках в Париже, Нью-Йорке, Брюсселе; фрески на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 года; мозаики на станциях московского метро «Маяковская» и «Новокузнецкая» и в здании Московского государственного университета на Ленинских горах; росписи плафонов Центрального театра Советской Армии; оформление театра в Челябинске...

* * *

Семен Афанасьевич Чуйков родился в 1902 году в городе Пишпеке, ныне Фрунзе.

Своеобразная природа Киргизии, ее горы и степи неудержимо манили к себе с детства. Они и пробудили в будущем художнике интерес к искусству. Родному краю Семен Афанасьевич остается до сих пор верен в своем творчестве.

Еще в 1939 году С. Чуйков начал работу над «Киргизской колхозной сюитой». Он глубоко и проникновенно рассказал о тесном единении людей и природы, о прекрасных людях, живущих новой жизнью.

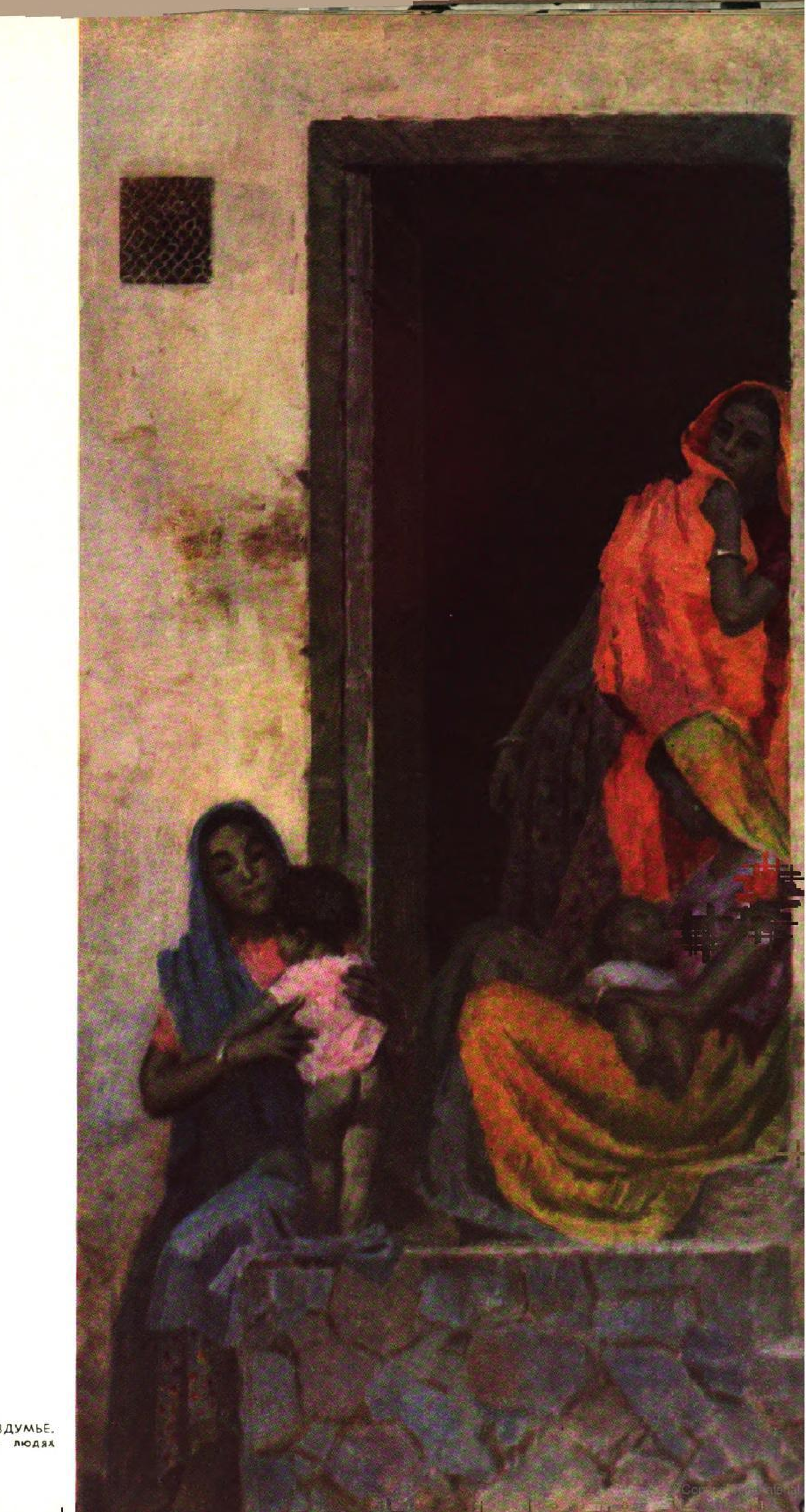
Высокая художественная образность, достигнутая С. Чуйковым на близком, глубоко изученном материале, помогла ему лучше и ярче передать особый строй жизни Индии, душевное благородство, внутреннюю чистоту ее простых людей.

* * *

Григорий Алексеевич Томенко — участник многих областных, республиканских, всесоюзных выставок.

Сотням зрителей хорошо знакомы его живописные и графические работы. Большая их часть посвящена людям украинских колхозов. Произведения Г. Томенко навеяны тем, что отлично знакомо художнику и любимо им всю жизнь, — природой, красотой души советского человека, находящего радость в труде. Это непосредственные, искренние впечатления современника, хорошо знающего то, о чем он рассказывает.

Картина Томенко «Будущие хлеборобы» экспонировалась в 1960 году в дни декады украинской литературы и искусства в Москве на выставке «Советская Украина». Она вызвала большой интерес москвичей.

С. Чуйков. ВЕЧЕРНЕЕ РАЗДУМЬЕ. Часть триптиха «О простых людях Индии».

А. Дейнека. ХОРОШЕЕ УТРО. Мозаика.

Г. Томенко. БУДУЩИЕ ХЛЕБОРОБЫ.

Повесть

Николай АСАНОВ

Не надо топтать цветы

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

I. Александр и Шурочка

Александр и Шурочка стояли у окна. Правой рукой Александр обнял горячее плечо Шурочки. Шурочка прижалась к груди Александра головой и слушала не столько звук его голоса, сколько стук переполненного счастьем сердца.

А можно ли вообще сказать о сердце, что оно переполнено счастьем? Очевидно, можно. Шурочка и в самом деле слышала, как его удары гудят в широкой груди Александра и вдруг прерываются на мгновение, будто сердце не может вместить в себя всего того, что чувствует Александр. И она еще сильнее прижималась к нему, охваченная трепетом. Наверно, это и было счастьем.

— Вот университет! — говорил Александр, как будто Шурочка сама не видела, что это именно университет, а не какое-нибудь другое здание.— А вот это,— и Александр показывал вниз на раскрашенное кирпичной мозаикой, красное с желтым, выглядевшее приземистым среди десяти- и двенадцатиэтажных домов здание,— это кинотеатр!

Ну, конечно, она отлично знала, что это кинотеатр. Еще вчера, когда им объяснили в завкоме, как найти будущую Александрову квартиру, кинотеатр оказался главной приметой. «Рядом находится, будете каждый день ходить»,— позавидовали им. И сегодня, когда они шли мимо, то видели у театра рекламу: «Хмурое утро». Правда, Шурочке очень хотелось, чтобы картина называлась «Счастливое утро», но такой картины еще не выпустили, почему-то счастливых картин вообще мало.

А ведь Александр и Шурочка впервые были по-настоящему счастливы. Распределение жилой площади наконец было закончено, и Александру назвали номер его однокомнатной квартиры. И вот он привез Шурочку посмотреть будущее гнездо.

Это означало, что все сбывается и что недалек уже день, когда они окончательно и навсегда будут вместе.

— А вот это,— говорил Александр проникновенным голосом гида, надеющегося получить признание слушателей,— лучший магазин обуви не только в нашем районе, но, пожалуй, и во всей Москве! — Он вдруг нагнулся к подоконнику и озабоченно сказал: — Постой, а это что такое?

И так как он наклонился, не отпуская Шурочку, то и она увидела то, что обеспокоило Александра, как будто смотрела его глазами.

Она увидела мягкий, зеленый, по-ковровому пушистый газон, обсаженный по краям тоненькими липками. От липки к липке бежала шеренга кустарников, и каждая веточка помахивала зелеными флажками, и на флажках сверкали солнечные блики и серебряные росинки, оставшиеся от проехавшей мимо поливальной машины. Поливальная машина прошла дальше, подняв с правой стороны радужное крыло, в котором дробилось и расплывалось отраженное солнце. Но не это привлекло внимание Александра, и Шурочка, глядя его глазами, увидела, что на углу газона, где зеленый ковер прилегал к тротуару, шеренга кустарников оборвалась, будто последний куст приостановился в раздумье, не рискуя перебежать тропу, выбитую в газоне торопливыми прохожими. Он просто боялся попасть им под ноги, как уже попал и погиб его собрат, видно, решившийся на подвиг и прикрывший собою этот желтый, глинистый проход и тут же растоптанный равнодушными башмаками.

— Вот это да! — сказал Александр.

И Шурочка пожалела вместе с ним ринувшегося на смерть героя, от которого остался только жалкий костлявый остов.

В это время на кости погибшего наступила женщина с кошелкой, зацепилась чулком, выбралась, остановилась, подняв ногу и согнув ее в колене, долго разглядывала щиколотку, поплевала на пальцы, затерла распустившуюся петлю, оглянулась на поверженный куст, который еще осмеливался бороться даже после смерти, и пошла дальше, скользя башмаками по желтой сырой глине.

Шурочке ничуть не было жалко эту женщину и ее чулки, хотя она отлично знала, как дорог капрон, и частенько вместе с подругами осуждала легкую промышленность, которая никак не может изобрести такие чулки, чтобы можно было надеть не раз, не два, а хотя бы раз пятьдесят. Но сейчас ей было жаль погибший куст, на одной из веточек которого еще уцелел зеленый робкий листочек — последнее напоминание о том, что и он еще недавно жил.

— Ну, я им сейчас покажу! — вдруг сказал Александр и, хотя и неохотно, отстранил Шурочку.

Шурочка простила ему этот жест, так как поняла, что он отстраняет ее из чувства долга. Это чувство Шурочка очень уважала.

Отстранившись, Александр сразу превратился в деятельного, решительного человека. Это Шурочка в нем тоже любила. Она с интересом наблюдала за ним.

Александр оглядел комнату быстрым взглядом. В квартире еще, видно, продолжались какие-то мелкие работы. В углу лежали куски стекла и фанеры, на полу на подстеленных обрывках обоев стояли банки с красками; в банках торчали кисти. В углу была приставлена к стене стремянка, увязанная веревкой: должно быть, ее часто переносили из квартиры в квартиру. Маляры и стекольщики, вероятно, ушли завтракать, а может, их вызвали куда-нибудь еще. Сейчас здесь было тихо, солнечно и пахло олифой и скипидаром, как всегда пахнет новое, необжитое помещение.

Саша взял с пола обрезок фанеры, оглядел банки с красками, выбрал одну из кистей и, положив фанеру на пол, быстро набросал на доске какую-то надпись. Потом он размотал веревку, которой была увязана стремянка, и угрожающе сказал:

— Ну, пусть теперь попробуют!

— Что они должны попробовать и кто должен попробовать? — улыбаясь, спросила Шурочка.

— Наши соседи! Ходить по газонам! — в два приема ответил Александр.— Видишь? — спросил он и повернул доску к Шурочке.

Шурочка прочитала:

— «Граждане, мы идем к коммунизму! Зачем же топтать цветы?»

Шурочка раскатисто засмеялась, так поразил ее Сашин лозунг, а Саша, обидчиво хмыкнув, стремительно вышел из комнаты, и только дробный стук каблуков по лестнице, слышный через оставшуюся открытой дверь, показывал, как он зол. Шурочка, вздохнув, прилегла грудью на подоконник и стала дожидаться, когда он выйдет из подъезда. Его решительность и удивляла, и трогала, и расстраивала ее. С таким человеком жить будет нелегко! Но она любила и потому пока все прощала...

Он появился под окном, неся на плече свой лозунг и лопату. «Успел зайти к дворнику»,— подумала Шурочка. Эта способность Александра мгновенно завязывать знакомства и возбуждать в посторонних людях доверие тоже поражала Шурочку. Самой ей было так трудно подойти к новому человеку, что она порой и в Москве-то чувствовала себя, как на необитаемом острове. Если бы Александр не сделал в первый же день появления на их заводе решительного шага к ней, она бы, может, так его и не полюбила! Думать об этом было страшно, и Шурочка поторопилась заняться наблюдениями.

Саша привязал конец веревки, на которой висел его лозунг, к двум кустам по краям желтой тропы и принялся вскапывать лопатой испорченный газон. К доске немедленно устремились любопытные. Сначала подошли две девочки, перебрасываясь мячом. Они остановились, захихикали и вдруг умолкли. Пожилой гражданин, торопившийся от трамвайной стоянки к магазину, привычно повернул за угол газона, чтобы сократить путь к желанным дверям, остановился, как будто его ударили, хмыкнул и, настороженно оглядываясь, быстро засеменил по тротуару до поворота. Девушка в модном пыльнике, бежавшая так, что лошадиный хвост ее прически развевался, как у скакунов на рысистых состязаниях, наткнувшись на доску с надписью, вдруг перестала торопиться, засмеялась и что-то спросила у Александра.

Шурочка возненавидела эту лошадницу всей яростью своей души, особенно после того, как Александр выпрямился, опираясь на лопату, и ответил ей. А девушка стояла, покачивая головой, и уже не хвост шевелился у нее на голове, а, как думалось Шурочке, клубок змей. Шурочка попыталась посмотреть на Александра глазами этой модницы, но ничего утешительного для себя не увидела. Модница, наверно, сразу заметила, что Александр очень красив. У него большое горбоносое лицо казачьего типа, смуглая кожа, крупные глаза с белками синеватого отлива и широкими ярко-синими зрачками; у него смелый взгляд, иронические губы, тяжелый подбородок, а плечи, торс, ноги и, главное, руки, как у настоящего атлета. И модница, конечно, поняла, что он красивее всех ее друзей, вот она и стоит, и разговаривает, вот-вот скажет что-нибудь такое, от чего эти мужчины сходят с ума, бросают дом, семью и детей... Тут Шурочка спохватилась, что у нее-то нет ни дома, ни семьи, ни детей, да и модница, кивнув на прощание землекопу, медленно пошла по тротуару, осторожно обходя газон.

Александр перекопал всю тропку до выхода к магазину, забил там у тротуара две доски и протянул веревку, потом вернулся, осторожно ступая по газону, к поврежденному кусту и принялся поднимать его. Куст он тоже связал обрывком веревки и взрыхлил под ним землю. Теперь единственный листочек уже не лежал на земле, а трепетал на ветру маленьким зеленым флажком. Только выглядел ужасно сиротливо.

А Шурочка, отвлекшись на минуту от Александра, разглядывала себя в оконном стекле, которое отражало ее, как зеркало. Разглядывала и огорчалась. Широкое лицо, широкие губы, курносый нос, коротко обрезанные волосы. Правда, глаза и брови ничего, но ведь этого мало! Нет, ничего примечательного в себе она не находила и не могла понять, чем пленила Александра. И не представляла, за что же он ее полюбил. Даже Дездемону Отелло полюбил за сострадание к его мукам! Но Александр не мучился, наоборот, он очень весело проводил время с модницей, пока та не ушла. И Шурочка готова была усомниться в любви Александра, но тот уже появился в дверях, и, скажем прямо, вовремя...

2. Александр и Аллочка

Вскопанную Сашей тропу районный садовник засеял быстрорастущей травой. Молодая травка была голубоватого цвета и очень выделялась на газоне. Но садовник оставил призыв к гражданам, сочиненный Сашей, и автор, частенько навещавший свою будущую квартиру, чтобы посмотреть, как идут дела «по доделкам недоделок», из-за которых дом все еще не заселяли, частенько останавливался возле лозунга. Он с удовольствием видел, как новички, впервые идущие по совету родственников и знакомых в лучший магазин обуви, норовя сократить путь, останавливались, ошарашенные, перед газоном, а потом стыдливо сворачивали на тротуар и продолжали свой путь куда медленнее и задумчивее, чем до этого.

Но той девушки, что затеяла тогда ироническую перебранку с ним, добровольным огородником, Саша больше не видел.

Нельзя сказать, чтобы он очень хотел ее увидеть. Тогда, вернувшись домой, Саша выслушал столько упреков от Шурочки за «кокетство», что, встретив виновницу этой ссоры, вероятно, испуганно обошел бы ее стороной. В тот день Шурочка после осмотра квартиры повела Александра на Ленинские горы, остановила его между голубем мира и лыжным трамплином и заставила поклясться, что он всегда будет говорить ей правду, только правду и всю правду. В доказательство правомерности этого своего требования Шурочка не преминула сослаться на юношескую клятву Герцена и Огарева и даже утверждала, что великие демократы дали клятву на этом самом месте. Саша попытался было напомнить взволнованной Шурочке, что Герцен и Огарев имели в виду куда более серьезные мысли, что формула, предлагаемая Шурочкой, очень уж отдает судебной присягой капиталистического английского общества, но Шурочка так взглянула на него, что он немедленно прекратил возражения и с чувством произнес требуемую клятву. Тем более, что Шурочка и сама произнесла ее чуть не со слезами на глазах...

Впрочем, на Ленинских горах было так хорошо, что Саша еще и поблагодарил Шурочку за этот поход. Перед ними простиралась громада Москвы, сколько видел глаз, до самого горизонта, затянутая тонкой дымкой тумана, и над Москвой, как гигантские опознавательные знаки, вздымались высотные здания, опоясавшие своеобразным кольцом центр города. Внизу плавилась под падающим солнцем Москва-река, изборожденная грузовыми судами, пароходиками-трамваями и лодками. На том берегу реки широко раскинулись здания стадиона и зеленые квадраты парка, наступавшие на здания. Молочные фонари уже вспыхнули на стадионе, показывая, что там начался очередной физкультурный праздник. Справа висела в воздухе громада нового моста, и по нему бежали автомобили, а под ними, как в гигантской стеклянной пещере, то и дело просверкивали огнями поезда метрополитена.

Оглянувшись назад, Саша увидел храм науки, алмазный дворец, сияющий тысячами огней, от жемчужных фонарей у подножия до красных сигнальных, обрисовывающих сверху все контуры здания. Аллеи тюльпанов пламенели под заходящим солнцем, и казалось, что это само солнце и приникло к земле. И Саша еще раз прочувственно пожал Шурочкину руку, будто это она сама не только открыла всю красоту, но и сотворила ее.

И вот сегодня случилось нечто ужасное! Более того, непоправимое!

Как и обычно, Саша пришел на завод без четверти восемь. Он проверил свой участок, осмотрел станки, подсчитал количество заготовок у токарей и фрезеровщиков, позвонил в инструменталку — кладовщик тоже приходит загодя, Саша это знал,— попросил, чтобы подготовили запасные резцы: день обещает быть горячим, кончается месяц, начальство станет «жать на всю железку», чтобы участок перевыполнил план. Кладовщику все это было известно не хуже, чем Александру, но все-таки приятно было услышать сочувствие в его голосе.

Направив двух пареньков из разнорабочих прочистить рельсовый путь узкоколейки, чтобы вагонетки с готовой продукцией при перекатке в сборочный «не забуривались» на скрещениях, Саша с чистой совестью подошел к Шурочке, чтобы поздороваться и осведомиться о ее настроении. Собственно, он не так уж давно простился с нею, часа четыре назад: ведь они обычно гуляли по городу почти всю ночь. Но ему так хотелось быть все время возле нее, что и четыре часа порой выглядели, как четыре столетия. И вот в тот самый момент, когда он заговорил об этой изменчивости времени для влюбленных, и случилось самое неприятное...

Впрочем, теперь он, пожалуй, мог бы уже рассказать о происшествии по порядку, согласно той самой формуле: правду, только правду и всю правду...

Он стоял у Шурочкиной конторки, договариваясь, что Шурочка, как только начнется обеденный перерыв, займет ему место в столовой и закажет еду. Тогда им удастся посидеть еще минут десять в заводском садике до конца перерыва. Ему надо так много сказать Шурочке! Ведь ночью, возвращаясь домой, он только и делал, что придумывал новые слова любви, теперь они теснятся в груди, и Александр боится, что если не успеет высказать их, то сердце его разорвется...

Шурочка слушала, то краснея, то бледнея, пряча счастливые глаза. Под рукой у нее лежала толстая пачка нарядов, которые надо было проверить, подписать и немедленно сдать в бухгалтерию: в конце дня будут выдавать зарплату, и если мастер задержит наряды, то рабочие ей проходу не дадут. Шурочка была самым аккуратным из мастеров, но прервать Александра не могла, и он все говорил, говорил, задерживая Шурочку и не замечая, как цех заполняется рабочими, с улыбкой поглядывавшими на него и на мастера. Впрочем, не все поглядывали с улыбкой: Александр почувствовал чей-то взгляд на своем затылке, машинально оглянулся и увидел сердитые глаза Жени Ястребова, лучшего бригадира цеха. Но Женя тут же отвернулся и принялся копаться в станке, словно пытался сорвать свое сердце на беззащитном металле. Загремел, падая, гаечный ключ, взвыл опробуемый мотор и

умолк, а Александр все не мог оторваться от Шурочки.

Так уж всегда бывает: если двоим хорошо, то кому-то третьему, наверно, плохо. А на Шурочку-то, конечно, заглядывались многие. Тонкая в талии, но широкая в плечах, с гордой головой на точеной шее, с огромными глазами, в которых все еще таится почти детское удивление перед миром, она везде привлекала внимание...

Но Александр — тоже парень не промах. Он помнит: когда его назначили начальником участка, чуть вошел в цех — сразу заметил Шурочку. И, как говорится, пришел, увидел, победил! Уже потом он выяснил, что лучший бригадир его смены Женя Ястребов вздыхает по Шурочке второй год... Но в любви, как известно, нет ни друзей, ни родичей! А то, что Ястребов боялся сказать о своем чувстве только потому, что он всего лишь бригадир, а Шурочка — мастер, уже и совсем смешно. Да будь Александр последним разнорабочим, он не стал бы молчать, увидев такую девушку!..

Александр отвернулся от Ястребова и продолжал изливать свои чувства Шурочке, как вдруг почувствовал чье-то дыхание на своей шее. Он терпеть не мог, когда кто-нибудь прикасался к нему или дышал на него, так и казалось, что его окутывают облака всяческих тлетворных микробов. Даже в переполненный вагон метро старался не садиться: кто знает, какого соседа пошлет судьба. А он лучший легкоатлет завода, ему надо беречь здоровье. И часто ходил пешком, оговариваясь, что это делается для тренировки. Он с неудовольствием отодвинулся от Шурочкиного окошка и только тогда оглянулся: опять Женя Ястребов! Лицо у Жени взволнованное, даже встревоженное, но уже чем-то другим.

— Александр Александрович, вас спрашивают!

— Кто? — недовольно спросил Саша и повел глазами, ища того, кто смел нарушить его отдых в нерабочее время.

К конторке подходил директор завода Баклагин и с ним девушка...

Честное слово, Саша не узнал ее. Он только краем глаза увидел, как напряглось лицо Шурочки, выглянувшей из окошка да и застывшей в этом неловком положении. Потом Саша увидел, как посуровели глаза Жени, но это уж из сочувствия к волнению Шурочки. А девушка, явившаяся с Баклагиным, улыбнулась и сказала звонким, с какой-то зазывно-трепетной интонацией голосом:

— А, знаменитый садовод-воспитатель! Будущий сосед по Юго-Западу!

Только в это мгновение Александр узнал ее. Ну да, та самая насмешница с черными, жгучего, смолистого цвета волосами, падавшими на плечи, подобно конскому хвосту, с ироническими глазами, с пунцовыми губами, сложенными в такую улыбку, словно она звала: подойди, поцелуй! Конечно, не в том смысле, что она так и позволит поцеловать — скорее всего она тут же даст пощечину, только попробуй! — а вот с тем самым зазывом к игре, который звенит в ее голосе. Саша встречал таких игруний: зовет, манит и вдруг растает и исчезнет, как какая-нибудь холоднокровная русалка. Но уж зато если ее поймать!..

Тут Саша снова увидел лицо Шурочки возле своего плеча и невольно сделал шаг вперед. На лице Шурочки было такое неодобрение, как будто Саша сам назначил свидание. Боясь, как бы спутница Баклагина не встретилась взглядом с Шурочкиными злыми глазами, он нарочно закрыл Шурочку спиной. Так и есть: незнакомка все пыталась заглянуть в будку мастера через его плечо. Несколько грубее, чем следовало бы, Александр тронул незнакомку за плечо, заставляя ее повернуть в проход меж станками, сказал:

— Я слушаю, Тимофей Павлович! Может быть, пройдемте ко мне?

Непонятливый Баклагин и тут ничего не сообразил. Уперся, как бык, между двумя станками «ДИП-300», так что ни обойти, ни за станок скрыться: уж очень они близко один к другому поставлены,— и принялся торжественно представлять свою спутницу, словно привел ее на вечеринку:

— Алла Борисовна Славина. Дочь начальника нашего главка. Студентка-дипломантка. Будет проходить у нас практику...

Каждое слово его звучало, как бой барабана. Будто он нарочно говорил для всего цеха.

Самого Славина Александр знал. Хотя завод у них и маленький, но Славин сюда заглядывал часто. Во-первых, потому, что завод выполнял ответственные заказы не только для отечественной промышленности, но и для экспорта, во-вторых, потому, что находился под боком у главка. Но как у этого толстяка могла появиться этакая дочка — загадка природы?..

А Баклагин продолжал грохотать в свой барабан:

— Теперь, Алла Борисовна, позвольте вам представить наших лучших производственников. Кстати, они все тут налицо. Вот это Александр Александрович Стожаров, начальник участка. Шурочка, ну-ка вылезайте из вашего бомбоубежища! (И Шурочка вылезла!) Это Александра Алексеевна Коробова — мастер участка. Это Евгений Николаевич Ястребов — бригадир лучшей бригады...— Баклагин мог из гордости назвать по имени всех работников, словно нарочно вызубривал имена перед тем, как идти в цех.

Саша еле дотронулся до руки Аллы Борисовны. Женя, наоборот, ухватил эту пухленькую ручку, долго не мог ее выпустить, уставив восхищенные глаза в розовое, улыбающееся лицо («Готов! — подумал Саша.— Уже влюбился! О, эта безрассудная молодость!») А Шурочка, хотя и вылезла из будки, но только манерно поклонилась, что было тоже довольно смешно, как и восторг Женьки.

— Ну, дорогие друзья,— несколько напыщенно произнес Баклагин,— прошу любить и жаловать нашу милую гостью. Александр Александрович познакомит вас со своим участком и расскажет о перспективах. Затем прошу ко мне. Александр Александрович проводит...

В это время раздался мелодический зов сирены, и тотчас же загудели моторы, заверещали станки, металл заговорил с металлом. Человеческие голоса сразу погасли в этом согласном громе машинного оркестра. Только по движению губ Саша определил, что Шурочка, воспользовавшись первыми раскатами этой музыки, отводила душу самыми резкими словами, отлично зная, что через минуту ухо привыкнет к рокоту станков и можно будет снова разбирать человеческую речь.

Он тронул Аллу Борисовну за плечо и повел по проходу подальше от Шурочки. Кто знает, насколько тонок слух у этой дипломантки!..

Запах духов, который исходил от волос, от платья, от шеи Аллы, понемногу рассеивался в запахе машинного масла, горячего металла, окалины и эмульсии, и по мере того, как происходило это рассеивание, пропадала и неловкость первого знакомства. Саша не ошибся: слух у Аллы Славиной был отличный, она уже безошибочно разбирала каждое слово, сказанное не только им, но и станочниками, которые не скупились на комплименты, разглядывая ее. Похоже, что она умела читать слова по движению губ — вынужденная наука для людей, проводящих большую часть рабочего времени в громе и грохоте машин. То она улыбалась (и Саша улавливал по движению губ токаря, мимо которого они шли, что тот высказывает соседу свое восхищение), то морщилась (и Саша знал, не слыша, что это Петя Корольков, комсорг цеха, обиженный за оставленную у конторки Шурочку, общую любимицу, назвал практикантку «фифой»—его любимое словечко, относимое ко всем представительницам противоположного пола, которые не имели чести быть работниками их завода).

И верно, Алла, едва миновав станок Пети Королькова, остановилась и, указывая на Петю через плечо, спросила:

— Как зовут этого хохлатого петушка?

Саша невольно улыбнулся: ничего не скажешь, Алла отлично определила внешность Петра. Веснушчатый, со вздернутым носом и хохолком на макушке, Корольков, и верно, походил на молодого петушка с еще не прорезавшимся голосом. Маленький, верткий, он стоял у станка, не глядя на резец, а только слушал голос станка, и крутил во все стороны своей петушиной головой, успевая наблюдать за Шурочкой, которую готов был взять под защиту, хотя той не грозила никакая опасность, и за Александром с Аллой, и за уходящим Баклагиным, которого, видно, успел возненавидеть за то, что тот привел в цех практикантку. Александр терпеть не мог этих резких эмоций, которые вдруг проявлял Корольков без всякого повода. Он сухо сказал Алле:

— Наш комсорг Корольков...

— Надо будет во время перерыва зайти к нему,— сказала Алла, и Саша, к своему изумлению, вдруг почувствовал недовольство. Слова Аллы прозвучали, как обещание интересного зрелища. Она собиралась зайти к Королькову, как в клетку льва, чтобы укротить и покорить его...

Саша начал было объяснять, как расположены станки вдоль линии потока, но Алла перебила его:

— Об этом удобнее поговорить в вашем кабинете. Вы покажете на схеме...

Саша пожал плечами: в кабинете! Что она говорит? Или она думает, что у него, как у ее отца в главке, лежат ковры, стоят цветы на подставках и у столов мягкие кресла? Не скрывая усмешки, он повел гостью к винтовой лесенке, которая вела в остекленную конторку, прилепившуюся на уровне второго этажа. Это и был его «кабинет», его «НП», его «диспетчерская». Из конторки был отлично виден весь цех, и едва у какого-нибудь станка любой из пяти линий происходила малейшая задержка, Александр мог устремиться на помощь.

Алла остановилась у лесенки, взглянула на замасленные поручни, на сквозные металлические ступени, оглянулась на Александра и сделала шаг в сторону.

— Пожалуйста, вы вперед...

— Нет, что вы, пожалуйста! — вежливо уступил он дорогу.

Она взглянула прямо в лицо насмешливыми глазами, сказала:

— В правилах хорошего тона написано, что по лестнице вверх первым поднимается мужчина на полшага вперед. Я не протестую, если вы пойдете впереди на два шага...

Он вдруг почувствовал, как все его лицо заливает жар от хлынувшей из сердца крови. Вот черт! Он привык, что Шурочка бегает по цеху в спортивных штанах, что она легче и быстрее его («Совсем как белка!» — умилялся он) взбегает по этой самой лестнице, а у этой «фифы» юбка шириной в царь-колокол, прозрачные нейлоновые чулки, туфельки на иголках, куда же ей соревноваться с Шурочкой или с ним самим!.. И только тут догадался о невысказанной, подспудной мысли своей гостьи. «О господи, она же подумала, что я стану разглядывать ее ножки!». Тут он молнией, не хуже Шурочки, взлетел наверх.

Но там не удержался, посмотрел вниз. Алла поднималась с несчастным лицом, туго обернув юбку вокруг себя, стараясь не касаться поручней руками и не задевать своей юбкой металлических стояков, на которых поручни держались. Он зло подумал: «Если шла в цех, могла бы подумать о костюме!» — и прошел в конторку.

Из конторки он увидел Шурочку, Королькова, Женю Ястребова, смотревших на лестницу, по которой взбиралась Алла. Но цех гудел равномерным гулом, сорвать злость Саше было не на ком, и он терпеливо уселся за стол, ожидая, когда поднимется практикантка.

Но когда Алла вошла, он вскочил, вспомнив, что единственная металлическая табуретка тоже изрядно замаслена. Тут же не парк, свидания не устраивают, о садовых скамьях, да еще окрашенных в зеленый цвет, не позаботились. Он торопливо схватил со шкафа комок ветоши и вытер табуретку. Теперь гостью можно было и усадить.

Усаживалась она долго, Саша даже отвернулся. А когда снова взглянул, юбка свисала с табуретки по-прежнему, как колокол, так что ему даже стало жаль гостью: табуретка-то холодная!

— Чем же мы займемся на первый раз? — спросил он, стараясь, согласно правилам хорошего тона, смотреть прямо в глаза гостье.

— А мне все равно,— беспечно ответила она.— Понимаете, папа посоветовал мне взять для дипломной работы тему «Автоматическая линия станков в токарном цехе». Он сказал, что на вашем заводе такая линия будет устанавливаться. Тимофей Павлович тоже рекомендовал ваш цех...

Она говорила об автоматической линии и о Тимофее Павловиче так, словно держала и линию и директора в руках, как скульптор держит комок глины, и приноравливалась, как бы вылепить из этой глины свой диплом. Александру невольно почудилось, что и он сам попал в ее руки и превратился в глину. Сначала она нажмет на Тимофея Павловича, потом на Александра, потом на линию в шестнадцать станков, скомкает все вместе, а затем из ее рук выйдет барельеф — приложи бумагу, и на оттиске появится желанное слово: «Диплом».

Теперь Александр смотрел на гостью с некоторым страхом. Откуда она узнала, что Александр приготовил проект автоматизации? Ведь о проекте знал один Баклагин! Или она уже успела нажать на сердце Баклагина и тот выдал все, что знал? Это надо выяснить.

Алла Борисовна глядела сейчас простодушно-доверчиво, словно Александр мог вот так запросто разрешить все ее сомнения: сказать, какие станки, с каким устройством и аппаратурой следует ставить, как наладить передвижение деталей, установку на станок, режим работы, сигнализацию, а она запомнит все это, придет домой и запишет. Но в глубине простодушно-доверчивого взгляда таилась холодноватая усмешка: «Попробуй, не скажи!»

Он подумал: «С ней надо держаться официально, тогда она быстренько отстанет!» — и начал сухим тоном:

— Наш цех выпускает точные измерительные инструменты. По количеству заказанных образцов у нас стоят пять линий станков. Мы вырабатываем только детали, из которых собираются приборы. Сборочный цех находится рядом с нашим. Детали поступают в сборочный по линии узкоколейной железной дороги, оборудованной мотовозами.

Алла непроизвольно зевнула, и он вдруг сбился. На его счастье, замигала сигнальная лампочка пятого станка третьей линии. Он торопливо вскочил из-за стола, положил перед Аллой желтые листы схемы цеха, буркнул: «Простите, вызывают!» — и стремительно выскочил из конторки.

Вернувшись через полчаса, он не застал гостью. Схемы так и лежали на столе, и было непонятно, рассматривала ли их Алла Борисовна. Скорее всего, нет. В конторке еще витал слабый запах духов, столь неожиданный в мире металла и электричества. На столе лежала записка; ровный, старательный почерк показывал, что писалась она не спеша, обдуманно. Он прочел:

«Александр Александрович, я буду у Тимофея Павловича. Когда освободитесь, зайдите за мной. Мне очень хочется дослушать вашу лекцию.

Алла Славина».

Он тут же решил, что с этого мгновения будет занят все двадцать четыре часа в сутки. А Славиной пусть занимается сам директор. Заводик маленький, кадры крепкие, ничего, если директора и не будет в кабинете. Баклагину, наверно, приятно сопровождать такую красивую девушку. Вот пусть и обучает товарища Славину, как надо писать диплом!..

3. Баклагин и Александр

Баклагин сидел в своем кабинете и отплевывался, словно проглотил таракана. А меж тем это была всего лишь реакция на только что закончившийся телефонный разговор. Бывают такие разговоры, от которых во рту вязко.

Он барабанил пальцами по столу и бубнил про себя те слова, которые не пришли во время разговора. Известно, что умные слова имеют привычку запаздывать, но зато уж запоминаются крепко. Не будь этой странности, откуда бы взялись сборники острых слов?

— Тебя бы, толстого черта, на мое место! — бормотал Баклагин.— И почему я сразу не сказал, что у них в отделе новой техники таких предложений сотни? Брал бы любое и делал из него начинку для диплома своей дочки!..

Честно говоря, Баклагин понимал, что не сказал бы этих слов, если бы они пришли и вовремя.

За долгие годы своей служебной деятельности Баклагин испробовал всяческие способы утверждения своей воли. Он бывал и грубым, нахрапистым, и бывал и сусально-елейно-сладким. Но ни одна из этих дорог так и не привела его к успеху. А ему так хотелось бросить наконец опостылевшее производство и перейти на работу в совнархоз, ну, в худшем случае, в одно из управлений метизной промышленности. Однако ж не получалось!

Однажды кто-то из более опытных коллег надоумил его, что в недрах бюрократии таится особая наука — характерология, изучение характеров вышестоящих лиц. С той поры Баклагин стал истинным психологом, знал, кому н а д о грубить, кого следует умасливать, и, по всей видимости, был теперь почти что на пороге исполнения своей мечты...

И вот это требование товарища Славина...

Как было бы приятно брякнуть прямо в лицо товарищу Славину все, что Баклагин думает о нем и его просьбе, и посмотреть, как это толстое лицо начало бы кривиться! Баклагин даже кулаком по столу ударил и издевательски хохотнул, представив эту картину. Но тут же сдержал свои чувства. Сказать-то он может, а вот что получится? И, тяжело вздохнув, позвонил в приборный цех.

Александр взял трубку с опаской. Он уже умылся и переоделся, его ждала Шурочка: он видел из своего стеклянного скворечника ее нетерпеливую фигурку, вышагивающую вдоль станочной линии с таким выражением на лице, будто она пришла на свидание, а он опаздывает. Она была в синеньком платьице с белым воротничком — хоть сейчас в кино или в парк, как они чаще всего и делали. Токари и подсобники очищали рабочие места, гремели последние вагонетки с готовой продукцией — скоро цех умолкнет до утра.

Баклагин сказал:

— Александр Александрович, зайдите ко мне на минутку...

«Знаю я, какая у тебя минутка!» — со злостью подумал Александр, но ответил одним словом: — Хорошо!

Проходя мимо Шурочки, он тихонько сказал, чтобы она подождала в садике у проходной: начальство вызывает.

— Зачем? — озабоченно спросила Шурочка.— План мы сегодня перевыполнили...— У нее была странная манера думать, будто мы нужны начальству только в том случае, когда план не выполнен. Впрочем, это к лучшему. Не такто приятно иметь ясное представление, какие сложные бывают взаимоотношения в жизни.

— Я скоро,— пообещал Александр.

— Подожди,— вдруг остановила его Шурочка.— А эта практикантка-дипломантка ушла?

«Э, Шурочка не так проста!» — подумал Александр. Чего греха таить, он тоже опасался вдруг разговор пойдет о том, что практиканткy в цехе приняли не очень гостеприимно?

— А что ей тут делать? И грязно и шумно! — усмехнулся Александр, скрывая свою тревогу.

— Я тебя провожу,— сказала Шурочка с таким видом, будто Александру грозила опасность.

Он оставил ее перед дверью управления. На лице у Шурочки было написано опасение, что она с ним больше не увидится.

Баклагин сидел один.

Кабинет у директора был достаточно обширный, но Баклагин имел странную привычку тесниться в уголке. Стол придвинул к окну боком, и было непонятно, как он пролез туда между кадкой с фикусом и шкафом с чертежами. Даже ковровую дорожку от двери к столу попросил перестелить поближе к стене. И на полу оказались две дорожки: одна ковровая, другая мастиковая, оставшаяся на выцветшем паркете после этого переустройства. Инженеры и мастера подходили к столу директора по обеим дорожкам, в зависимости от настроения. Александр прошагал по мастиковой, подчеркивая этим, как он недоволен вызовом в нерабочее время.

— Садитесь, Александр Александрович,— сказал Баклагин, делая вид, что не заметил этого недовольства и не слышал грохота подкованных китайских сандалет по паркету.— Как дела в цехе?

На этот вопрос можно было и не отвечать: перед Баклагиным лежала сводка, подписанная и Шурочкой и Александром. Но так уж устроены люди: всякий неприятный разговор они начинают незначительными словами.

— Хорошо! — ответил он.

«Нет, я не доставлю радости товарищу Баклагину, не стану сам спрашивать, чем заслужил честь беседовать с ним после рабочего дня»,— думал Александр. А Баклагин потирал одной рукой небритую щеку, другой перелистывал какие-то бумаги, наверняка не имеющие отношения к будущему разговору. Но вот он отодвинул эти бумаги, положил руки на стол и взглянул в лицо Александру. «Начинается!» — подумал Александр, внутренне поеживаясь. Неприятно всякое ожидание, а уж ожидание неприятного разговора — тем более.

— Вы все еще не переселились в вашу комнату? — с неожиданным интересом спросил Баклагин.— Отличный район, не правда ли?

— Правильно! — сказал Саша.

— Что правильно? — удивился Баклагин.

— Что район отличный,— невозмутимо ответил Саша. Он уже решил: «Пойду в разговоре за Баклагиным. Куда он поставит ногу, туда и я. Если Баклагин поведет меня через заминированное поле, то уж сам-то на мины наступать не станет. И затаенные мысли пусть высказывает сам. Глядишь, иную и оставит при себе».

— Когда же свадьба? — с вежливым интересом спросил Баклагин.

«Ну, в этом подвоха нет. О нашей с Шурочкой будущей свадьбе знают все...» Он ответил осторожно:

— Вот перееду, обзаведусь кое-какой мебелью...

— Вот так оно и бывает,— со вздохом сказал Баклагин.— Сначала одна отсрочка, потом другая, а там, глядишь, тот или другой и совсем отдумают... Между прочим, квартиру-то вам выделили на двоих...

— Позвольте, что это значит? — вскипел Але-

ксандр.— Прошу наших отношений не касаться! Если вы пригласили меня по делу, то давайте разговаривать о деле! Не вы нас сосватали, не вам и о разводе хлопотать!

Сонно-спокойное лицо Баклагина не изменилось, только в прищуренных глазах появился на миг и пропал какой-то блеск. Ой, Саша, Саша, ты бы должен знать, что твой директор умеет прижать противника в споре! Александр пожалел, что так неловко вспылил, но Баклагин продолжал тем же спокойным тоном:

— Ну зачем же так! Я просто подумал, что напрасно у нас на свадьбу не дают ни ссуды, ни пособия. Если вы рассчитываете на премию за ваше предложение, так оно долго будет рассматриваться. Знаете, какая бывает волокита... Пожалуй, можно было бы устроить премию из директорского фонда. Проект еще у вас?

Погоди, Саша, кажется, вот тут-то и начинается главное! Зачем Баклагину проект, если он всегда был противником этого предложения? Но волна горячей благодарности за отзывчивость уже залила Сашино сердце. Он только и мог пробормотать:

— Вот жалость! Мы сдали проект в совнархоз еще третьего дня...

Баклагин не удивился, не огорчился, видимо, от кого-то узнал об этом раньше. Только сказал:

— Все-то вы торопитесь, молодежь! Впрочем, его можно и вернуть. Завтра с утра поезжайте в отдел технологии, скажите, что решили доработать, и волоките его сюда. А я поговорю в главке, они, думаю, против не будут, все-таки свои кадры, таких людей, как вы, поощрять надо. Есть у нас в запасе не то три тысячи, не то четыре, можно бы и премировать, а уж тогда-то вы, думаю, и на свадьбу еще позовете!

— Что вы, что вы, Тимофей Павлович! Конечно! Позовем! — закричал всполошенно Александр. Он сразу забыл о том, что при обсуждении списка будущих гостей имя директора Тимофея Павловича Баклагина ни он, ни Шурочка даже не упомянули.

— Кстати, и Алле Борисовне поможем! — все более веселея, продолжал Баклагин.— Вот уж легкомысленная особа, между нами говоря! Ведь знала же, что надо готовить дипломную работу, и даже не пошевелилась. А вчера Борис Матвеевич чуть не со слезами мне говорит: «Помоги! Всего месяц до сдачи остался! А ей еще отдохнуть надо, путевки заказаны!» — Все это Тимофей Павлович проговорил плаксивым голосом, явно передразнивая Славина, а потом совсем неожиданно добавил: — И придется помочь! Что, в самом деле, девушке мучиться? Между нами говоря,— опять несколько осуждающе поделился он с Александром,— никакой склонности к металлургии у этой девицы я не приметил. Да и то сказать, выросла она на мягких хлебах, слезами суп ни разу не подсаливала, что ей завод и что она заводу? Но вот вбила себе в голову, что должна стать инженером, тут уж ничего не поделаешь, придется помочь. Глядишь, папаша когда-нибудь вспомнит, что была такой молодой инженер Александр Александрович Стожаров, который вывел его дочку в люди, а это уже кое-что значит! — с ударением закончил он.

«Так вот где таилась погибель моя!» — молнией блеснула в голове Александра пушкинская строка, с детства запавшая в памяти. Вот уж не предполагал он, что вспомнит она вне всякой связи с поэзией! У него даже дыхание перехватило от внезапности. Словно шел, шел по длинному и такому прочному мосту дружеской беседы и вдруг — бух в воду! А вода-то холодная! Бр-р! Даже мерзко сделалось. А Баклагин, глядя исподлобья маленькими, но такими пронзительными глазками, продолжал:

— А ведь она ничего себе, наша Алла Борисовна! Сильна, как теперь у вас, молодых, говорится! Такая на инженерском посту надолго не застрянет, это не Шурочка, которая выше мастера или начальника участка не потянет! Нет, наша Аллочка мигом станет министершей! Конечно, не министром, мозги-то у нее куриные, а вот министершей обязательно! Разве только замуж не по расчету, а по любви выскочит. Ну, тогда папенька мужу поможет, тоже подтолкнуть умеет, глядишь, и в этом случае не министершей, конечно, а крупненькой начальницей все равно будет!

«Господи, что за пошлятину он говорит? И зачем я все это слушаю?» — со страхом спрашивал себя Александр. Однако оборвать Баклагина не мог. То ли «три-четыре тысячи» загипнотизировали, то ли рассудок умолк перед здравым смыслом, который явственно нашептывал: «Не ссорься! Притворись, что согласен, а потом все поверни по-своему!» Известно, что здравый смысл так именно и советует, а потом оглянешься — поворачивать-то уже поздно! Саша и это хорошо знал, а вот меж тем молчал...

А Тимофей Павлович все продолжал свою речь, рассматривая каждую мысль и с той и с другой стороны, будто задался целью исполнить роль Мефистофеля в пьесе на современную тему. Теперь он пробовал на Александре один из самых запрещенных приемов. И это Александр знал, однако не возражал, а продолжал слушать, как ни гадко было на душе.

— А она от романчика совсем, я вижу, не прочь! Оно и понятно, пять лет просидела на студенческой скамье, там все-таки надо было хоть конспекты чужие переписывать да и лекции пропускать запрещено. А теперь-то она уже свободный человек! С первого слова заговорила о вас! Кто такой да где учился... да что представляет Шурочка... Представьте себе, эти современные женщины — чистые Макиавелли по уму и развитию, сразу видят, что к чему... Да вы не волнуйтесь, Александр Александрович, я сразу сказал, что ваше сердце занято. Правда, она только плечиком повела. «Это,— говорит,— значения для любви не имеет!» Видали, какое у нее образование? Вот и поговори с ней! Пожалуй, даже лучше помочь ей поскорее да и спровадить с богом, пока она не извела нашу Шурочку муками ревности...

Нанеся этот последний удар, в котором яду было больше, чем в остальных, Тимофей Павлович умолк и застыл, вытянув длинную шею и глядя прямо в глаза Александру, будто гипнотизировал его. Небритое лицо его порозовело, словно высказанные им истины разожгли и его собственное сластолюбие. Александр сидел, не шелохнувшись.

Надо было встать и уйти, хлопнув на прощание дверью так, чтобы этот трус выскочил от испуга в окно. Что значит дать переписать свой проект этой смазливой девчонке? А вдруг она догадается, какая это дорогая находка? Или вдруг кто-нибудь из будущих оппонентов при обсуждении проекта в совнархозе скажет: «Позвольте, нечто подобное уже давно предложила в своей дипломной работе студентка Алла Славина!» Ведь ученые мужи, заседающие в комитете по новой технике,— те же самые, что рассматривают дипломы студентов и читают лекции! И другое: ведь пока студентка Алла Славина не защитит своего диплома, проект нельзя будет даже проталкивать! Он должен лежать где-то в ящике стола, допустим, баклагинского, и не высовывать кончика носа, если у проектов бывает нос... Что касается хвоста, так хвосты бывают: прищемил же Баклагин кончик хвоста этого самого проекта своей двухстворчатой, с предбанником, дверью... Саша тоскливо посмотрел на эту самую дверь.

А если гордо встать и уйти? Что тогда будет? А будет то, что проект придется вообще похоронить. Товарищи Баклагин и Славин сделают все возможное и многое из невозможного, чтобы он так и не увидел света. Затем самому Александру придется распроститься с мечтой о квартире, недаром же Баклагин начал разговор с квартиры. Ордер-то еще не действителен! Он еще на проверке! Стоит Баклагину позвонить: «Мы передумали!»,— как его выдадут другому: сколько нас, жаждущих, даже и на самом заводе! И тогда прощай квартира, прощай Шурочка, потому что больше никакая любовь не выдержит стояний в чужих подъездах, прогулок по мокрым улицам, поцелуев украдкой и тоскливого томления после прощания, не выдержит именно теперь, когда эту любовь уже обрадовали квартирой...

Ну, а второе обстоятельство? Ведь над проектом-то работал не он один! Помогли ему и Шурочка, и Женя Ястребов, и Петя Корольков! А если говорить шире, так помогла вся бригада токарей, которых больше всех касалось предложение об автоматизации потока! Что скажут они? Ведь от них-то не укроешь того, что должно тут произойти!

«Фу, о чем я думаю! Получается так, будто я уже согласен с этим небритым Мефистофелем!» — Саша чуть не сплюнул от досады, но лишь сделал глотательное движение. А Баклагин все смотрел и смотрел, не меняя положения, хотя тонкая и длинная шея его уже покраснела от напряжения.

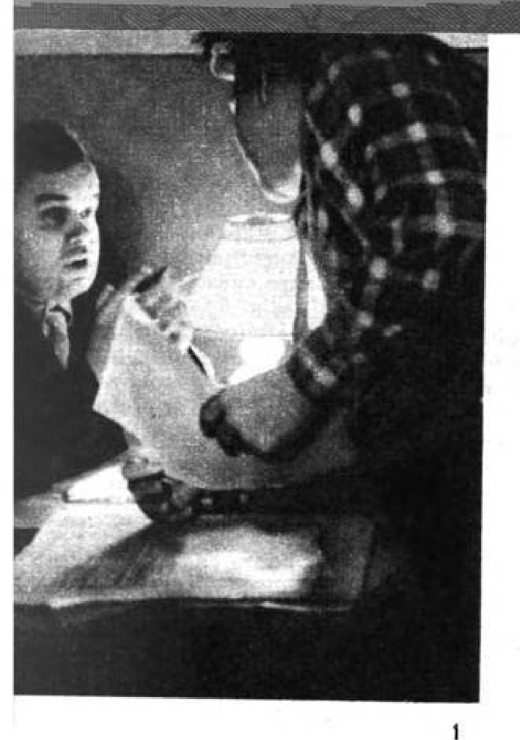
— Хорошо, я подумаю! — сказал Александр и встал.

— Э, нет, голубчик! — весело поблескивая глазами, сказал Баклагин.— У вас, молодых, бывает и так: подумаю да передумаю! А тут передумывать некогда! Алла Борисовна завтра будет отдыхать, а послезавтра приедет вместе с папашей, чтобы он мог прикинуть опытным взглядом, что еще требуется его детищу. Кабинетик мы ей уже сварганили, технолога немного потеснили — тоже посопротивлялся было, да умолк, как услышал, на какой предмет требуется это утеснение. Надо вам, Александр Александрович, съездить завтра в совнархоз, я уже распорядился, чтобы Шурочка вас подменила с утра. Ну, я не задерживаю, действуйте, тем более, что Шурочка все стоит под окном...

Александр повел глазом в окно и увидел: синенькое платьице сиротливо металось между тоненькими деревцами липовой аллеи, что была посажена этой весной от заводоуправления до проходной. Уму непостижимо, как заметил это Баклагин, который и сидел-то спиной к окну!

Саша удержал вздох и, поклонившись, но не заметив протянутой руки Баклагина, вышел. Это была его месть. Прямо скажем, довольно жалкая! Но что делать, если на другую недостало смелости!

(Продолжение следует)

1

2

3

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ...

Очередное задание журнала привело нас в маленький южноуральский городок Чебаркуль, Челябинской области, в редакцию районной газеты.

Пятеро энтузиастов работают в этой газете. Пятеро из той многотысячной армии журналистов, которых Н. С. Хрущев назвал подручными партии.

В этом репортаже мы и хотим познакомить вас с нашими собратьями по перу, журналистами районной газеты «Южноуралец».

1

Первое знакомство, конечно, с редактором. Евгений Александрович Водовозов — старожил района. Лет тридцать назад, когда он только начинал трудиться в Чебаркульской типографии учеником печатника, выпускался первый номер газеты. Потом Водовозов учился, стал партийным работником, рабкором, журналистом. Не так давно рабкорами и селькорами были и другие штатные сотрудники «Южноуральца». Самый молодой из них, Иван Лукшин — в прошлом колхозный пастух, — теперь студент-заочник факультета журналистики Уральского государственного университета, заведует сельскохозяйственным отделом газеты. Это с ним сейчас беседует редактор об очередной поездке в колхозы. И в который раз слышит Лукшин привычные напутственные слова:

— Доберетесь, как всегда, на попутных...

2

Попутчик оказался на редкость интересным — совхозный бригадир Григорий Антонович Дереза. Уже в пути можно взять интервью, рождается тема очередного выступления в газете.

3

Об этих девушках хочется не только хорошо написать, но еще и дать в газете их снимок. Будет ли он удачным? Это одинаково беспокоит и корреспондента и лучших птичниц района — Марию Куприянову, Нину Карнаухову, Тамару Абрамову.

4

Очередное интервью. Новые впечатления. Новые знания. Журналист Сергей Филипченко напишет еще об одной новинке рационализатора с ремонтно-механического завода Геннадия Алькова.

5

И еще одна дорожная встреча. Интервью для газеты берет активный рабкор, токарь Иван Филиппович Эктов. Сегодня он работает в ночную смену, а днем, как обычно, выполняет задание редакции. И это ничего, что приходится записывать прямо на морозе, зато в газете появится нужная и важная заметка.

6

Об одной трудной осенней поездке вспоминают сейчас шофер Чебаркульского автохозяйства Николай Яровиков и журналист Анатолий Дедов.

Сутки провел тогда Дедов в видавшей виды трехтонке Яровикова. Уборка близилась к концу. Урожай созрел богатый. Возили зерно из отдаленных колхозов.

Все подметил меткий глаз журналиста. И простои машин в очередях у элеватора, и плохие участки дорог, и то, что шоферу во время рейса пообедать негде. После этой поездки появилось в газете резкое письмо шофера Яровикова «У ворот элеватора», а еще через два дня — очерк Дедова о самоотверженном труде героев хлебной трассы. Сигнал, как говорят, был услышан, меры приняты.

С тех пор подружились шофер и журналист. Часто встречаются они на районных дорогах...

7

«Муки творчества»... Материала накоплено много, хочется, конечно, написать поярче и поинтереснее. Формат газеты не велик, и мысли надо излагать кратко.

8

И вот вышел очередной номер «Южноуральца». Три раза в неделю почтальон доставляет газету подписчикам. Мы сфотографировали одного из них — агронома совхоза «Боровое» Федора Тарасовича Лобанова. Много подписных изданий получает он, но свою районную газету просматривает в первую очередь. Приятно, когда хвалят родной совхоз. Но бывает и наоборот. Тогда, читая газету, Федор Тарасович, конечно, не улыбается...

9

Не легки журналистские пути-дороги! Попутные сани или автомашина почему-то очень редко едут туда, куда нужно газетчику. Довезут до развилки дорог, а там несколько километров пешком. Зимой, когда так сказочно красивы покрытые мохнатым инеем леса и под ногами похрустывает снежок, это даже приятно. А весной и осенью, в дождь и распутицу... Все равно отправляется в дорогу журналист. Трудные и увлекательные дела, хорошие новости ждут его впереди.

А. ГРИГОРЬЕВ

4

5

Фото А. УЗЛЯНА.

7

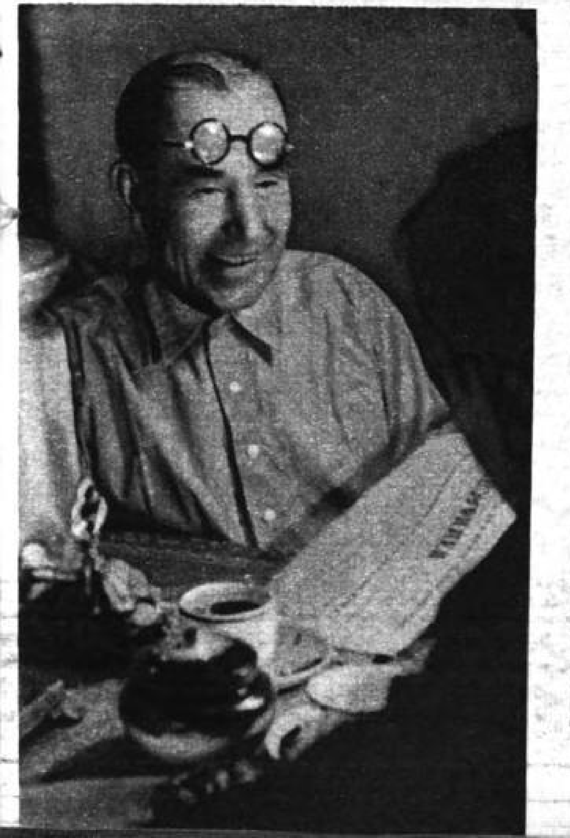

6

8

9

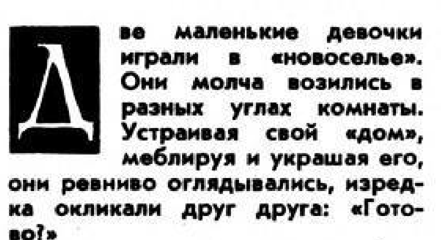
З. АЛЕКСАНДРОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Дети нашего двора,
Крепнут ваши крылья.
И вчерашняя игра
Завтра станет былью...

С. Маршак

ДЕТЯМ — БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО

Две маленькие девочки играли в «новоселье». Они молча возились в разных углах комнаты. Устраивая свой «дом», меблируя и украшая его, они ревниво оглядывались, изредка окликали друг друга: «Готово?»

Когда новые «квартиры» были полностью устроены, юные хозяйки церемонно обменялись приглашением в гости.

Меня они не замечали, и я могла внимательно приглядеться ко всему, что они создали. А приглядеться стоило.

Обе девочки были из семей с равным материальным достатком. Однако игрушечное жилье свое они «обставили» совсем по-разному. Именно это различие и позволяло видеть, что одна девочка живет в семье, где не придают значения изяществу и красоте, на кроватях громоздят горы подушек под тюлевой накидкой, для украшения стен размещают «веером» открытки с видами или фотографии; половину пространства в такой комнате занимает стародавний символ безвкусия — пузатый комод, на нем теснятся мопсы, слоники и неизбежные бумажные цветы...

Другая девочка, видимо, привыкла совсем к иному. У нее уже выработались зачатки хорошего вкуса, тонкой изобретательности в мелочах бытового устройства. Простая коробка, где раньше лежали детские ботинки, превратилась под ее ловкими руками в... книжный шкаф; большой желудь со шляпкой изобразил собою красивую настольную лампу, незамысловатый пузырек из-под лекарства стал вазой — в нем качалась большая белая ромашка, а на желтом осиновом листе, как на блюде, лежала красная кисть рябины.

«Конечно, — подумала я, — каждая из этих девочек построила «новоселье» по образу и подобию своей привычной домашней обстановки. Значит, одна будет совершенствоваться в своих вкусах, потому что окружена дома атмосферой простого, но изобретательного, настоящего изящества, а ее подружка... Может быть, она так и останется в полном неведении, что хорошо и что дурно, если к неблагоприятным домашним влияниям вдруг не прибавится что-нибудь стороннее, достаточно благотворное и сильное...»

Эти две девочки вспоминаются мне всякий раз, когда я задумываюсь над эстетическим воспитанием юного поколения.

Воспитание это начинается неприметно. Начинается с самых первых дней пробуждающегося человеческого сознания. Основы его закладываются сами собою, с первыми же впечатлениями, которые получает ребенок от всего, что его окружает. Потом эти впечатления развиваются с первыми стихами, что заучивают ребята с голоса старших наизусть; с первыми песнями; с первыми увиденными спектаклями или елочными праздниками...

Я сама запомнила на всю жизнь, как в семилетнем возрасте попала первый раз в театр на оперу «Руслан и Людмила». Сказочным и волшебным, незабываемо праздничным было для меня не только все, что творилось на сцене, но и звуки оркестра и самый вид театрального зала с гигантской люстрой под потолком, с красным бархатом ярусов...

Первые впечатления от соприкосновения с искусством играют огромную роль в душевном развитии человека.

Вот почему мне думается, что родителям и воспитателям необходимо с особой тщательностью, обдуманно и разборчиво вводить ребят в мир искусства: выбирать для них такие спектакли, водить в кино на такие картины, посещать с ними такие концерты, что всего больше доступны им по возрасту и в то же время несут в себе познавательную и эмоциональную значительность, а следовательно, всего глубже, всего ярче, всего праздничнее отзовутся в их душах.

К сожалению, в наши дни — особенно связано это с массовым распространением телевидения — детская «всеядность» в искусстве принимает бедственный, иной раз прямо-таки угрожающий характер.

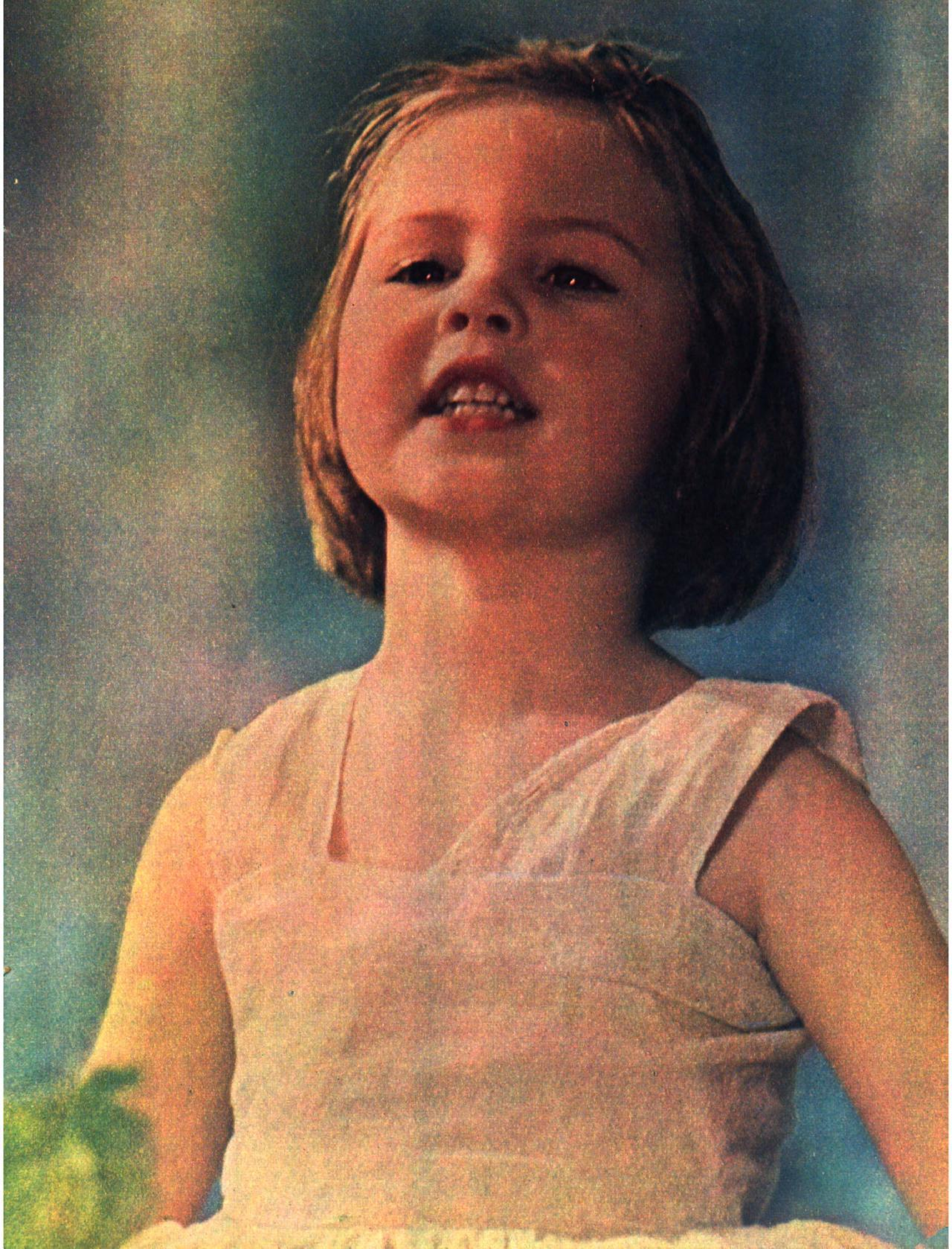
Дети просиживают перед экраном телевизора — из вечера в вечер — всю программу «насквозь», от начала до конца, до последнего заключительного сообщения о погоде на завтрашний день.

Во время неинтересных либо недоступных по возрасту передач они задремывают либо засыпа-

В четыре руки...

Автопортрет.

Перед ними весь мир.

Здесь «вечер балета» начинается утром.

Мама, расскажи!

Раздумье «зодчего».

ют, не сходя с места, и мгновенно просыпаются, лишь только диктор объявит следующий номер программы.

Конечно, праздника у таких детей от соприкосновения с искусством уже быть не может. Они «объелись». Самая способность непосредственного, жадного и взволнованного отклика у них притуплена.

К неумеренному, неразборчивому пользованию телевизором прибавляется радио. А ведь в иных домах радио не выключают с утра до ночи. Опять дети слушают все подряд, слушают, впитывают... Вот и случается: четырехлетняя девочка однажды, к удивлению старших, а может быть, и на забаву им, пропела:

Огней так много золотых
На улицах Саратова.
Парней так много холостых,
А я люблю женатого...

В дни зимних каникул вокруг бесконечных елок детвору уж очень часто и, по-моему, слишком много, прямо-таки «до отвала» забавляют всякими веселыми пустяками. И дети, избалованные обилием легковесных, непритязательных эстрадных выступлений, пресыщенные, а под конец и утомленные ими, привыкают думать, что истинное, всем желанное искусство призвано лишь развлекать, забавлять, веселить — не более. Подрастая, они с видимым трудом и явной неохотой сближаются с произведениями искусства большого, обращенного к подлинным глубинам мысли и чувства...

Вспоминаю первые годы революции. Я жила и воспитывалась тогда в детском доме. В стране было голодно и холодно. Стакан горячего морковного «чая» с двумя липкими конфетами-подушечками мы считали большим лакомством. Но даже и в те суровые дни в нашем детском доме каждую субботу устраивались литературно-музыкальные вечера. К нам приезжали видные артисты, известные музыканты. Воспитанники детского дома на этих еженедельных концертах-праздниках постигали, например, прелесть музыки Грига к драме Ибсена «Пер Гюнт» или знакомились с богатствами родного языка в мастерском чтении отрывков из Тургенева, Толстого, Гоголя...

Хочется лишний раз напомнить родителям: детям — детское! Но это ни в коей мере не значит — облегченное. Напротив, художественная программа для детей должна быть очень многообразной и вдумчиво подобранной, рассчитанной на ознакомление мальчиков и девочек не только с богатствами классики во всех видах искусства, но обязательно также с лучшими произведениями современных авторов.

Наши дети с интересом, а то и со страстью, всегда очень искренне, по-своему откликаются на важнейшие события, происходящие вокруг них, в большом мире взрослых людей.

Присмотритесь к детским играм — вы обязательно найдете в них отражение крупных общественных явлений. Героически дрейфовали на льдине папанинцы — и миллионы ребят играли повсюду в бесстрашных покорителей Севера. В годы войны любимой игрой была игра в «разведчиков»; сколько совершалось бесчисленных смелых «рейдов» по «фашистским тылам»!

В наше время содержанием детских игр становятся спутники и космические корабли; в них, кроме Белки и Стрелки, сами ребята мчатся в своем творческом воображении на Луну; они уже «побывали» на Венере и других далеких планетах...

Величайшие успехи советской науки в строительстве ракет, или победы комсомольских посланцев на целинных землях, или подвиги бригад коммунистического труда на современных великанах гидростанциях — все это властно захватывает воображение пионеров и октябрят. Они «строят» свои ракеты, «возводят» свои плотины, «пускают в ход» свои турбины. И как интересно им не просто копать грядки на школьном участке, а «подымать целину»!

Чудесно то, что не только события в своей родной стране, но и вести о борьбе за освобождение народов в далеких, казалось бы, чужих краях непременно становятся живым источником вдохновения ребят. Бывают они и «кубинцами», отстаивающими свою революцию, бывают и «африканскими патриотами», хозяевами тропических джунглей, наводящими страх на чужеземцев — охотников за чужим добром...

Присматриваясь и прислушиваясь к детям, играющим во все это, невольно удивляешься: откуда они узнают столько географических подробностей, столько бытовых особенностей, связанных с условиями жизни людей в других странах?

Никогда не утихающие, страстные детские игры «в большую жизнь» красноречиво показывают, как заинтересованно воспринимают ребята важнейшие дела своей страны и всего мира, как жадно тянутся они разумом и сердцем навстречу ко всему большому, настоящему, значительному.

Видно, что в этих многообразных детских играх находит свое стихийное выражение неугасающий творческий ребячий порыв. И здесь сила детского воображения тесно переплетается с общественными — уже гражданскими! — чувствами.

Но литература, кино, театр, телевидение, живопись, музыка в произведениях, обращенных специально к детям, иногда слишком скупо либо бесцветно раскрывают перед ними мир великих планов и свершений нашего времени.

Я хорошо знаю, какой силой обладает художественное слово в светлом развитии человеческих душ.

По роду своей деятельности я часто выступаю перед юной аудиторией. Общее мое наблюдение: мальчики и девочки тем внимательнее, тем более искренне и взволнованно слушают стихи, чем дальше живут от больших городов. Очевидно, и тут сказывается в какой-то мере пресыщенность, душевная и эмоциональная притупленность одних, либо живая, жадная, непосредственная заинтересованность других...

Однажды летом, когда я жила за городом, из соседнего пионерского лагеря пришла ко мне пионервожатая с просьбой встретиться с ребятами. Договорились, что пионеры придут в ближайшее воскресенье, в четыре часа.

Дождь в тот воскресный день хлестал безостановочно. Я была убеждена, что в такую непогоду никто из пионерского лагеря не захочет идти «в поход за стихами». Но в условленный час калитка сада распахнулась перед колонной ребят. Все они были в плащах и пальто, с клеенками или мокрыми газетами над головой. Дети шли, не нарушая строя, ничуть не торопясь, точно и нет никакого дождя. Только у входа на веранду и за ее порогом на несколько минут возникла сумятица: гости сбрасывали с себя в кучу верхнюю одежду, платки, кепки, галоши. А потом все чинно расселись на стульях и скамьях. Многим не хватило места, и они устроились прямо на полу.

Сначала я почитала гостям свои стихи, потом попросила детей припомнить, какие произведения они всего больше любят. Я услышала в их исполнении много стихотворений моих товарищей по перу.

Но было в тот день одно совершенно неожиданное выступление. Восьмилетний октябренок очень возбужденно, с затуманенным от волнения взглядом вдруг прокричал:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине.
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

Все слушали малолетнего чтеца внимательно, но с некоторым недоумением. Что вдруг стряслось с парнишкой?.. И о чем это он?..

Разумеется, всех меньше мог бы ответить на эти вопросы сам маленький чтец.

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?..

Мальчуган прочитал это пушкинское стихотворение залпом, в каком-то самозабвении, после чего немедленно укрылся за спинами своих товарищей.

И я догадалась: его пленила самая музыка пушкинского «Предчувствия». Ребенок был захвачен и очарован ритмикой стихотворения, непостижимой, но властной силой поэтических звуков. Слишком еще мал он был, чтобы неопытным сердцем понять, в чем суть, о чем идет речь в этом произведении. Но магическая сила поэзии уже властно подействовала на мальчугана...

Конечно, это — исключение. Ни в какой мере случай этот не может поколебать закона: детям — детское! Но я всерьез призадумалась тогда над ритмической (не говорю о смысловой) ограниченностью многих наших стихотворений для детей. Мне стало ясно, что необходимо разнообразить ритмику нашей детской поэзии, оттачивать и совершенствовать ее форму, обогащать музыкальное звучание наших стихов, непримиримо бороться с установившейся, как будто канонизированной их монотонностью.

В нашей стране вот уже более сорока лет создается поэзия для детей, литература для детей, драматургия для детей, музыка и песни для детей, действуют повсюду многие театры для детей.

Советские художники заботливо и вдохновенно растят своим творчеством в душах мальчиков и девочек любовь к прекрасному, приучают их к светлым и добрым чувствам. И пусть эти чувства растут! Пусть человек будущего входит в это будущее подготовленным!

Перед нами несколько фотоснимков; они рассказывают о том же — о первом восприятии прекрасного, об эстетическом воспитании детей.

Глядя на маленькую девочку в коротеньком платьице, я готова улыбаться так же, как улыбается ее мама за роялем... В танцевальных движениях ребенка столько естественной грации! Хороша эта домашняя сцена, эта скромная «проба» художественных сил девочки — в своем кругу, без всяких посторонних зрителей.

Вот другой снимок: где-то в музее перед картиной сидят мать и две девочки с косичками, заплетенными одинаковыми белыми лентами. Неизвестно, каким произведением живописи любуются они. Но так выразительны позы обеих девочек, так прочно оперлись они руками о бархатную скамейку, откинув головы, впитывая в себя образы понравившейся им картины, что можно не сомневаться: она надолго, может быть, даже навсегда запомнится им.

А вот маленький «зодчий». Посмотрите, в каком он раздумье! Какое сочетание форм, красок, линий лучше выбрать?..

Еще на одном фото — мальчуган, задумавшись, слушает, как старшая сестра играет на контрабасе. У ребенка удивительно сосредоточенный вид. Он не сводит взгляда со смычка, движущегося по толстым струнам... И если в доме звучит хорошая музыка, то мальчик с течением времени обязательно научится понимать и любить ее. Ему непременно откроются когда-нибудь все неоценимые радости большого музыкального искусства.

Правда, бывает иногда и так, что дети в очень еще раннюю пору выказывают повышенную склонность к художественному чтению, к танцам или к музыке. Родители поступают совершенно правильно, обращая в таких случаях особое внимание на развитие художественных задатков в своих детях, занимая мальчиков и девочек специальными уроками музыки, хореографии, театрального искусства...

Но беда, если взрослые, чрезмерно увлекаясь этими склонностями ребенка, сразу отдаются своим собственным, порою весьма преувеличенным надеждам. Беда, если они носятся со своими детьми, как с особо избранными, мечтая непременно сотворить нового вундеркинда, либо всеми правдами и неправдами добиваясь, чтобы их маленькая девочка в специально сшитых пышных юбочках обязательно сплясала на большой сцене в концерте.

Тщеславие взрослых портит маленьких! Оно мешает их развитию. Оно может даже покалечить их судьбу...

Дети любят прекрасное. И к этой любви надо относиться очень бережно, с уважением. Надо отвечать на эту любовь делом, но отвечать продуманно и чутко.

Взгляните на маленькую девочку на одном из фото. Широко раскрытые, ясно и заинтересованно смотрящие, жадно ожидающие глаза. Так и кажется, глаза эти просят, требуют: покажите мне самое замечательное!

Маленький человек с уже пробудившимся сознанием, с инстинктивной жаждой открытий в мире прекрасного ждет, что художники слова, звуков и красок разовьют в его сердце лучшие, добрые и сильные чувства, обогатят его ум чистыми и высокими мыслями.

←
Он слушает.

НЕМНОЖКО НАХАЛЬСТВА

Мартти ЛАРНИ Рассказ Рисунки **А. ВАСИНА.**

Парнишка стоял у дверей как воплощение робости, мял в руках выгоревший, заношенный картузик и не мог осмелиться посмотреть начальнику в глаза. Он ненавидел эти свои мигающие ресницы, начинавшие отчаянный пляс, как только он отрывал глаза от пола, чтобы взглянуть на мужчину, сидевшего за конторским столом.

— Так тебе уже исполнилось четырнадцать? — спросил мужчина, просматривая бумаги, лежавшие у него на столе.

— Да... то есть еще не совсем...

— Ну, а когда исполнится?

— В декабре... В день святого Нийло.

— И ты окончил дополнительный класс народного училища?

— Да, конечно.

— Та-ак. Н-да. Слишком ты еще молод. Мы не можем брать учеников моложе шестнадцати лет. Законом запрещено. Так что приходи через годик снова.

— Слуш... шаюсь...

Паренек повернулся и чуть носом не стукнулся о дверь. Поспешно просеменил он через весь закопченный цех к выходу, и, точно сновидение, пронесся перед его взглядом блестящий парад жестяной посуды. Разочарование смешало его мысли, и пока он дошел до будочки привратника, им овладела безысходная жалость к самому себе.

— Ну, получил работу? — спросил его привратник, вся жизнь которого была постепенным скольжением: сначала он поскользнулся и, угодив в маховик машины, потерял руку, затем он скользнул в больницу, а оттуда — в сторожа. Теперь уж скоро он должен был съехать на пенсию и — если хватит разгона — в общинный дом призрения, где люди заканчивают скольжение в долгих сумерках, молчаливо наслаждаясь понюшкой табаку.

— Не получил,— ответил парнишка со вздохом.

Старик привратник вышел из своей будочки, и в его маленьких, заплывших глазках показался тусклый отблеск злорадства:

— Говорил ведь я тебе, что мастер не берет в ученики детей. Напрасно только ходил беспокоить. А потом меня же будут ругать.

Мальчик не ответил ничего, только задумчиво посмотрел на коричневую куртку привратника, украшенную блестящими жестяными пуговицами. Это была очень красивая форма, стариковский парадный мундир, лишь издали бросавший нежно-радостные взоры на грубосуконный халат инвалидного дома.

— Надо достичь установленного возраста, когда нанимаешься на работу,— продолжал старик.— В моей молодости было другое дело... Когда я пришел работать на завод в одна тысяча восемьсот... одна тысяча восемьсот... Ишь ты, а дальше-то не помню... Да. Так вот, в те поры о годах даже не спрашивали. Требовалось только быть старательным и смелым. А в нынешнее время надо быть смелым и нахальным, главное — нахальным!..

Мальчик надел картуз и, оставив старика с его размышлениями, зашагал прочь. Он проклинал свои ресницы, которые так неудержимо мигали, мешая ему смотреть людям в глаза. И ведь говорил и наставлял учитель в последнем классе народного училища: «Друзья мои, вы теперь выходите в жизнь, так не забывайте же всегда смотреть людям прямо в глаза. Это первый признак честности...»

«Прямо в глаза»,— подумал мальчик со вздохом. Конечно, только так. Хорошо учителю советовать, когда у него у самого глаза всегда защищены очками! А как же быть, если невозможно смотреть? Если перед тобой оказываются такие глаза, от которых твои ресницы так и задергаются? А если злые, завистливые, злорадные или осуждающие глаза, — и в них тоже смотреть прямо?

Парнишка повернул за угол. Он решил во что бы то ни стало смотреть людям в глаза. Ему необходима была работа.

* * *

Трехдневные поиски ничего не дали. Это было горько и унизительно, как просить милостыню. Везде один и тот же ответ:

— Слишком молод!

— Та-ак. Ах, только четырнадцать? Не годится.

И все-таки он кое-чему научился. Больше он уже не моргал глазами и не заикался на первой же фразе. Для того, чтобы он тверже держался на ногах, привычка подарила ему костыли. На них можно было спокойно опереться и повторять, как заученный урок:

— Исполнилось. Да. Конечно. Нет.

А в случае надобности продолжать:

— Был. Ходил. Окончил. Нет. Других свидетельств нет. Есть. Дом есть. Но отец уехал в Канаду. Да. Мать в прачечной гладит белье. Да. Трое детей. Младшие двое дома.

На третий день он уже перестал упоминать о том, что отец в Канаде. Это было, по-видимому, плохой рекомендацией.

— Ах, в Канаде! Ну, в таком случае над тобою не каплет. Наверно, отец присылает вам деньги, посылки?

И тогда он больше уже не мог смотреть в глаза нанимателю. Взгляд его невольно опускался к полу, и длинные ресницы начинали вздрагивать, напрасно пытаясь разогнать туман, застилающий глаза. Отец был в Канаде, но он не присылал ни денег, ни посылок. Он присылал только цветные открытки два раза в год: на рождество и на пасху.

Мать — гладильщица. Но чем больше она гладит чужое белье, тем больше морщинок собирается вокруг ее глаз. Мальчик заметил это, и ему стало не по себе. Ему казалось, будто мать гладила только траурные одежды. Вечером третьего дня, когда сестренки уже спали, он попытался утешить и ободрить мать:

— Я слишком молод для ученика. Но я решил, что завтра возьму место мальчика на посылках.

Он особенно подчеркнул слово «возьму», как будто весь мир лежал на прилавке перед его мигающими глазами: бери, пожалуйста! Он вовсе не помнил о том, что сидел еще в маленьких детских качелях, которые надо было время от времени раскачивать.

На следующее утро парнишка просматривал газеты. Посыльные требовались. Он выбрал несколько адресов и отправился брать место. Но к середине дня он понял, что места не берутся так просто: за них нужно чуть ли не драться. Двое знакомых ребят добились места для себя. Они говорили:

— Нийло — растяпа. Он не умеет постоять за себя. Он мечтатель, а у мечтателей глаза на мокром месте и штаны тоже.

Тогда он вспомнил слова старого привратника: «В нынешнее время надо быть смелым и нахальным, главное — нахальным!» Это была мудрость старого человека, беззубое красноречие на пороге богадельни.

— Ну, какое место ты взял?— спросила мать, когда сын вернулся домой в сумерках.

— Не нашел подходящего,— ответил он коротко.

Затем наступило молчание, которое продолжалось до прихода сна. Ночь была беспокойная. Маленькие сестренки вскрикивали во сне. Они спали на одной кровати и видели одни и те же кошмарные сны, доносившиеся из мира народного училища. Мать тяжело вздыхала, несколько раз приподнималась и садилась на край постели, зажигала свет, пересчитывала своих детей и снова ложилась. У нее болели плечи, а мысли были в Канаде.

Мальчик делал вид, что уснул, как делают иные взрослые в трамвае, когда бывает нужно уступить место какой-нибудь старушке. Но у него были гораздо более серьезные основания поступать так: он думал. Мысль его работала лихорадочно, сердце отчаянно билось в груди, и в висках отдавались гулкие удары. На-

конец под утро он уснул, и ему снилась бумага. Все на свете было бумажное, кругом была бумага, только бумага. Даже луна и звезды были завернуты в бумажные обертки. И мать гладила бумажное белье.

Вероятно, это был очень знаменательный сон. Мальчик проснулся рано, старательно начистился, причесался, и задолго до восьми часов он уже шагал по обледенелым тротуарам осенних улиц, торопясь в центр города. Он наизусть запомнил газетное объявление: маленькому оптовому магазину требовался посыльный. Это был удачный случай. Но, увы, хотя Нийло явился на место за полчаса до открытия, он опоздал. Восемь мальчиков пришли раньше него. Они пробовали силу своих голосовых связок и дымили сигаретами.

— А ну, катись в конец очереди! — заметил один.

А другой сказал:

— Да нечего и становиться, все равно у тебя уже нет никаких шансов.

Нийло как будто не слышал этих замечаний. Он подошел к двери и решительно постучал. Через минуту дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы выглянувшая уборщица смогла крикнуть:

— Магазин открывается с девяти!

— Я по поручению директора,— ответил мальчик и проскользнул в дверь.

Уборщица заперла за ним, и мальчик оказался в темной прихожей, точно в западне.

— Незачем приходить так рано,— проворчала женщина недовольно.— Мне строго-настрого запретили отворять дверь.

— Приказ директора,— ответил мальчик хладнокровно, доставая из кармана маленькую картонную табличку, которую он вчера снял с двери одного ювелирного магазина. Затем он спросил очень деловито:

— Директор придет, наверно, с улицы или через другой вход?

Женщина смотрела на паренька в нерешительности:

— Нет, он приходит сзади, через двор, но...

— Хорошо. Я новый посыльный. Был не совсем уверен насчет времени открытия — боялся опоздать. Но теперь я успею еще напиться кофе.

Он шагнул к выходу и сказал повелительно:

— Заприте за мной и никого не впускайте.

Он вышел, подергал дверь, удостоверился, что она заперлась, и кнопкой приколол на дверь картонную табличку, на которой изящным шрифтом было напечатано: «Место рассыльного уже занято». После чего он засунул руки в карманы и отправился, насвистывая, осматривать витрины на соседних улицах.

Когда он через полчаса вернулся, магазин был открыт, а табличка на двери исчезла. Заморгав, он стал озираться вокруг, подозревая, что его обман обнаружен. Наконец, подбодрив себя, он решительно перешагнул порог. Однако, едва войдя в магазин, он так и замер на месте, чувствуя оцепенение в ногах. Те самые ребята, что спозаранку собрались у дверей, теперь все сидели в зале, и даже еще к ним прибавилось двое новых претендентов на место рассыльного. Они все говорили наперебой, раздавались угрозы и перебранка:

— За это надо отвести и...

— Да просто в рожу, говорю я!..— прозвучал громче других чей-то голос, встреченный общим одобрением.

Юный нарушитель правил игры почувствовал дрожь во всем теле. Пожалуй, он действительно растяпа и мокроглазый мечтатель, и теперь ему несдобровать. Он попятился к выходу и был уже готов бежать прочь, как вдруг снова появилась уборщица и взглядом пригвоздила мальчика к двери.

— Директор ждет тебя,— сказала она.

— Я... я... Тут другие раньше меня...

— Директор велел позвать именно тебя.

Путь к отступлению был отрезан. Казалось, будто сердце терли наждачной бумагой. Соперники впились в мальчика глазами. Однако мало-помалу на его лице появилось выражение отчаянной, дерзкой решимости. Быстро пройдя через зал, он вошел в кабинет директора, почтительно поклонился и произнес:

— Доброе утро, господин директор!

Затем он медленно поднял глаза и увидел перед собой молодого мужчину, который лениво посасывал трубку, устремив на вошедшего пронизывающий взгляд. Мальчик, подойдя, положил на стол свидетельство об окончании народного училища и снова отступил к двери.

— Ты хочешь поступить к нам рассыльным? — спросил мужчина.

— Да, господин директор.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, господин директор.

— Это твоя первая работа?

— Нет, господин директор. Я два года работал в мастерских.

Мужчина смерил взглядом мальчика, который смотрел ему прямо в глаза и почтительно кланялся при каждом ответе.

— Ты живешь дома?

— Да, господин директор.

— И твои родители живы?

— Да, господин...

— Чем занимается твой отец?

— Отец в Канаде, а мать работает гладильщицей.

— В Канаде? Вы получаете от него много посылок?

— Довольно много, довольно много...

Мужчина встал, поглядел в окно на улицу и медленно проговорил:

— Кажется, мы сможем взять тебя. Приступишь к работе завтра. Насчет оклада я посоветуюсь с бухгалтером.

На миг он замолчал, обдумывая что-то и энергично посасывая трубочку, потом взял со стола маленькую картонную табличку и неожиданно сказал:

— Не вздумай другой раз делать такие фокусы. Вообще говоря, на обмане далеко не уедешь.

Он протянул табличку мальчику, и у того сразу задрожали ресницы, а взгляд сделался робким, блуждающим. Тогда директор распахнул дверь кабинета и крикнул:

— Молодые люди! Место занято!

Перевел с финского
Владимир БОГАЧЕВ.

Зимние строки

Владимир АЛАТЫРЦЕВ

Держит на белых лапах
Зиму притихший лес.
Снега студеный запах,
Льда синеватый блеск.
Чистый морозный воздух.
Месяц — в двойном кругу.
С неба попадав, звезды
Вспыхнули на снегу.
Только, как горный глетчер,
Млечный струится Путь...
В этот хороший вечер
Радостно дышит грудь.
Снова зовет и манит
Даль полевых дорог,
Щеки опять румянит
Юности ветерок.
Пусть миновали годы —
Ноша их мне легка,
Словно живую воду
Взял я из родника;
Взял вот от этих снежных,
Милых душе полей;
Взял от цветущих вешних
Кленов и тополей;
От принятых мной в наследство
Красных родных знамен —
Ото всего, что с детства
Родиной мы зовем.

Рига.

Будапештские вечера

Борис ИВАНОВ

Стол был необычным. Не квадратным, не круглым, а треугольным. Но чувствовали себя все за ним уютно и тепло. Углы никого не разделяли. Да и комната, в которой стоял этот стол, также была оригинальной. Когда хозяин ее, скульптор Иштван Кишш, зажег свет, над нашими головами вдруг засверкали звезды вечернего неба Будапешта. Гости в один голос произнесли восторженное «О-о!», а Иштван Кишш тут же объяснил, в чем секрет эффекта. На потолке он вырезал круг, который заклеил глянцевой черной бумагой. Лампочку заключил в металлический панцирь с дырочками различной формы.

— Труда мало, впечатлений много,— шутя заключил он.

Итак, под локтями треугольный стол, над головами звездное небо, а между собеседниками искры слов. Они то сталкиваются, вспыхивая, то затухают, никого не задевая, то разгораются с новой силой.

* * *

Последние километры ехали молча. Не потому, что пианист Антал Имре и скрипач Альберт Кочиш рассорились. Нет, просто за несколько часов пути уже успели о многом переговорить: об интересных встречах на международных конкурсах (тот и другой впервые стали лауреатами), о предстоящих осенью гастролях, и о возможных лирических вечерах (оба были холостыми), и о многом, многом другом.

Теперь, когда до Балатона было совсем близко, в машине вдруг воцарилось молчание: то ли думалось о предстоящем отдыхе, то ли о свидании с озером—взлелеянной с детства мечтой каждого венгра. Даже стрелка спидометра напряженно замерла у цифры «60». Слышались только ровный гул мотора да шуршание резины об асфальт шоссе.

Еще один поворот дороги, подъем — и перед глазами путешественников раскинулось венгерское море, озеро Балатон — огромная голубая чаша, края которой тонули где-то в розовом мареве.

— Ну вот!..— сказал Антал Имре, поглаживая свои прямые черные волосы.

— Да-а...— протяжно ответил ему Альберт Кочиш.

В этих коротких возгласах было все: и восторг, и удовлетворение, и ожидание.

Ожидание чего? Вряд ли бы сразу ответил на этот вопрос любой молодой человек, вставший на курортную стезю. Ожидание радости, счастья, свободы от всех забот? Чувство нетерпения и любопытства — вот что, пожалуй, сильнее всего захватило и Антала и Альберта. Поэтому, увидев озеро, они забыли о всех планах, которые строили какой-нибудь час назад. И уж, конечно, никто из них даже на мгновение не мог подумать о той встрече, которая произошла здесь неделю спустя, о встрече, по-новому определившей и цель и путь их жизни.

О том, как это произошло, и рассказал за треугольным столом Антал Имре. Навел его на этот разговор наш гостеприимный хозяин Иштван Кишш. Прежде чем пригласить всех к столу, он показал нам свои последние работы. Внимание привлекла стоящая посреди мастерской скульптура парня и девушки. Работа была еще не завершена, но то, что открылось взору, выражало здоровье, красоту, молодой порыв. Это ощущалось в устремленных вперед фигурах, во вскинутых навстречу ветру головах.

— Это для Балатона,— пояснил Иштван, усаживая гостей за стол.— Товарищи, плотнее сдвигайте стулья! Скульптура будет установлена на берегу озера... Все расселись? Ну и отлично! Так вот, в скульптуре этой я хочу воплотить ту добрую силу, которую дает Балатон каждому, кто соприкоснется с его свежим, лазурным миром.

— Поэтично, но верно. Именно добрую силу,— поддержал его Антал Имре. — Балатон, Балатон... Альберт, потеснись! Кстати, помнишь, солнце, воздух, и вода, и все другое, как у заправских курортников?

— Год — невелик срок для памяти,— ответил Альберт, подвигая к себе чашечку кофе. — Все помню, и даже твои воздыхания...

— Да я не о том,— поспешно перебил своего друга Антал Имре.— Я о другом влечении.

— А я думал, о серьезном говорят только по утрам.

— Ты все шутишь, Альберт,— сказал Антал. И, обращаясь ко мне, добавил: — Это у него от скромности. Я вам хочу рассказать одну историю, в которой Альберт замешан ничуть не меньше меня. Послушайте...

Антал Имре начал издалека — с отъезда из Будапешта на Балатон. Приехали они на озеро во второй половине дня. Наспех разобрали чемоданы и побежали купаться. Я не буду описывать всех прелестей отдыха на курорте Балатонфюреда. Не потому, что трудно — Антал достаточно ярко об этом рассказывал,— а потому, что цель несколько другая.

Беззаботная жизнь у Антала и Альберта продолжалась недолго: ровно два дня. Один потянулся к скрипке, другой — к роялю. И по вечерам они стали заниматься, репетируя программы предстоящих осенью концертов. Каждый по очереди был строгим критиком другого.

Однажды, когда Антал мощным аккордом закончил Вторую рапсодию Листа, и комната еще была наполнена торжественными звуками, он услышал робкие хлопки. Антал машинально посмотрел на то место, где обычно сидел Альберт. Кресло было пустое. Посмотрел в окно, но, кроме широких крон каштанов, ничего не увидел. Сыграл сонату Моцарта — опять хлопки и никого вокруг. Что бы это могло быть? Уж не галлюцинация ли это?

Антал осторожно опустил крышку рояля и пошел разыскивать Альберта. Своего друга он нашел в маленьком кафе, где они обычно ужинали.

— Ты чего же сегодня исчез?— спросил Антал.

— Не обижайся. Просто взгрустнулось. Бывает...

— Бывает. Мне тоже что-то стало грустно.

— И на тебя нашло?

— Вот именно нашло!.. Ты знаешь, я или переиграл или за-

См. «Огонек» № 5.

болел, но сегодня мне мерещились аплодисменты.

— Ты меня радуешь! — сказал Альберт.— Значит, не я один. Это уже лучше. Вчера я так же явственно слышал хлопки. Около нас появились дýхи в юбках, ясно. Давай-ка, друг, поищем их...

— Нет, нам просто нужно освежиться,— улыбаясь, ответил Антал,— принять душ настоящих аплодисментов.

— Гением движет самонадеянность, — сострил Альберт. — А вообще ты прав. Неплохо было бы организовать концерт.

Но как и где? Обычно организацией концертов занимаются другие люди, а здесь нужно самим. Этого раньше ни Альберту, ни Анталу делать не приходилось. И вдруг пришла в голову мысль: а не устроить ли концерт для рабочих пареньков из Будапешта, которые отдыхают рядом? Знакомства на курортах завязываются быстро, и друзья-музыканты знали всех своих новых соседей чуть ли не по именам. Так что посредников не нужно. Но как ребята примут это предложение? Захотят ли менять ежевечерние веселые танцы с приглянувшимися девушками на серьезную музыку да и поймут ли ее?

А ведь и Антал и Альберт хотели проверить на аудитории, чего они достигли, репетируя свои программы, как бы посоветоваться с ней, да и вдохновиться. Музыкант очень чуток к слушателям и по тому, как зал реагирует на его игру, может почти безошибочно судить о степени своего мастерства. Но для этого нужны слушатели, разбирающиеся в музыке или хотя бы любящие ее,—так говорят старые артисты, а им опыта не занимать.

Итак, решили попробовать. Утром на пляже Антал и Альберт рассказали о своей идее Палу — высокому загорелому юноше, как они заметили, старшему в группе рабочих ребят.

— Ну что же, можно попробовать,— ответил Пал на предложение о концерте. — Приходите завтра в семь часов вечера.

С чувством неуверенности и опасения отправились Альберт и Антал к назначенному часу в соседний дом отдыха. Но когда они увидели маленький зал, полный любопытных глаз, их охватило волнение, знакомое каждому артисту.

Начал Альберт Кочиш. Он сыграл «Рондо-каприччиозо» Сен-Санса. Когда смычок был снят со струн, раздалось несколько жидких хлопков. «Нет, не для них,— мелькнуло в голове у Альберта.— Или, может быть, ребята ждут большего?»

— Давай теперь ты, — шепнул Альберт своему другу. — Меня не поняли.

Антал сел за рояль. Что же сыграть? Видимо, что-то очень простенькое. Нет, нет... Он сыграет любимого Листа, и самую его сложную вещь — Двенадцатую рапсодию. Пусть уходят, он будет играть только ее — для себя, для Альберта, для стен. И Антал взял первый аккорд, и все исчезло — все, кроме звуков, кроме вихря звуков...

Антал откинулся на спинку стула и опустил руки. Словно железным прутом, ударили по кончикам его пальцев жидкие хлопки. «И не понимают и не любят! — как бы успокаивая себя, подумал Антал. — Контакта не получилось».

— Принял душ?! — съязвил Альберт и с молчаливого согласия Антала громко сказал, обращаясь в зал:

— Все. Спасибо вам!

И вдруг в ответ дружное, восторженное, требовательное: «Еще!», «Еще!», «Еще!».

Что за перемена настроения? Если так, — надо остаться. Сколько времени играли еще Антал и Альберт, сменяя друг друга, они не помнили. Но с каждой новой вещью — это навсегда врезалось в память — лица ребят становились все просветленнее, одухотвореннее, будто перед ними открылись новые, неведомые пейзажи один красочнее другого. А когда действительно обруч усталости стянул пальцы, руки, головы и Альберт сказал: «Больше не можем»,— музыкантов окружили и пошли провожать все, кто был в зале. По дороге просили прийти еще.

— У вас в запасе кое-что осталось, — говорил Пал. — Мы ведь ваш репертуар весь прослушали. Хоронились вот здесь под деревьями. Вы, верно, заметили, хотя я строго предупреждал не хлопать, не мешать. У некоторых прорывалось. Вы уж нас извините...

* * *

Антал Имре погладил свои прямые волосы и отпил глоток кофе.

— Этой встречи нам с Альбертом никогда не забыть. Так ведь, Альберт?

Альберт в ответ утвердительно кивнул головой.

— Пришли мы к ребятам себя показать, а унесли целое открытие. Нет, музыка не для богов! Она для всех! Говорили, что простой человек глух к симфонии, что у него нечуткая душа. Просто у него не было времени вслушиваться в симфонию—другие заботы обуревали его душу. Народная власть сняла с него этот камень, и к простому человеку вернулся слух. Вот в тот вечер Антал и Альберт как-то особенно почувствовали это. Тогда у них и зародилась идея создать что-то вроде общества по распространению музыкальной культуры среди рабочей молодежи. Все свои выступления на заводах, фабриках и в общежитиях Антал и Альберт решили проводить бесплатно. Мог ли себе позволить подобную роскошь артист старой Венгрии? Ему впору было думать о хлебе насущном. О самом артисте никто не думал.

Вернувшись в Будапешт, Антал Имре и Альберт Кочиш установили связь с городскими предприятиями, директорами общежитий. Нашелся и посредник для организации бесплатных концертов — молодежный комитет, возникший при профсоюзе музыкантов. Он не только поддержал инициативу Антала и Альберта, но и вовлек в это дело певцов и музыкантов из Оперного театра и Филармонии. Сейчас в движении, так неожиданно зародившемся на берегу Балатона, участвуют восемьдесят человек.

— Балатон, Балатон...— сказал задумчиво Антал. — Прав Иштван Кишш: добрую силу несет он людям. Так давайте попробуем животворный эликсир с его берегов.

В рюмках заискрилось золотистое «Кекнелю».

В АДРЕС «Москва, „Огонек"»

Жизнь продолжается

Г. П. Масловский.

В «Истории КПСС» среди других славных имен назван и гвардии капитан Гавриил Павлович Масловский, чей подвиг — пример беззаветной любви к Родине.

...Скоро должен подойти «газик» и отвезти Масловского к линии фронта. Он готов к выполнению задания, а пока есть несколько свободных минут, нужно прощаться с родными. И Гавриил Павлович пишет письмо сыну Юрию: «...Ну вот, мой милый сын, мы больше не увидимся. Час назад получил задание, выполняя которое живым не вернусь. Этого ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с какой идет твой папа на смерть: не каждому доверено умирать за Родину. Это письмо перешлют тебе, а ты с ним будь осторожнее, не пугай свою бабусю.

Славному городу Ленина — колыбели революции — грозит опасность. От выполнения моего задания зависит его дальнейшее благополучие. Ради этого великого благополучия буду выполнять задание до последнего вздоха, до последней капли крови... Какие силы помогают мне совершить мужественный поступок? Воинская дисциплина и партийный долг. Правильно говорят: от дисциплины до геройства — один шаг. Это, сын, запомни раз и навсегда. А пока есть время, надо отвинтить от кителя ордена, поцеловать их по своей гвардейской привычке. Рассказываю тебе обо всем подробно, хочу, чтобы ты знал, кто был твой отец, как и за что отдал жизнь. Вырастешь большим—осмыслишь, будешь дорожить Родиной. Хорошо, очень хорошо дорожить Родиной!

У меня есть сын. Жизнь моя продолжается, вот почему мне легко умереть. Я знаю, что там, в глубоком тылу, живет и растет наследник моего духа, сердца, чувства. Я умираю и вижу свое продолжение. Сын, ты в каждом письме просил и ждал моего возвращения домой с фронта. Без обмана: его больше не жди и не огорчайся, ты не один. При жизни нам мало пришлось жить вместе, но я на расстоянии любил тебя и жил только тобой...

В своем прощальном письме прошу командование определить сына воспитанником Суворовского военного училища, желательно в Ленинградскую область — это для того, чтобы он мог посетить Поддорский район, Сокольский сельсовет, потому что возле деревни Хлебоедово закончит жизненный путь его отец. Когда начнется мирная жизнь, возродятся колхозы, сын будет шефом колхоза деревни Хлебоедово. Прощай, мой сын, прощай, дорогая жена!

Поля, Юра! Жена, сын! Радость вы моя, кровь моя, жизнь моя! Люблю, люблю до последней капли крови!

Выполняйте мое завещание.

Целую. Искренне любящий — Гавриил».

Письмо написано в январе 1944 года. Гвардейская стрелковая дивизия, где капитан Г. П. Масловский был начальником штаба отдельного лыжного дивизиона, занимала позиции возле деревни Хлебоедово, Поддорского района. По данным нашей разведки стало известно, что в роще «Круглая», юго-восточнее деревни Прямики, у гитлеровцев находится большой склад артиллерийских снарядов и бомб, подготовленных для отправки войскам под Ленинградом. Командование дивизии приняло решение: взорвать склад. Сделать это мог только сильный духом.., Жители деревень помнят, как в январскую ночь дрогнула от мощного взрыва земля, взметнулось на горизонте зарево.

...Через несколько месяцев после смерти отца Юрий узнал, что его мать (она была врачом на фронте) пропала без вести...

Письмо отца стало путеводной звездой для мальчика. В том же 1944 году он хотел поступить в суворовское училище, как завещал отец. Надо понять горе мальчика, когда врачи заявили, что он не годен для военной службы: здоровье слабое. Юра стал настойчиво заниматься физкультурой и добился своего. В 1947 году его приняли в Свердловское суворовское училище. В 1952 году он его окончил. И опять на указанной ему отцом дороге встали врачи: признали негодным к строевой службе. Юрий доказывал, что он должен стать таким, как его отец, что он не может, не представляет свою жизнь другой. Юноша добился своего: его приняли в военное автотракторное училище, которое он окончил с отличием.

Юрий мечтал посетить места, где погиб отец. Смерч войны стер с лица земли деревню Хлебоедово, но юноше писали, что здесь теперь вырос новый совхоз «Поддорье».

И вот Юрий — в памятных местах. Он едет на ферму, в РТС, идет в школы, красные уголки, в дома рабочих совхоза, а сердце.., оно зовет к могиле отца.

Вот оно, братское кладбище на опушке стройного и молодого леска. Долго стоял Юрий у обелиска. «Я выполняю твое завещание, отец. Я стал офицером, коммунистом, я всем сердцем люблю Родину, во имя которой ты отдал жизнь и которая воспитала меня. У тебя, отец, есть теперь внук Алексей. Я постараюсь вырастить его таким же, как ты. Твоя жизнь продолжается, отец!»

В. ПОПОВ,
В. РЕПИН

1954 год. Хоккеисты «первого призыва» Виктор Шувалов, Евгений Бабич и Всеволод Бобров беседуют с тренером сборной команды СССР А. И. Чернышевым.

Евгений БАБИЧ,
заслуженный мастер спорта

Давно ли мы встречали наших орлят — хоккеистов сборной молодежной команды СССР — после их победного турне по США, и вот уже провожаем на чемпионат мира в Швейцарию наших орлов — хоккеистов первой сборной команды страны.

Как-то там сложится игра? Выдержит ли броня нашей защиты таранные удары канадских нападающих? Удастся ли нашим трем пятеркам штурм шведских и чехословацких ворот? А что готовят нам американские хоккеисты? Разлетелись в разные стороны игроки сборной США, составившие в Скво Вэлли, на VIII Олимпийских играх, грозную силу, но можно ли верить американскому тренеру, утверждающему, что сборная команда США получит шансы на успех лишь к IX Белой олимпиаде? Так ли это?

Многие животрепещущие вопросы волнуют в эти дни лучших хоккеистов страны и нас, их верных друзей.

Вот уже пятнадцать лет прошло с того дня, как нам, участникам борьбы за Кубок СССР по хоккею с мячом, предложили испытать свои силы в новой заморской игре. Тут же, на просторном ледяном поле, где еще недавно метался плетеный мячик, отгородили небольшую площадку, дали нам в руки длинные, непривычные клюшки, а затем бросили нам на растерзание плоский, но довольно увесистый резиновый кружок.

После этого первого знакомства с шайбой многие хоккеисты решили поменять на нее знакомый мячик. Уже в 1947 году был проведен первый чемпионат страны, и хотя после первого круга моя команда — ЦДКА — и лидировала, первенство СССР завоевали динамовцы. В ту зиму и родилась наша армейская тройка, в которую входили Всеволод Бобров, Анатолий Тарасов и я.

Следующей зимой мы овладели основами этой мужественной, стремительной игры. Особенно отличился Бобров. Он забил за сезон наибольшее число шайб — 52, а вся наша тройка имела на своем счету 97 голов. Но каковы наши реальные успехи, мы могли определить, лишь встретившись с искушенными соперниками.

До сих пор мы, хоккеисты «первого призыва», с благодарностью вспоминаем наших верных друзей, замечательных мастеров хоккея, чехословацких спортсменов из команды «ЛТЦ-Прага». Они приехали к нам зимой 1948 года для совместных тренировок и товарищеских матчей.

В Чехословакии хоккей с шайбой культивируется уже более сорока лет. Не раз чехословацкие спортсмены скрещивали свои клюшки с клюшками канадцев — признанных корифеев хоккея — и как раз в 1948 году завоевали серебряные олимпийские медали. И вот после тренировок, многое давших нам, были проведены три матча сборной клубов и команды «ЛТЦ-Прага». Первый матч, к всеобщему удивлению, выиграли мы, второй проиграли, а третий закончился вничью. После этого Ольдржих Забродский — глава чехословацкой делегации и отец двух знаменитых хоккеистов — заявил: «Я не ошибусь, если скажу, что в скором времени вы будете играть выдающуюся роль в мировом хоккее».

Но прошло еще четыре года, прежде чем мы вышли на международную арену и смогли встретиться на очередном первенстве мира с хоккеистами Канады, Швеции, Чехословакии и других стран... Когда я вспоминаю чемпионат мира 1954 года и наши схватки на Королевском стадионе в Стокгольме, то прежде всего испытываю боль во всем теле: ноет грудь, плечи, поясница. Нет, не к такой манере игры привыкли мы, хотя и знали о силовых приемах, которые широко применяют канадцы. Массивные игроки из команды «Линдхерст» казались еще более громоздкими в своих костюмах. Особые козырьки защищали их ноги, бедра, плечи. В ткани их костюмов были вшиты фибра, фетр, кожа. Сперва мы удивились громоздкости таких доспехов, но, посмотрев первые игры рыцарей кленового листа, поняли, зачем понадобилось канадцам такое громоздкое снаряжение. Их встречи на льду Королевского стадиона зачастую напоминали не хоккей, а борцовские схватки.

С первых же игр между нами началось заочное соревнование. На каждую забитую нами шайбу какой-нибудь очередной команде канадцы отвечали еще бо́льшим числом забитых голов. А когда мы закончили матч со шведами вничью, никто уже больше не сомневался в том, что канадцы снова увезут золотые медали за океан.

Стоит мне прикрыть глаза, и я, словно на экране, вижу нашу первую встречу с одной из сильнейших команд Канады. Мы вышли на лед с твердым решением — сразу же атаковать. Это был вихревой штурм, который вскоре же принес нам удачу. Первый гол забил Алексей Гурышев, потом Виктор Шувалов — наш товарищ по армейской тройке, заменивший в ней Анатолия Тарасова,— провел вторую шайбу, Всеволод Бобров вогнал третью, Михаил Бычков—четвертую, и, наконец, снова наша армейская тройка забила пятую. До конца игры канадский вратарь Дон Локкарт вынул из своих ворот еще две шайбы, и, вопреки всем очевидным прогнозам, новички стали чемпионами мира.

А вскоре после возвращения на Родину мы узнали, что в Канаде объявлен чуть ли не национальный траур. Пресса в один голос требовала, чтобы на чемпионат мира 1955 года была послана для реванша самая сильная команда страны, а какой-то журналист дописался до того, что предложил перекупить Всеволода Боброва, который был признан сильнейшим нападающим мирового первенства.

Немало повеселились мы, узнав об этом предложении. Но когда приехали в Федеративную Республику Германии, где в трех городах — Крефельде, Дортмунде и Дюссельдорфе — должен был состояться мировой чемпионат 1955 года, когда познакомились с канадской командой «Пентинктон», то поняли, что в ближайшие дни нам будет не до смеха. Это был отлично подобранный коллектив. А тут еще наша армейская тройка сильно пострадала во время встречи с хоккеистами США. Это была первая встреча советских спортсменов со спортсменами Соединенных Штатов, и мы убедились в том, что у американцев силовая борьба поставлена, как говорится, еще на «бо́льшую высоту», чем у канадцев. Меня унесли с поля после свирепого удара клюшкой, который пришелся по моей руке, а Бобров хоть и закончил матч, выигранный нашей сборной, но в следующих встречах уже действовать в полную силу не мог.

Матч с канадской командой «Пентинктон» закончился для нас печально: мы проиграли со счетом 0 : 5. Правда, нам вручили золотые медали чемпионов Европы, но от этого настроение не улучшилось. Не жалея сил, готовились мы к новым встречам на льду, а встречи эти должны были на сей раз произойти на VII зимних Олимпийских играх, где разыгрывались одновременно два почетных спортивных титула — чемпиона Белой олимпиады и мира.

...Когда спустя год мы приехали в Кортина д'Ампеццо и познакомились с канадской командой «Китченер датчмен», то убедились в том, что эта команда ни в чем не уступает «Пентинктону». Каково же было наше удивление, когда хоккеисты США буквально разгромили общепризнанных лиде-

1961 год. Советские хоккеисты пробуют свои силы в борьбе с канадцами из команды «Трейл Смоук Итерс».

Фото А. Бочинина.

ров! Значит, нам придется на сей раз приложить двойные усилия в борьбе за победу.

Так это и было. Лишь во втором периоде нам удалось забить первый гол в ворота США, а затем в процессе игры мы заставили такого великолепного вратаря, как Виллард Айкола, вынуть еще три шайбы...

Не раз приходилось защищать мне честь советского спорта на льду с хоккейной клюшкой в руках, не раз приходилось встречаться с сильнейшими командами мира, но матч с командой «Китченер датчмен» я считаю самым трудным, самым волнующим. Стоит мне вспомнить об этой игре, и снова слышатся пушечные удары шайбы, крушащей прочно сбитые бортики, треск дерева под напором человеческих тел. Истошный крик канадского тренера: «Не давайте русским передышки!» Четырнадцать минут уже позади, а схватки идут у наших ворот. Снова на льду наша армейская тройка. Меня грубо сбивают на лед, и верный гол не забит. Закончился первый период, а счет 0 : 0. И снова, как в матче с американцами, все было решено во втором периоде. Первый гол Юрия Крылова наметил контуры нашей победы. А Валентин Кузин в третьем периоде закрепил эту победу, забросив вторую шайбу. Так мы завоевали золотые олимпийские медали.

Но на месте ничто не стоит. И, отпраздновав свою победу, мы стали подумывать о будущем, о дальнейшем движении к высотам мастерства. Нам, хоккеистам старшего поколения, было ясно, что мы подошли к финишной черте, что пришло время уступить свои места молодежи. Но тогда один лишь Виктор Шувалов, наш боевой соратник, решил попрощаться с командой. Мы же с Бобровым остались на льду, чтобы еще раз испытать силы в борьбе за золотые медали чемпионов мира. Тем более что мировое первенство должно было состояться в Москве.

У всех у нас свежо в памяти это первенство, так неудачно сложившееся для сборной команды СССР. Сперва ничья с чехословацкими хоккеистами, затем ничья со шведами. Наша тройка в этом решающем матче не участвовала: заболел Бобров. Но хотя нас вполне заменила другая армейская тройка, в составе Вениамина Александрова, Константина Локтева и Александра Черепанова, хотя советская команда и вела игру со счетом 4 : 2, окончательный итог оказался ничейным. Таким образом, несмотря на отсутствие наших главных «оппонентов» — канадцев и американцев,— не проиграв ни одной встречи, мы остались на втором месте. Обидная неудача сопутствовала прощанию нашей тройки с хоккеем.

Ветеранов в сборной команде СССР заменила молодежь, но надо сказать, что в последующие годы советским хоккеистам не удавалось добиться золотых медалей ни на чемпионате мира 1958 года, проведенном в Норвегии, ни на мировом первенстве 1959 года в Чехословакии. Ну, а результаты хоккейного турнира на VIII Олимпийских играх в Скво Вэлли еще у всех свежи в памяти. На сей раз в отличие от Кортина д'Ампеццо советская команда не смогла прорваться сквозь американский заслон. Как никогда сильная, команда США добилась победы не только над канадцами, но и над советскими спортсменами. Проиграли мы и канадцам и впервые должны были довольствоваться бронзовыми медалями.

И вот снова мы следим за действиями наших хоккеистов, всматриваемся в их сосредоточенные лица, радуемся их мастерству, надеемся на их силу и волю. За эти годы молодежь, сменившая нас, стариков, исключительно окрепла. Она имеет теперь в своем активе встречи с сильнейшими канадскими командами как в Москве, так и в самой Канаде. Они обстреляны и обтерты во многих хоккейных схватках и готовы к тому, чтобы оспаривать у канадских игроков из команды «Трейл Смоук Итерс» золотые медали.

Сейчас можно смело утверждать, что сборная команда СССР находится в таком же расцвете сил, как в свое время в Кортина д'Ампеццо, и я верю в ее большие возможности. Наш непробиваемый вратарь Николай Пучков, и тот имеет в лице Виктора Коноваленко и Вячеслава Литовко верную смену. Из ветеранов лишь наш старый товарищ Николай Сологубов не нуждается ни в каких подменах. Он по-прежнему полон сил. Его мастерство растет с каждым годом. Капитан сборной СССР, сменивший на этом почетном посту Всеволода Боброва, и в Швейцарии будет уверенно защищать наши ворота и атаковать ворота соперников. У Сологубова давно проверенные и верные помощники: Иван Трегубов, Генрих Сидоренков, Владимир Брежнев. Нет, нелегко будет пробиваться сквозь такую защиту, особенно сейчас, когда решено избавить действия защитников сборной от излишне рискованных выходов, не раз за последние годы облегчавших соперникам атаку наших ворот.

С гордостью смотрю я на первую тройку сборной СССР. Я вижу в ней наследника Всеволода Боброва — Вениамина Александрова, который и играет на том же левом крае, где некогда с таким успехом действовал Бобров; я вижу на моем правом крае Константина Локтева, игрока высоких волевых качеств, а в центре — Александра Альметова, который в совершенстве владеет броском из самых сложных положений и умеет отлично распасовывать шайбы.

Вторая тройка в команде — локомотивская. Ее составляют спортсмены молодые, напористые — Николай Снетков, Виктор Цыплаков и Виктор Якушев.

На места в сборной команде могут претендовать братья Евгений и Борис Майоровы и Вячеслав Старшинов — молодая спартаковская тройка, хорошо проявившая себя во встречах с канадскими командами «Чатэм Мэрунс» и «Трейл Смоук Итерс», а также хоккеисты из горьковского «Торпедо» и воскресенского «Химика».

Да, подросла молодежь, и теперь для формирования сборной в распоряжении тренеров не менее тридцати первоклассных игроков. Не хочу забегать вперед, а тем более высказывать прогнозы — это не в правилах спортсмена,— но, провожая моих товарищей, хоккеистов, в Швейцарию, я хочу им просто сказать:

— Вперед, орлы! Ваше время пришло. Смелей вперед!

Литературная запись
В. ВИКТОРОВА.

Знакомое имя

Вокзальная площадь. Афишная тумба. На ней многоцветная реклама. Давно не бывал я в Одессе; интересно, что нового идет в Русском драматическом театре? Подхожу ближе и сразу вижу крупные буквы: Л. Бугова. Знакомое имя!

...Своеобразно начался творческий путь актрисы. Было это в Виннице. Местный драматический коллектив весьма нуждался в пополнении. Узнав, что девушка еще в школе была участницей художественной самодеятельности, режиссер пришел к Буговой домой. Он застал ее за стиркой белья. Растерявшись, Бугова тут же, не отходя от корыта, прочитала несколько монологов. Прочитала хорошо. Предложение поступить в труппу приняла с восторгом.

Шестидесятилетняя старуха — вот первая роль, которую предложили юной дебютантке. Отказаться? Но играть действительно было некому. Девушка согласилась.

Ей следовало сидеть на сцене и вязать чулок. Казалось, чего проще? Но в последнюю минуту начинающую актрису обуял неописуемый страх. Если бы дрожали только руки, это было бы еще кстати. Но почему-то и ноги отказывались служить... Правда, все обошлось благополучно и об истинном возрасте актрисы публика не догадалась. Это и был первый успех, пусть маленький...

В Одесском русском драматическом театре Бугова слыла уже отличной исполнительницей ролей пожилых женщин и старух. Шутя она говорила, что первый-то режиссер как раз и угадал ее будущее!.. Вместе с тем мне запомнилась поистине великолепная игра Буговой в первом действии «Без вины виноватых» Островского, где нет еще Кручининой, раненной жизнью, а есть барышня Отрадина...

Вот она смотрит в беспокойные, убегающие от нее глаза Мурова. Пытается понять происходящее. И когда Муров говорит, что им надо расстаться, Бугова-Отрадина ничем не выдает себя. Лишь ложечка, которую она держала в руках, чуть звякнула о блюдце. Слабый, еле слышный удар. Точно сердце оборвалось...

Я спросил артистку, чего она в первую очередь ищет в ролях, которые ей приходится играть? Она ответила:

— Всегда ищу связи с нашей эпохой, с ее устремлениями, с людьми нашего времени...

Величием эпохи действительно дышал созданный Буговой образ Матери в одноименной пьесе Карела Чапека. Актриса раскрывала и трагизм положения и высокую оптимистическую сущность пьесы Чапека, показывая на примере своей героини, как растет решимость всех честных людей бороться за новую, лучшую жизнь на земле.

...Прошли годы. Время от времени до меня доносились вести о новых спектаклях Русской драмы. Здесь ставили с успехом трилогию Н. Погодина, «Барабанщицу» А. Салынского, «Иркутскую историю» А. Арбузова, «Каменное гнездо» Х. Вуолийоки. Интересное сценическое решение получила пьеса греческого писателя коммуниста Алексиса Парниса «Остров Афродиты». Многие из этих спектаклей прошли по 80—100—150 раз.

И вот новая встреча. На этот раз на сцене Кремлевского театра. И снова — Бугова. Над ней простирается огромный купол вечернего неба. Актриса обращается к сидящим в зале:

Вам, чьею славой горда
Отчизна,
Вам, возводящим
в пустынях сад,
Вам, рядовым творцам
коммунизма,
Чьи спутники к солнцу
уже летят...

Бугова играет Анну Петровну Седову в романтической драме Ивана Рядченко «Обещанная звезда». Она учительница, наставница, поднявшая к жизни целую плеяду молодежи. Впервые мы встречаемся с ее питомцами в школе, на выпускном балу. Молодежь веселится и мечтает. У каждого свои прекрасные мечты... Но уже надвигается буря. Война косит жизни, ломает судьбы...

И в самый трудный час герои обращаются непосредственно или в мыслях своих к Анне Петровне — учительнице, воспитавшей их.

Могучим апофеозом звучит заключительная картина, где люди, отстоявшие Отчизну в боях, идут на штурм космоса. Анна Петровна провожает героев в полет на межпланетном корабле.

Хороший, злободневный, полный романтической приподнятости, волнующий спектакль поставили В. Тихонович и Л. Бугова. Да, на этот раз я встретил свою старую знакомую еще и в новом качестве: теперь она не только актриса. Ей, режиссеру, в немалой степени обязан своим успехом театр.

А. МОРОВ

Л. Бугова в спектакле «Обещанная звезда».

Фото И. Ефимова.

Алексей СУРКОВ

ПУТИ-ДОРОГИ

СТРАНА ГАРИБАЛЬДИ

Вот страна Гарибальди.
По этой стране
Бородач легендарный
Летит на коне.

Ветер воет и свищет.
Синий блеск по клинку.
Легендарная тыща
Под стать вожаку.

Дым. Пожарища. Пепел.
Перекошенный рот.
— Вива! Вива, Джузеппе! —
Ночь набатом ревет.

Это грозное имя
Бьет, как яростный кнут.
И в Турине и в Риме
Это имя клянут.

В Вене паника. Трепет.
Цезарь Франц поседел.
— Вива! Вива, Джузеппе! —
Кричит винодел.

Наземь падают цепи,
Гнев сметает полки.
— Вива! Вива, Джузеппе! —
Кричат рыбаки.

Через горы и степи
В лад подковы стучат.
— Вива! Вива, Джузеппе! —
Итальянцы кричат.

Как лавина, за тыщей
Гнев гремит в голосах
Над Калабрией нищей,
В приальпийских лесах.

— Вива! Вива, Джузеппе! —
Вторит эхо в горах.
Рабства ржавые крепи
Рассыпаются в прах.

Над изменой коварной
Дерзким взмахом клинка
Бородач легендарный
Прорубился в века.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Чертовски ноет старая спина.
Бегут, бегут, торопятся года.
Но жаждет чуда белая стена,
Но ясен взгляд и кисть в руке тверда.

Борьба, любовь и неустанный труд.
Сменила мудрость молодости пыл.
И, вечности навстречу, «Страшный суд»
На белой штукатурке проступил.

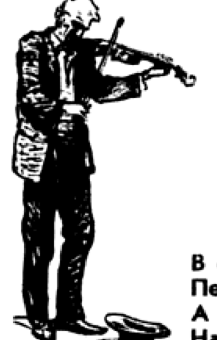
Неистощимой силе кисти рад,—
Какой мазок! Как точен каждый штрих! —
Он, торжествуя, загоняет в ад
Своих врагов, хулителей своих.

Он вспоминает давние года,
Своей большой судьбы девятый вал,
Когда ваял Давида и когда
Здесь «Сотворенье мира» создавал.

Как в зимний холод и в июльский зной
Здесь слушал колоколен голоса,
Как, в исступленьи гения, спиной
Четыре года шлифовал леса.

Как, подбородок задирая ввысь,
Язвил покойный Юлий свысока,
А он кричал с лесов:
— Поберегись!
И возле папы падала доска.

Зовет к работе белая стена.
Не засти свет, усталость, отойди!
Чертовски ноет старая спина,
И четверть века жизни впереди.

ВЕЧЕР В МИЛАНЕ

В сверкающем зале театра Ла-Скала
Певица романсами души ласкала,
А возле подъезда, стушеванный нишей,
На скрипке пиликал оборванный нищий.
Болтал лоботряс в телефонной кабине;
Как мертвая кукла, шагал карабинер;
В готическом, древнем соборе Милана
Гудели торжественно трубы органа,
И плакал над серыми крышами ветер
О всех неприкаянных людях на свете
В то время, когда на подмостках Ла-Скала
Певица романсами души ласкала.

НЕАПОЛИТАНСКИЕ МЕЛОДИИ

В «найт-клаб» взахлеб хохочет саксофон,
Готовый диким смехом подавиться.
Отборной бранью сыплет в телефон
Невыносимо стильная девица.

Она в лицо обрюзглому хрычу
Чадит вонючим дымом папиросы.
По улице ночной, плечо к плечу,
Идут американские матросы.

И, как повсюду в западных морях,
Эпически внушительны, как горы,
У входа в шумный порт на якорях
Стоят американские линкоры.

В кино палит и жмет на тормоза
Чикагских шаек гангстерская школа.
Куда ни глянь — везде слепит глаза
Разнузданная надпись «КОКА-КОЛА».

Для пьяных драк кастеты и ножи
На Виа-Рома парни держат близко.
. . . .
Мой добрый итальянский друг, скажи:
Неаполь это или Сан-Франциско?

ДОМ В БАНДУНГЕ

Есть в мире и красивей города.
Есть на земле и побогаче страны.
Бандунгом Индонезия горда:
Он на виду у мира, и сюда
Невидимые взгляду провода
Бегут через моря и океаны.

Вот этот дом. Он окон чередой
Сверкает над бетоном затверделым.
Из марев, отливающих слюдой,
Меж древностью застойной и седой
И силой созиданья молодой
Возвысся этот дом водоразделом.

Здесь, с поднятой высоко головой,
Вернуться в рабство не желая снова,
Перед всемирной совестью живой,
Сквозь мрак неправд, возвысив голос свой,
Два континента древние впервой,
Как равные, свое сказали слово.

Ну что же, если взгляд голландца кос,
Что злость банкиру искривила губы?
Их гнев народа сбросил под откос.
Трубач Бандунга разбудил Лаос,
До Конго ветер звук трубы донес,
До гор Алжира и плантаций Кубы.

ШУТКА

От рева турбин разбегаются кошки.
Бананы с папайями пляшут канкан.
За срезом асфальтовой взлетной дорожки
Барашками шторма кипит океан.

Земля расплывается смутной полоской
И, с бодрой улыбкой взирая на свет,
Опять стюардесса, красуясь прической
Просунула голову в желтый жилет.

Считая возможность аварий секретом,
Она наставляет летучую тварь,
Как плавать в пучине с надутым жилетом,
Зачем при жилете свисток и фонарь.

Я слушаю фразы заученной речи,
Сквозь сон сочиняю вот эти стихи
И вижу, ничтожнейший сын человечий,
Внизу беснованье бездонных стихий.

В пучине зловещая тень промелькнула,
Стозубым оскалом свирепо грозя.
. . . .
— Скажите, миледи, а знает акула,
Что тех, кто с фонариком, кушать нельзя?

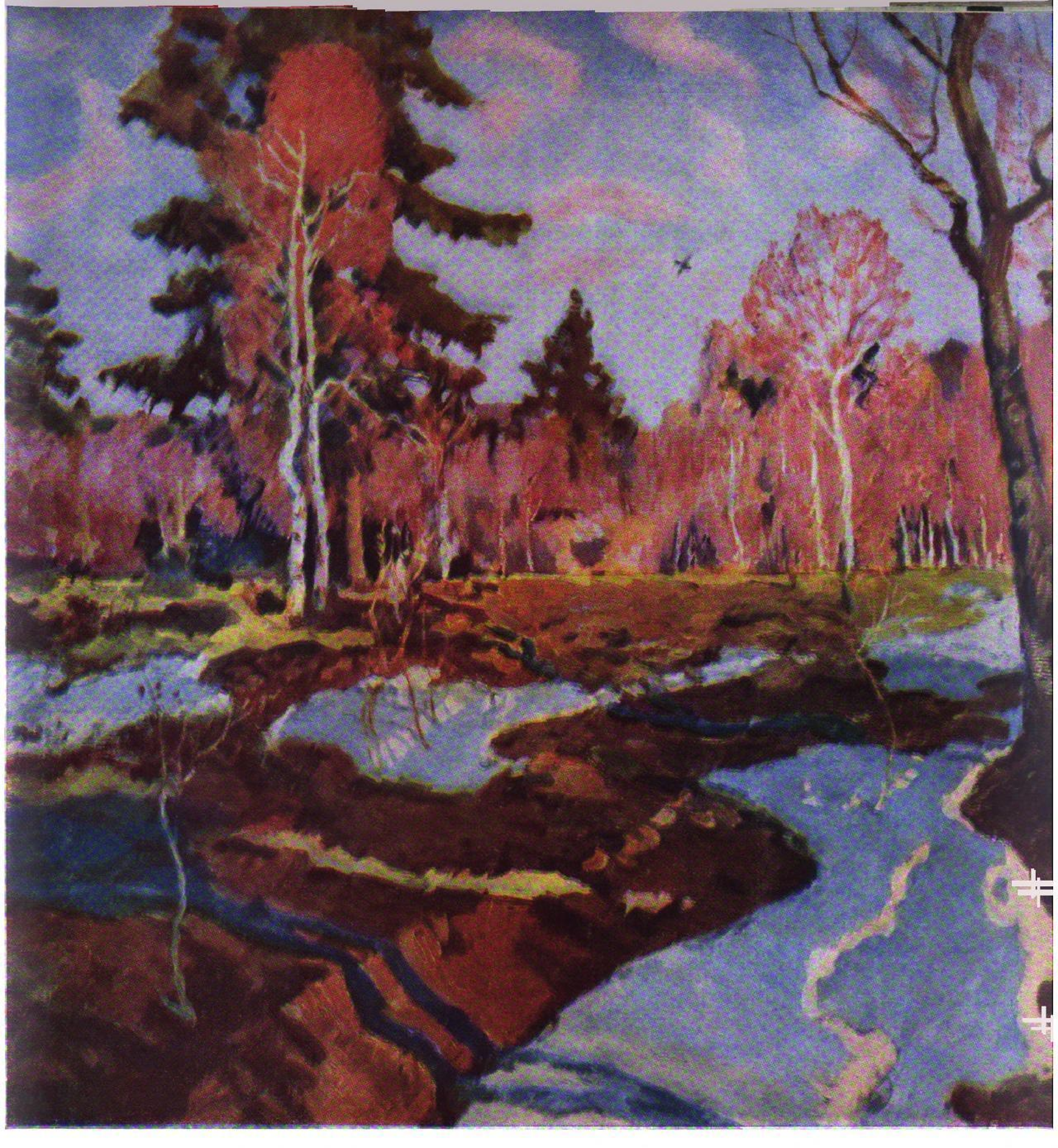
НА СУХУМСКОМ ПЕРРОНЕ

Вечер. Звездное небо. Сухумский вокзал.
Мой сосед, убелен сединами, мастит,
Сунул палец в пространство и тихо сказал:
— Посмотрите, мне кажется, спутник летит.

Я соседа, волнуясь, за локоть схватил.
И взглянул. И запомнилось мне навсегда,
Как, раздвинув мерцание вечных светил,
Пронеслась рукотворная наша звезда.

Пронеслась, излучая таинственный свет,
Растворясь в галактической мгле.
И сказал про себя мой вагонный сосед:
— Как мы прочно стоим на земле!

Рисунки В. Высоцкого.

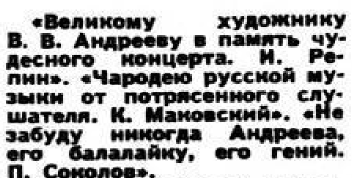
А. Полюшенко. ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР.

Н. Осенев. НОВЫЙ ПЕЙЗАЖ.

М. Чепик. ВЕСНА.

ЧАРОДЕЙ РУССКОЙ МУЗЫКИ

(100 лет со дня рождения В. В. Андреева)

Исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося русского музыканта и общественного деятеля, организатора и дирижера первого национального оркестра русских народных инструментов — Василия Васильевича Андреева.

На мою долю выпало счастье быть знакомым с этим замечательным человеком, поражала его одаренность.

Петербургские газеты (1887 год) писали: «Андреев — молодой человек прекрасной наружности. Он играет на дюжине различных инструментов, танцует не хуже г. Стуколкина, читает, точно профессиональный чтец, «подражает», точно артист г. Гитри. Он играет на балалайке, например, так, что вам так и хочется пуститься «вприсядку»; на гармонике исполняет мастерски труднейшие попурри; импровизирует на рояле, точно знаменитейший пианист... он герой дня...» [1].

В 1888 году Андреев усовершенствовал балалайку, создал ее оркестровые разновидности и организовал «Кружок любителей игры на балалайках». Это был первый ансамбль русских народных инструментов; о его дебюте газета «Петербургский листок» сообщала: «Состоявшийся вчера, 20-го марта, в зале Кредитного общества концерт балалаечников сопровождался таким огромным успехом, какой выпадает на долю разве только великих европейских виртуозов».

Вскоре после этого концерта В. В. Андреев писал одному из своих друзей, Н. И. Привалову,— ученому, археологу и музыкальному деятелю: «...я думаю восстановить все инструменты, на которых играл народ Государства Московского, то есть средней полосы России. К балалайкам присоединяю я домры, изготовленные по экземпляру, найденному сотрудником моим А. С. Мартыновым в Вятской губернии,— затем восстановлю гусли, изготовив их из красного дерева с роскошной отделкой и позолотой. Далее, я присоединяю к оркестру «жалейку», а также рожки,— вероятно, гудки (если удастся найти их еще в народном обращении)...» В результате этой неутомимой новаторской деятельности к 1896 году создается оркестр русских народных инструментов, многогранный по своим музыкальным возможностям, стройный художественный ансамбль. С этим коллективом В. В. Андреев успешно концертирует у себя на родине и за границей. «Нам пишут из Лондона,— сообщает газета «Новая Русь» в ноябре 1909 года,— что «балалаечный король» В. В. Андреев имеет там «прямо сумасшедший успех», вследствие чего ангажемент его оркестра продолжен еще на два месяца. Оркестр играет дважды в день, каждый раз при переполненном театре. Газеты в унисон поют Андрееву гимны; организована уже школа для обучения игре на великорусских инструментах, и последние раскупаются нарасхват. О степени популярности Андреева свидетельствует, между прочим, то, что парфюмеры выпускают духи и мыло с его именем. На днях В. В. получил приглашение от короля Эдуарда и на этой неделе выступит со своим оркестром в Виндзоре».

Почти все европейские государства награждают В. В. Андреева орденами, французская Академия изящных искусств избирает его своим почетным членом. Англия вводит обучение игре на балалайке в учебных заведениях, организует великорусские оркестры в войсках гвардии. А в 1910 году ученик В. В. Андреева А. С. Чагадаев создает оркестр, который впоследствии именуется английским королевским оркестром балалаек и находится под непосредственным покровительством королевы Александры. Воздействие национальной русской музыки на Запад огромно.

«Мы помним невероятный успех в Нью-Йорке таких артистов, как Аделина Патти, Иоганн Штраус, Падеревский, Кубелик; их американцы принимали с восторгом, но такого успеха, как андреевский оркестр, они все же не имели»,— писал американский критик Фильдс.

В 1913 году в петербургском Мариинском оперном театре торжественно отмечалось двадцатипятилетие творческой деятельности В. В. Андреева. Приветствуя юбиляра, великий русский певец Ф. И. Шаляпин сказал: «Дорогой мой друг и товарищ, судьба столкнула нас вместе давно, когда ты только начал свою благородную работу. Я с большим вниманием и восхищением следил за твоей работой. Тяжел был твой путь, но с чисто русским упорством и неистощимой энергией ты пробивал путь к славе тому инструменту, о котором мы все забыли и который мы все, каемся, презирали. Ты пригрел у своего доброго, теплого русского сердца сиротиночку-балалаечку. От твоей заботы и любви выросла она в чудесную русскую красавицу, покорившую весь мир своей красотой. Сейчас мы можем тебе сказать, что ты гордость нашей музыкальной культуры. От лица всех артистов Мариинской оперы прими наш земной поклон за твою неоценимую и незабываемую работу во славу русского искусства!»

Жизнь Андреева — пример неустанной борьбы за национальное, реалистическое, демократическое искусство. Так же как музыка Глинки в свое время была враждебно встречена правящими кругами и аристократией, так и глубоко народное творчество В. В. Андреева не могло не встретить активного противодействия господствующих классов. Отвечая на приветствие по случаю своего двадцатипятилетнего юбилея, Андреев писал: «...достиг я своей цели путем тяжелого, непрерывного труда, даже страданий, но как бы ни были велики страдания, перенесенные ради блага и процветания Родины, все они искупаются счастьем ей служить, и я испытал это счастье: оно так полно и велико, что за него можно, не задумываясь, отдать всего себя без остатка».

Андреева высоко ценили мастера русского искусства.

Вспоминаю его квартиру в Ленинграде, на углу набережной реки Мойки и Демидова переулка. Она напоминала музей. О глубоком уважении и любви к хозяину квартиры говорили собранные здесь сувениры — картины лучших художников с теплыми дарственными надписями:

«Великому художнику В. В. Андрееву в память чудесного концерта. И. Репин». «Чародею русской музыки от потрясенного слушателя. К. Маковский». «Не забуду никогда Андреева, его балалайку, его гений. П. Соколов».

Вот фотография Л. Н. Толстого с автографом, а рядом его письмо к Андрееву 1896 года: «Вы делаете очень хорошее дело, стараясь удержать в народе его старинные, прелестные песни. Думаю, что путь, избранный Вами, приведет Вас к цели, и потому желаю успеха Вашему делу».

Сейчас только в Российской Федерации существует свыше 13 тысяч самодеятельных оркестров народных инструментов. Традиции В. В. Андреева продолжают и развивают наши лучшие профессиональные коллективы, молодежь.

Для русских народных инструментов пишут музыку лучшие советские композиторы, музыкальные училища и консерватории готовят исполнителей, педагогов и дирижеров. Творчество В. В. Андреева обогатило отечественную и мировую музыку, и имя этого замечательного русского музыканта-патриота золотыми буквами вписано в ее историю.

А. ИЛЮХИН,

заведующий кафедрой народных инструментов Государственного музыкально - педагогического института имени Гнесиных.

1 Стуколкин и Гитри — популярные артисты того времени.

МОЛОДОСТЬ ДЛЯ МОЛОДОСТИ

Наметает метель сугробы на улицах, спешат лыжники на вокзалы, но на углах уже продаются подснежники и фиалки...

Вот в это переменчивое, полное радостных предчувствий время года и происходит действие пьесы А. Вейцлера и А. Мишарина «Гамлет из квартиры № 13», поставленной режиссером О. Ремезом на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола.

В антрактах молодежь горячо обсуждает спектакль.

— Гляжу я на этого «Гамлета»,— так и вижу Сережку из нашего цеха! Прическа ежиком, взгляд с прищуром и чужие слова: «Удел людей — страдание». Хочется ему казаться поинтереснее, вот и все!

— Неправильно! Ну какой же Алеша — Гамлет?!. Он мечтает строить города из солнца и стекла! Он не может перенести мысли о несчастье совсем незнакомых ему детей, хочет помочь им. Очень хороший парень!..

«Поиски, встречи и раздумья девятнадцатилетнего человека» — таков подзаголовок пьесы. Герой этой пьесы показан в начале жизненного пути. Порой этот путь оказывается нелегким, особенно для тех, кто с детства незнаком был с трудностями и уверовал, что все двери в будущее, словно в сказке, откроются сами, без всякого труда... Но молодость, знающая цену большой правде и большой любви, всегда найдет свое место в жизни.

Легко, изящно поставлен спектакль. Декораций почти нет. Вот на сцену выдвигается фонарь с часами, и действие мгновенно переносится на бульвар; мелькают силуэты московских памятников и улиц: герои идут по городу; несколько шагов по ступенькам легких конструкций — и они в квартире № 13... Настоящее, прошлое и будущее живут бок о бок на одной сценической площадке. А мысли героев устремлены в большой мир...

Спектакль оставляет впечатление свежести, молодости. Авторы пьесы лишь прошлым летом окончили актерский факультет Щепкинского театрального училища. Композитор Э. Артемьев — выпускник Московской консерватории, музыка к спектаклю — это его дебют. Исполнители главных ролей — М. Державин и М. Струнова — совсем юные члены актерского коллектива. Что же касается артистов старшего поколения — В. Р. Соловьева, Е. А. Фадеевой, И. В. Мурзаевой,— то их талант всегда молод!

Л. ОСИПОВА

Сцена из спектакля. Алексей — М. Державин, Мария — М. Струнова, мать — Е. Фадеева.

Фото А. Гладштейна.

Павел ЛУКНИЦКИЙ

Три цвета флага

Черный цвет напоминает мрачные дни, когда Афганистаном была утрачена независимость. Красный цвет — это цвет крови, пролитой в борьбе за освобождение от ига британских колонизаторов. Зеленый цвет символизирует свободу, процветание и прогресс. Так толкуют афганцы значение цветов своего национального флага.

Независимость — самое ценное из обретенных афганским народом благ.

Что рассказывает история о черной полосе флага?

Лондонский юрист Фредерик Гаррисон в журнале «Фортнайтли ревью» писал о зверствах англичан в Кабуле в 1879—1880 годах: «Наши офицеры почти всегда палачи, частью уголовные полицейские, как и солдаты; они редко ведут войну без хладнокровного избиения пленных, после того как всякое сопротивление прекращено. Они расстреливают их из пушек целыми толпами, они вешают их на первом попавшемся дереве... секут их сотнями, они жгут дотла поселения, режут раненых...»

А красная полоса флага?

Все три тяжелые войны с вооруженными до зубов англичанами афганцы выдержали мужественно и храбро.

Во второй войне афганская армия заставила оккупантов убраться из Кабула. Но полностью отстоять свою независимость афганцам не удалось: Афганистан почти на сорок лет лишился права иметь самостоятельные сношения с иностранными государствами и потерял часть территории.

13 апреля 1919 года, вскоре после своего вступления на престол, эмир Аманулла объявил Афганистан независимым. Англичане ответили бомбежками Джелалабада и Кабула с воздуха и, собрав 340-тысячную армию, в третий раз обрушились на Афганистан войной. Афганцы обладали всего лишь 36-тысячной армией. Но на севере, за могучими плечами Гиндукуша, уже свершилась Октябрьская революция. Великий северный сосед первым из всех государств официально признал новый, независимый Афганистан и приветствовал его письмом В. И. Ленина. Влияние Октябрьской революции на народы Востока было огромным. В неравной борьбе с Англией воодушевленные афганцы одержали блистательную победу. Англия вынуждена была признать полную независимость Афганистана.

С тех пор в Кабуле каждый год неделю длится праздник независимости.

Афганистан пользуется всеми благами мира и нейтралитета. Он трудится для себя. Это — зеленая полоса флага, зеленый путь к свободе, процветанию и прогрессу!

Дружеские чувства народа к Советской стране — великому северному соседу — искренни и глубоки. Вот на пути к Кабулу, проезжая маленькое селение, я вижу размашисто, на всю глиняную стену дома, начертанную надпись. Три крупно выведенных русских слова заставляют меня остановить машину: дружба, товарищ, мир!

За Гиндукушем, в самом сердце афганского государства,— такие замечательные русские слова! Кто же, однако, их написал? Из дома спешат, радостно обнимают нас хозяева: сельский врач Асеф, его чада и домочадцы. Да, врач сам на обозрение всем выразил свои мысли. Сам, по словарям, учится русскому языку.

Но не один этот сельский врач взволнованно называет нас дорогими друзьями. Как и миллионы советских людей, мы действительно друзья всего мирно трудящегося афганского народа. А в Кабул мы делегированы советским Обществом дружбы и культурной связи с Афганистаном. Нас трое: востоковед, специалист по языку пушту Н. А. Дворянков; директор таджикского института языка и литературы Н. Масуми и я, русский писатель. Мы первые гости недавно созданного в Кабуле Общества афгано-советской дружбы.

Два выдающихся афганских поэта — президент общества Гуль Пага Ульфат и ученый секретарь Абдурауф Бенова — давнишние наши друзья. Они бывали в Москве, в Ленинграде, в Ташкенте, а теперь сопровождают нас всюду, показывая достопримечательности своей красивой горной страны. В аккуратном сером костюме, в серой национальной барашковой шапке, Ульфат показывает нам в Пагмане королевский парк, который недавно передан во всеобщее пользование как парк отдыха. На пустыре возле парка будут построены гостиница и ресторан... Абдурауф Бенова, спокойный, добрый душою исполин, ведет нас к дворцовому мраморному бассейну с чистейшей горной водой («Не хотите ли выкупаться?») и дальше, в глубь парка, туда, где собралась молодежь.

— Наши женщины и девушки недавно сбросили чадру. Это большой шаг на нашем пути к прогрессу. Никакие реакционные силы не помешают теперь процессу освобождения женщин. Не те теперь времена. Девушки учатся в школах, в лицеях, в университете. А сюда, в сады, приезжают развлекаться и отдыхать. Вот, познакомьтесь!

И мы знакомимся с девушками, которым уже не нужно скрывать от людей свои прелестные лица.

Советский Союз оказывает Афганистану большую экономическую, техническую и культурную помощь. Значительная группа советских специалистов помогает афганцам строить шоссейные дороги и крупный порт Кизылкаля на Аму-Дарье, Джангалакский авторемонтный завод, аэродром в Баграме и другие объекты важного государственного значения. В отличие от капиталистических стран, построив объект, наша страна не участвует в получении доходов. Афганский народ очень ценит такое бескорыстие.

На восемьсот афганских рабочих и служащих хлебокомбината, построенного с помощью СССР, сейчас осталось лишь десять советских технических консультантов. Но и они покинут комбинат, как только афганские инженеры станут достаточно опытными, чтобы заменить их. Кстати, главному технологу комбината Гуляму Дастагиру от роду только двадцать четыре года, а инженеру хлебозавода Вали Муххамаду — двадцать пять лет. Мы смело могли бы назвать такой производственный коллектив молодежным.

...По извилистой горной дороге над тесной долиной мчится «Волга» к массивам Хазараджата. «Побед», «Москвичей» и «Волг» теперь много в Афганистане.

Коренастый, с маленькими усиками, чуть похожий на монгола, поэт Салими везет нас в центр вардакского племени — Чаквардак. Вардаков в Афганистане всего двадцать пять тысяч семейств. Однако это племя земледельцев пользуется известностью: оно проявило большую решительность в борьбе за независимость страны, многие его представители стали государственными чиновниками и офицерами армии. Салими — один из них, он заместитель начальника департамента печати. Он член правления Общества афгано-советской дружбы.

Под нами красивейшая, кажущаяся дикой река. Салими резко останавливает «Волгу»: нам хочется побеседовать с мальчуганом в чалме. В руках у него учебник, мальчик оказывается школьником пятого класса, и мы узнаем, что теперь нет в Афганистане таких глубоких ущелий, куда не проникло бы начальное образование.

В селении Чаквардак, где имеется гидроэлектростанция, мы, отдыхая в отличной гостинице, построенной на вершине холма, над искусственным озером, беседуем с молодежью. Самый высокий из пришедших парней — в нежнейшего цвета голубой чалме,— оказывается, учится в школе летчиков, два других — в военном училище. А два маленьких школьника говорят, что они, пожалуй, станут музыкантами. Они только что слушали по радио из Кабула концерт Глинки; афганским мальчикам Глинка нравится!

...Крепнет день ото дня советско-афганская дружба. Немало способствовал этому обмен визитами руководящих деятелей наших стран. Исключительно сердечный прием был оказан на афганской земле Никите Сергеевичу Хрущеву. Тепло встречали советские люди короля Афганистана Мухаммед Захир Шаха, премьер-министра Мухаммед Дауда.

Выступая на многотысячном митинге в Кабуле 4 марта 1960 года, глава Советского правительства Н. С. Хрущев сказал: «Наши отношения развиваются хорошо. Мы и впредь должны жить, как добрые соседи, в мире и дружбе, взаимно помогать друг другу в развитии экономики наших стран, в поднятии жизненного уровня и культуры народа».

Тысячи собравшихся на митинг афганцев радостными возгласами ответили на эти слова советского премьера.

На пути в селение Чаквардак мы остановили «Волгу» над красивой, типичной для Афганистана речной долиной, чтобы побеседовать со школьниками, которые с учебниками в руках возвращались домой по горной дороге.

Фото автора.

ПЛАМЯ ДРУЖБЫ НАД ТАТРАМИ

Целую неделю на многокилометровых снежных трассах, проложенных близ Закопане и Поронца, на горе Касприовы Верх, возле польско-чехословацкой границы, на ледяных катках старинных польских городов Быдгощи и Торуня шла острая борьба между армейскими спортсменами девяти стран социалистического лагеря.

В Первой зимней спартакиаде дружественных армий социалистических стран участвовало более четырехсот сильнейших спортсменов, многие из которых в свое время были призерами Олимпийских игр, чемпионами своих стран. А рядом с опытными «бойцами лыжни» в острую спортивную борьбу смело вступили совсем молодые, впервые участвовавшие в международных соревнованиях по зимним видам спорта физкультурники Китая и Монголии.

— Мы приехали сюда учиться у вас,— говорил руководитель команды китайских лыжников полковник Су Чуан-ши.

Молодым, менее опытным товарищам по спорту помогали все. Известный польский спортсмен, неоднократный призер международных чемпионатов Станислав Марусаж, на счету которого числится более десяти тысяч прыжков с трамплина, охотно делился своими «секретами». Тренер нашей команды заслуженный мастер спорта Виктор Андреев внимательно наставлял болгарских спортсменов, румынские горнолыжники Г. Балян и К. Табарас, завоевавшие, кстати, первенство на трассе гигантского слалома, давали деловые советы посланцам далекой Монголии. А разве забудутся когда-нибудь сердечные, дружеские встречи с трудящимися народной Польши! Этих встреч было, пожалуй, больше, чем самих состязаний. Они проходили нередко прямо в цехах заводов и фабрик.

«Сплоченные, умелые, сильные — на страже мира и социализма» — было написано на эмблеме спартакиады. Значки с этой эмблемой спортсмены дарили рабочим, а взамен получали от них памятные подарки.

Календарь спартакиады был емким. Одно состязание следовало за другим, но спортсмены каждой команды постарались найти время, чтобы съездить в Поронино, побывать в тех исторических местах, где около полувека назад жил и трудился В. И. Ленин.

...Каждый вечер в Закопане, на площади Победы, при свете факелов, зажигаемых харцерами (польскими пионерами), происходило вручение наград победителям состязаний. Это было красочное и волнующее зрелище, на которое собирались толпы народа. Чаще всего здесь звучал Гимн Советского Союза. Первые места, золотые медали завоеваны нашими лыжниками. Они уверенно лидировали почти на всех видах состязаний.

Команда Советской Армии награждена большим серебряным Кубком Дружбы.

Н. ДЕНИСОВ

На снимке: На трибуне почета призеры гонки патрулей. Первое место заняли спортсмены Советской Армии, второе — болгарские лыжники и третье — поляки.

Фото А. Григорьева.

У ТЕЛЕФОНА—БРУМЕЛЬ

Нью-Йорк, отель Парамоунт, комната 1601...

Этих пяти слов и четырех цифр оказалось достаточно, чтобы в тот час, когда вся Америка была еще взбудоражена поражением своего лучшего прыгуна Джона Томаса, мы смогли побеседовать с его победителем — Валерием Брумелем. Ясно и четко звучал в телефонной трубке его молодой, взволнованный голос.

— Было очень трудно. Прежде чем я смог начать борьбу на арене Мэдисон сквер-гарден с Томасом, мне пришлось выдержать поединок с не менее серьезным соперником — поясным временем: днем нас валил с ног сон, а ночью мы не могли сомкнуть глаз. На акклиматизацию оставались лишь считанные часы.

Впрочем, Джон Томас, как оказалось, тоже вел борьбу с грозным противником — волнением. Леонид Хоменков — руководитель нашей маленькой спортивной делегации,— навестив Томаса, нашел его за восемь часов до начала соревнований уже в спортивном костюме. Американский спортсмен был очень рассеян, настолько, что свой значок, подаренный ему Хоменковым, приколол к платью своей девушки, хотя она только что получила точно такой же сувенир. Чувствовалось, что Томас чрезвычайно возбужден и не может этого скрыть. Впрочем, состояние его стало понятным после знакомства с нью-йоркской прессой. Вокруг нас кипели большие страсти. Все газеты наперебой оценивали наши шансы, а тренер Джона Томаса Фланаган заявил, что его ученик выйдет победителем из предстоящего поединка. Да, надо иметь очень крепкие нервы, чтобы в такой обстановке сохранить спокойствие.

Когда мы явились в Мэдисон сквер-гарден, около этого крупнейшего зрелищного предприятия уже скопилась огромная толпа, а к тому часу, когда мы вышли на деревянный настил, который должен был заменить мне на сей раз привычную гаревую дорожку, в огромном зале дым стоял столбом. Все курили, и многоголосый говор почти заглушал резкие, бьющие по нервам звуки джазовой музыки.

Было десять часов вечера по нью-йоркскому времени, а по московскому — пять часов утра. Но меня больше беспокоила не разница во времени, а то, что на деревянном настиле не оставалось следов от шипов моих спортивных туфель, и это очень затрудняло разметку разбега.

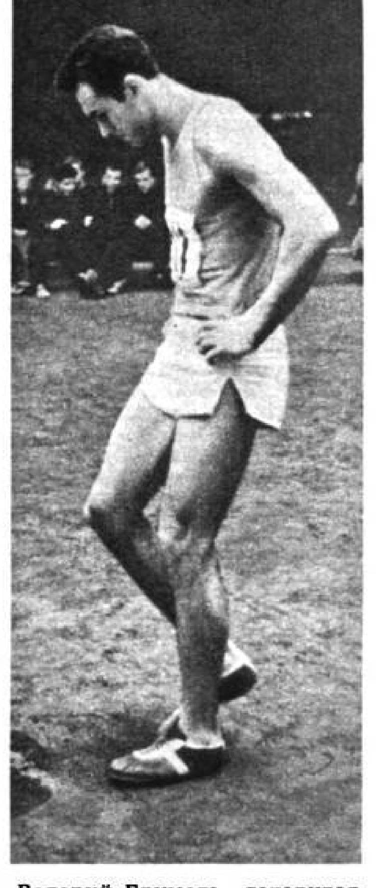
Мне, как могли, помогали друзья — Тер-Ованесян и Момотков: они стояли на условленных местах. Я начал соревнование на высоте 1 метр 95 сантиметров. Затем последовало 2 метра, 2 метра 3 сантиметра. Все эти высоты я брал с первой попытки. Удалось с первого же подхода преодолеть и 2 метра 5,8 сантиметра, а Томас взял эту высоту лишь со второй попытки.

Я чувствовал большой подъем, хотя в такой азартной обстановке мне никогда еще не приходилось выступать. Один за другим покинули арену девять наших соперников, а планка поднималась все выше и выше. Под аплодисменты всего зала мы преодолели 2 метра 13 сантиметров, и планку подняли еще на 3 сантиметра. Джон Томас великолепно справился и с этим рубежом, а после него мне также удалось совершить успешный прыжок. И все же, несмотря на кажущийся успех Джона Томаса, именно тогда я почувствовал, что близок к победе. Я не знал еще, на какой высоте должен буду остановиться, но видел, что Томас уже остановился. Его глаза погасли, исчезло, видимо, то боевое чувство, которое мы называем «спортивной злостью». Джон Томас явно не хотел дальнейшей борьбы. И действительно, в то время, как мне удалось преодолеть 2 метра 18,5 сантиметра, Томас не смог использовать ни одной из предоставленных ему трех попыток.

Трудно описать тот азарт, вой, свист, который бушевал в те минуты под крышей Мэдисон сквер-гарден. Теперь у планки я остался один. Высота — 2 метра 21 сантиметр. Так высоко еще никто не прыгал на арене Мэдисон сквер-гарден. Только одному американскому прыгуну удалось недавно в Бостоне совершить такой прыжок — самому Джону Томасу, когда он узнал, что я в Ленинграде взял высоту 2 метра 25 сантиметров. Удастся ли мне сейчас, после полутора часов напряженной борьбы, на непривычном деревянном помосте повторить результат Томаса? Мне это удалось лишь на последней, третьей попытке.

Вот, кажется, и все. После этого я пытался преодолеть планку на высоте 2 метра 26 сантиметров, но, увы, не смог. Однако ведь впереди еще два соревнования в США: одно из них состоится в конце февраля, другое — в первых числах марта.

...В заключение Валерий Брумель просил передать его привет всем читателям журнала «Огонек», и мы с радостью взялись выполнить его просьбу, в свою очередь, пожелав ему дальнейших успехов на американской земле.

Валерий Брумель готовится к прыжку.

Фото В. Галактионова.

КОНЬКИ, ЛЮБОВЬ И ВЕЗЕНИЕ

Рассказ о драматической борьбе в течение двух дней, волновавшей стадион Ню Уллеви в Гетеборге, следует начать не с метров, минут и секунд, а с одной романтической истории.

Лет шесть назад в голландском местечке Бренкельн местные конькобежцы затеяли воскресные соревнования. Молодой рабочий Хенк ван дер Грифт не решался попробовать свои силы. Он ведь до этого не соревновался, а просто иногда вечерами после работы любил разминаться на замерзшем канале. Но тут Хенк увидал девушку, с которой ему очень захотелось познакомиться. Он побежал домой, надел коньки, выступил хорошо и, воодушевленный своей победой, осмелел — познакомился с Риййкой. С тех пор, если Риййка бывала на соревнованиях, Хенк всегда побеждал. А без нее? Без нее он в прошлом году потерпел неудачу на чемпионате мира в Давосе, был десятым — на 500 метров в Скво Вэлли, вторым — на чемпионате Европы нынешнего года в Хельсинки.

С 1956 года Голландию совсем забыла зима. И Хенк решил до лучших времен переехать в Норвегию. Он устроился там механиком по ремонту автомобилей и, получая денежную помощь от спортивного союза Голландии, упорно готовился к грядущим «боям».

И вот на первенстве мира в Гетеборге закончилась борьба на первой дистанции 500 метров. Хенк показал второй результат после Евгения Гришина.

— Я надеялся только на пятое место,— радостно говорил он на пресс-конференции.— Но тут, на стадионе, мой талисман — моя невеста Риййка!

В то время, как Грифт пробежал 500 метров за 42,2 секунды, Косичкин показал лишь 44,3 секунды. 5 тысяч метров Хенк пробежал для себя отлично, в одной из первых пар, когда светило солнце и скольжение было превосходным. К старту Косичкина туман покрыл лед тонкой коркой. И вот тревожный итог — четвертое место там, где Виктор имел все шансы быть первым! После двух дистанций Косичкин стоял лишь шестым.

На следующий день Грифт продолжал свое блистательное наступление. В беге на 1 500 метров он показал первое время, но и Косичкин не собирался сдаваться. У него второе место на этой дистанции и впереди главный его «козырь» — 10 тысяч метров.

Косичкин прошел 25 кругов с великолепным результатом — 16 минут 35,9 секунды. Никто не смог даже приблизиться к нему, но у голландца слишком солидный запас — 21 секунда. Выступает он после Косичкина, это огромное преимущество — ведь теперь Грифт точно знает, сколько секунд он может проиграть. Хенк ван дер Грифт проиграл Косичкину много — 17,7 секунды, однако и это дало ему лучшую сумму очков — 189, 213. Косичкин остался вторым.

Сразу же после гетеборгских соревнований новый чемпион мира приступил к составлению плана тренировок на следующий год. Очередная дуэль двух сильнейших скороходов мира состоится в Москве, на чемпионате мира 1962 года.

В. ПЕТРУСЕНКО
(по телефону из Гетеборга)

ХАМЗА, ТЫ С НАМИ!

В Узбекистане в центре кишлака Хамзаабад высится холм. Окаймленный двумя реками, он точно в объятиях друга. День и ночь текут быстрые воды рек. В одной вода прозрачна, как утренняя роса, в другой — голубая, как южное небо. По склонам холма — пышные и развесистые деревья. Их тень, падая на прозрачную гладь воды, делает этот уголок сказочно прекрасным. Исстари это жемчужное место влекло к себе людей: воды двух рек обещали им радость. Теперь на этом холме трудящиеся Узбекистана воздвигли мавзолей, где бережно хранятся останки безвременно погибшего от рук фанатиков-мракобесов верного сына народа Хамзы Хаким-заде Ниязи.

Бесконечно дорого это имя узбеку. В истории узбекской литературы, а может быть, и во всей новейшей истории Узбекистана нет имени, которое было бы столь популярно и любимо народом, так весомо вошло бы в историю революционной борьбы узбекского народа, в историю его литературы.

Велики заслуги Хамзы в деле создания узбекской советской литературы, ее революционной поэзии, ее богатой ныне прозы. Хамза — основатель узбекского реалистического театра, выдающийся деятель народного просвещения. Жизнь поэта, борца за народное счастье, удивительна, она подобна легенде.

Творчество Хамзы — доказательство того, что поэт может и должен вторгаться в жизнь. Замечательна гражданственность поэзии Хамзы, ее высокое социальное звучание.

Еще в юности Хамзой руководила непобедимая и благородная страсть — помочь своему народу. Поэт был прирожденным учителем. Желание сделать добро людям проявлялось в каждом его действии, в каждой строке.

Юношей он отказался от духовной карьеры, порвал с отцом и начал по-новому жизнь. Став учителем, он не только учит, но и решает сложные вопросы народного образования. Хамза вводит в курс обучения светские дисциплины, в особенности точные науки. Он ориентируется на большую русскую литературу, русскую культуру.

Стремясь как можно больше узнать самому, чтобы затем передать эти знания людям, поэт много путешествует. Хамза посещает Афганистан, Индию, Мекку, Медину, Бейрут, Константинополь.

Но Родина зовет — и Хамза снова в Узбекистане: организует школы, курсы, библиотеки, читальни... Неуемная просветительская энергия проявляется и в переложении стихов на народную музыку: так они скорее дойдут до неграмотной массы. Все для народа, все бескорыстно.

Бурным был порыв его творчества после 1917 года. Поэт принимает пролетарскую революцию с радостью, борется за нее со всей своей титанической силой.

В учении Ленина, в Октябрьской революции Хамза находит великую правду.

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит прорывайся,
кирка!
Чтобы враг был навек
опрокинут —
За оружье, рабочих рука!

В пропаганде революционных идей Хамза видит теперь смысл своего творчества. Поэт отвергает старый мир с его порядками, проклинает мир изуверов.

Хамза стал родоначальником узбекской советской литературы, дал прекрасные образцы ее, новаторские по содержанию и форме и в то же время истинно национальные, продолжающие традиции узбекской прогрессивной литературы и фольклора.

После Октября во всем блеске раскрылся многогранный талант Хамзы — поэта, артиста, драматурга, композитора, солдата и учителя. В «Ферганских трагедиях», в драме «Бай и батрак» он создал образы героев, выступающих против мракобесия.

Много внимания Хамза уделял театру: руководил выездной театральной группой, организовал агитпоезд, став деятельным помощником Политуправления Туркестанского фронта.

В 1920 году Хамза вступил в Коммунистическую партию. Новые стихи и песни, музыка и агитационные беседы, организация красных чайхан и выступления перед зрителями — все это целиком заполнило жизнь Хамзы. В 1926 году Хамзе решением ЦИК УзССР присвоено звание народного поэта. Его творчество было поразительно злободневным. Все оно — непосредственный художественный отклик на события в республике, будь то борьба против паранджи или за коллективизацию, социалистическое распределение воды и земли или обличение подлости духовенства и буржуазных националистов.

Хамза многое начал, и поиски его получили дальнейшее развитие в узбекской литературе, ныне голос ее звучит и в нашей стране и за рубежом.

И если мы называем именем Хамзы наш лучший театр, прекрасные улицы наших городов, наши школы и колхозы, то это только скромная дань памяти великого поэта, семидесятилетие со дня рождения которого мы сейчас отмечаем.

Говоря о развитии искусства Узбекистана, думая о литературе больших чувств и мыслей, мы можем сказать сегодня:

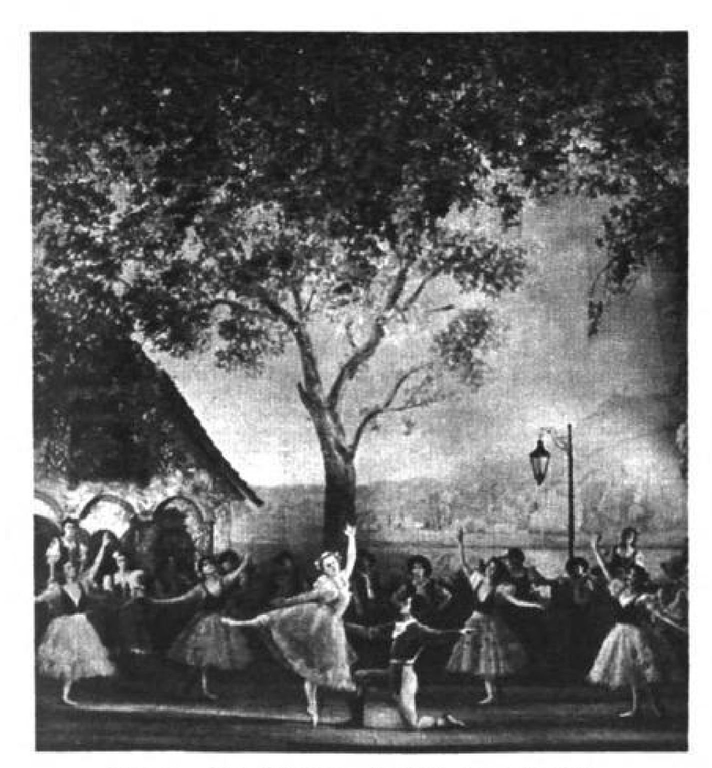
— Хамза, ты с нами!

Рамз БАБАДЖАН

125 лет со дня рождения Делиба

«...ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ, ЧТО ЗА ИЗЯЩЕСТВО...»

О. ЛЕПЕШИНСКАЯ,
народная артистка СССР

Сцена из балета Делиба «Коппелия».
Фото Н. Саховского.

«Я слышал балет Лео Делиба. Именно «слышал»... Что за прелесть, что за изящество, что за богатство мелодическое, ритмическое и гармоническое!» — так писал Чайковский своему другу и ученику композитору С. И. Танееву.

Лео Делиб родился в 1836 году. Жизнь его сложилась весьма благополучно: Делиб был дирижером комической Оперы, потом — профессором Парижской консерватории. Музыка его сразу нашла восторженных приверженцев, а лучшие произведения — балеты «Коппелия» и «Сильвия», опера «Лакме» — молниеносно завоевали сцены европейских театров.

Конечно, мне хочется поговорить о балетах Делиба.

«Коппелия», созданная по мотивам известной сказки Т. Гофмана, впервые была поставлена в Париже в 1880 году. С тех пор она неизменно в репертуаре музыкальных театров мира. Мне довелось и самой танцевать главную партию — Сванильды — на сцене Большого театра.

Надо сказать, что наша постановка очень отличается от тех, которые идут на балетных сценах Европы и Америки. У нас герои — это не условные персонажи классического балета, а живые люди, наделенные характерами; и танец — выражение чувств героев, а не показ виртуозного мастерства артиста. Сванильда — простая, веселая, жизнерадостная девушка; во втором акте она не превращается в куклу, а просто разыгрывает своего возлюбленного и дурачит всех остальных.

Музыка «Коппелии» прелестна. Она ритмична, насыщена яркими музыкальными характеристиками. Сколько поколений артистов Большого театра танцевало в этом балете, начиная от таких талантов русской хореографии, как Е. Гельцер и В. Тихомиров, кончая нашими молодыми артистами — Н. Филипповой и Г. Ледях!

Несколько менее счастливая судьба у другого балета Делиба — у «Сильвии». Музыка тоже очень хороша, П. И. Чайковский называл ее даже «гениальной в своем роде». Но либретто, созданное по произведению Тассо «Аминта», получилось очень условным, нечто вроде балетного дивертисмента, не более...

В 30-х годах балетмейстер Л. М. Лавровский написал новое либретто к музыке «Сильвии». Так на советской сцене появился балет «Фадетта».

Заглавный образ его — Фадетта — напоминает купринскую Олесю. Она живет в лесу. Деревенские кумушки издеваются над нею, называют ее колдуньей. Наконец, Фадетта находит свое счастье... От затравленного зверька до женщины, гордящейся своею любовью, — эта эволюция образа Фадетты находит великолепное подтверждение в музыке. Проникновенная и глубокая, грустная и веселая, музыка говорит о целой гамме сложных и прекрасных человеческих чувств.

Иметь партию Фадетты в своем репертуаре — большая радость для каждой актрисы балета.

Главное в образах, созданных чудесным композитором Лео Делибом, что они не теряют с годами своей свежести, поэтичности, привлекательности.

ЖУРНАЛУ «ЗНАМЯ» 30 ЛЕТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

27 февраля литературная общественность отмечает тридцатилетие литературно - художественного и общественно-политического журнала «Знамя». Вот что сказал в связи с этим главный редактор журнала В. М. Кожевников.

В 1931 году вышел в свет первый номер нашего журнала. С тех пор со страниц «Знамени» шагнули в жизнь романы, поэмы и повести, ныне известные миллионам людей: «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Одиночество» Н. Вирты, «Одноэтажная Америка» И. Ильфа и Е. Петрова, «Василий Теркин» А. Твардовского, «Сын» П. Антокольского, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Падение Парижа» И. Эренбурга, «Спутники» В. Пановой, «Звезда» Эм. Казакевича...

В 1949 году новый состав редколлегии расширил тематику журнала: вместе с произведениями военно-патриотического характера на его страницах публикуются теперь романы, повести, рассказы, поэмы и очерки об основных проблемах современности, строительства коммунизма. Пропаганда произведений, рисующих цельные, волевые характеры советских людей, созидателей светлого будущего, — главная задача нашей редакции.

В послевоенные годы журнал «Знамя» опубликовал немало произведений, завоевавших сердца читателей. Это «Жатва» и «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой, «Глубокий тыл» Б. Полевого, «Рождение моря» К. Паустовского, «Степное солнце» П. Павленко, «Девятый вал» И. Эренбурга, «Плавучая станица» В. Закруткина, «Дни нашей жизни» и «Иначе жить не стоит» В. Кетлинской, «Балтийское небо» Н. Чуковского, «Сильнее атома» Г. Березко, «Жестокость» и «Испытательный срок» П. Нилина, «Чудотворная» В. Тендрякова, «Капля росы» В. Солоухина, «Живые и мертвые» К. Симонова, произведения Н. Тихонова, В. Инбер, Ю. Нагибина, М. Тевелева, В. Василевской, Ф. Панферова, Г. Бакланова, П. Сажина. Некоторые произведения отмечены Сталинской премией, а романы Л. Леонова «Русский лес» и М. Ауэзова «Путь Абая» удостоены Ленинской премии.

Верный своей традиции выдвижения молодых сил в литературе, журнал опубликовал в эти годы и произведения молодых писателей. В январской книжке за 1961 год мы дали слово молодым: ленинградцу Б. Сергуненкову и Г. Горышину, москвичу Л. Озорнову. В февральском номере напечатана повесть В. Конецкого «Завтрашние заботы», в мартовском со своими рассказами выступит Г. Семенов. В апрельской книжке журнала будут опубликованы рассказы Юлиана Семенова. На подходе повесть «Молодо-зелено» А. Ренемчука, известного читателям по книге «Время летних отпусков».

Разумеется, мы будем публиковать и произведения писателей старшего и среднего поколения, например, Ю. Нагибина, Н. Емельяновой, Ф. Таурина. Мы ждем вторую книгу «Золотой розы» К. Паустовского и новые рассказы В. Василевской и Г. Николаевой. Опубликуем мы и автобиографическую повесть В. Шкловского «Жили-были».

Решение январского Пленума ЦК КПСС о созыве XXII съезда партии обязывает нас еще активнее изображать героические дела советского народа. В 1961 году мы вводим в журнале новый раздел — «Навстречу XXII съезду КПСС».

Тридцать лет в жизни журнала — срок немалый. Но, оценивая то, что сделано, мы думаем о том, что предстоит сделать сейчас, в год XXII съезда партии. Задачи журнала велики и почетны. И если нам удастся опубликовать новые произведения, отображающие типические черты советского человека шестидесятых годов, зажигающего огонь в сердцах современников, мы будем считать свою задачу выполненной.

Народ — герой литературы

Что греха таить, читать работы наших критиков подчас нелегко: и язык такой, что хоть за каждым словом лезь в словарь, и оценки уклончивы... Книга Виктора Панкова «Главный герой» совсем иная: оценки ее очень определенны, язык публицистичен и прост.

В книге идет разговор о литературе последних лет, в основном о прозе. В. Панков стремится показать революционные традиции советской литературы, присущие ей черты гуманизма, веру в будущее, разнообразие ее художественных средств. Критика интересует главный образ, определяющий все остальное в книгах советских писателей, — образ народа.

«Новое бесконечно разнообразно, — говорит критик. — Светлое, положительное никогда не может уместиться в схемы, ибо оно не однозначно и не трафаретно, оно м н о ж е с т в е н н о в своих чудесных, необычных и удивительных проявлениях». Исходя из этого, автор и подходит к явлениям литературы.

Кое с чем в книге можно поспорить. Я, например, в отличие от критика считаю образ Листопада одной из удач В. Пановой. Думаю, что в разговоре о поэтах автор мог бы сильнее подчеркнуть линию, продолжающую традиции Маяковского в его непрестанных исканиях. Некоторые наши противники сложнее, чем рисует их критик: упомянутый им Пьер Гаскот, изображенный как ярый сторонник «искусства для искусства», недавно выступил против абстракционистов с весьма суровой критикой.

Но дискуссионность отдельных оценок отнюдь не недостаток книги. Это — непременное качество критической работы. А основная идея книги бесспорна. Рассматривая литературу — и романы о современности и исторические — «как особую сторону познания современной жизни народа», В. Панков показывает не только развитие нашей литературы, но и рост ее главного героя — советского народа. Думается, что книгу В. Панкова прочтут не только критики и литераторы, она заинтересует многих читателей, заставит их возвратиться к одним книгам и внимательно прочитать другие.

Дм. МОЛДАВСКИЙ

В и к т о р П а н к о в. Главный герой. Изображение народа в послевоенной советской литературе. Гослитиздат. 1960. 324 стр.

Метнуло!

Реплика двум критикам

Сергей С М И Р Н О В

Книга стихов Вл. Цыбина «Медовуха» обрадовала меня. Выразительно живописует молодой поэт зиму:

Снега метельным волоком
протащены под липами.

Вот на сельском празднике священнодействует хозяйка дома:

...К запястью цветы крадутся
по белому рукаву.

А вот завихрилась русская карусель, и, «притворившись птахами, девки валятся к плечу с громкими ахами». Читаешь о базаре и как бы присутствуешь на празднике изобилия. Читаешь о предчувствии полета и словно от имени сегодняшней молодости бросаешь вызов космосу:

И это нам, непеременчивым,
прославить честь большой поры,
бега ракет многоступенчатых
в периферийные миры.

Здоровьем, полнотой жизни, радостью мировосприятия полны строфы поэта о весне, о лете, о щедрой матери-земле. Герои его стихов — люди самобытные, запоминающиеся. Они прямо из жизни вошли в сборник. Я вижу обаятельный образ матери, сдержанных в своей женской печали односельчанок, чьи мужья «почили у Волги, у Бреста». Я ловлю себя на мысли, что в жизни встречал такого же застенчивого парня-лесничего Яшу-холостяка, изображенного в стихотворении Вл. Цыбина. Перед моим мысленным взором проходят осуждаемые поэтом ловцы «длинного рубля», убежавшие из колхоза и промышляющие где-то на стороне, или последняя колдунья села, которой давно никто не верит, или чванливый Сенька, считавший себя первым парнем на деревне, пока туда не приехали ребята-комсомольцы. Мне определенно пришлась по душе девушка Саня, хозяйка шахтного ствола, обладающая мужской силой и чутким, тоскующим по любви сердцем. А как хорош дед, который нарисовал икону «с проезжего бродяги», нарисовал не просто, а «попам назло»!.. Я сразу же запомнил строфу:

И вы за то, что я робею,
меня простите.
В этот час
я даже нежностью своею
и то боюсь обидеть вас.

Как правдиво, целомудренно, взволнованно сказано о любви! Эти строки прямо противоположны претенциозной «дактилоскопии малаховских ребят», воспетой другим молодым поэтом. Полна драматизма и социальной остроты поэма Вл. Цыбина «Две крови», где автор емко и образно решает проблему столкновения двух враждебных сил: мира собственничества и мира нового, рожденного Октябрем. Поэт не обходит острых социальных тем, продиктованных самой жизнью. Он ищет и находит новые ритмы, умело владеет сюжетом, взыскательно отбирает весомые слова. Такая работа ждет объективной оценки, дает материал для размышлений и выводов.

Но вот передо мной статья сразу двух критиков, А. Меньшутина и А. Синявского, «За поэтическую активность» (журнал «Новый мир» № 1 за 1961 год), и я никак не могу согласиться с целым рядом положений и оценок, данных в ней. Критики делят молодых поэтов на «чистых» и «нечистых». Одним выдают лавровые венки, другим — терновые венцы.

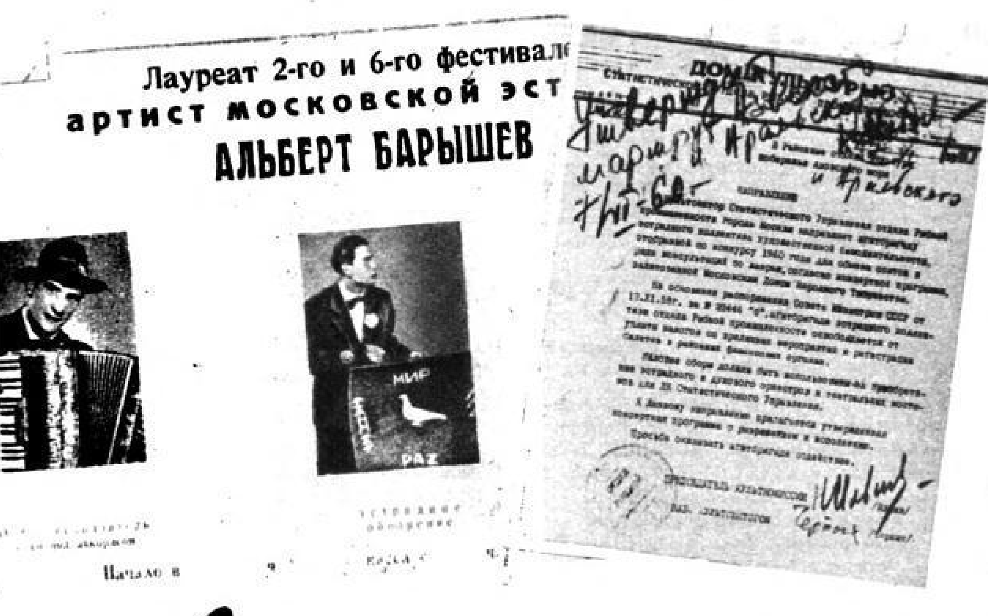
Если речь идет об А. Вознесенском, то он, оказывается,— «крайняя левая» сегодняшней молодой поэзии. Он звонкий, шумный, заявляющий о себе «в полный голос». Его дерзость и задиристость, по утверждению критиков, искупаются энергией, бодростью, экспрессией, темпераментом, звукописью, внутренним напором и тому подобными хорошестями. Лишь вскользь авторы статьи оговариваются: «Эк его метнуло!»,— но так, по существу, и не раскрывают вышеупомянутого «метнуло». А когда заходит речь о поэтах Вл. Цыбине и А. Поперечном, картина сразу меняется. Куда девались броские эпитеты? Критики утверждают, что оба поэта преклоняются перед «земляной силой», что в их творчестве наличествует своеобразное «почвенничество», что у них-де есть какие-то устойчивые стилевые качества и эти качества приводят поэтов к... стилевому однообразию. Критики считают, что «соль», «пот», «земля» и другие «черноземные» образы становятся штампом, что Цыбин и Поперечный впадают в самоподражание, им приписывается узость эстетической базы и быстрая растрата того небольшого «запаса», который они взяли в дорогу. Но даже такого большого «запаса прегрешений» критикам показалось мало. Они бросают обвинения поэтам в том, что в их творчестве понятия «народ» и «Родина» чуть ли не подменяются корнем «род» и родовыми кровными связями, что у поэтов «сужение и упрощение проблемы народности» плюс литературщина.

Два разных, сильных, активных молодых поэта в статье Меньшутина и Синявского преподносятся читателю одинаковыми, как воробушки или рельсы одноколейной дороги. Не повезло в статье и другому интересному поэту, В. Кузнецову, который сам был лесорубом и создал немало взволнованных и правдивых стихов. Критики приписали Кузнецову странную скованность, однообразие сюжетов, узость подхода к теме, бег на месте, бутафорность, унылое самоуговаривание, отсутствие авторского «я» и все такое прочее.

Читинский поэт Савостин тоже «подан» пишущим на «уровне», и выходит, что такого поэта вроде и не существует, а маловразумительные стихи Окуджавы, где рифмуются «езда — стал», «отворив — твои», «кому-то — комода», выдаются чуть ли не за шедевр лирики наших дней.

Статья А. Меньшутина и А. Синявского называется «За поэтическую активность». Вряд ли это название уместно, если принять в расчет, что авторы лихо расправляются с очень активными, молодыми поэтами, сильными острой, нужной, современной тематикой, отмеченными несомненным талантом.

Объективность — необходимое качество для критика. Об этом никогда не следует забывать.

От Азовского до Аральского

Фельетон

В. ПРИВАЛЬСКИЙ,
Ю. КОВАЧ

Знаете ли вы Барышева? Ну как же, Альберт Барышев, артист на все руки! Не знаете? Тогда позвольте представить.

Среди вымирающей когорты мошенников он и ему подобные занимают особое место. Это эстрадные халтурщики, умеющие на ходу подковать эстрадную музу. Вы можете их встретить на тротуаре у входа во Всесоюзное гастрольно-концертное объединение. Именно на тротуаре. В двери их не пускают.

Какая смесь одежд и лиц! Что за ужимки! Встаньте в сторонку, примите непринужденную позу. Тотчас к вам подойдут и конспиративным шепотом сделают ряд конфиденциальных предложений.

— У вас юбилей? — спросит мужчина с контрабасом.

— Свадьба? Нет? Ага, понятно: похороны. Могу предложить чудненький оркестр: бас, альт, две скрипки, барабан. Не дорого, ей-богу, по своей цене уступаю. Не нужно?

Бас недовольно отойдет, но его сменит целая вереница других лиц.

— Инженю не требуется ли?

— Тенор! Лирический тенор! Куда, куда вы?.. Кх... Гм...

— Пою, танцую, играю. Могу сальто-мортале!

— Куплетиков не желаете ли?

Вот так в два счета сколачиваются здесь концертные бригады халтурщиков.

Итак, Барышев из этой самой когорты «служителей» муз. В минуту откровения он, возможно, выложит вам свои взгляды на жизнь и искусство:

— Не понимаю я обыкновенных уголовников. Зачем залезать в карман? Это же грубость. Или снять с женщины часы. Бестактность. Ведь можно действовать культурненько. Сварганьте бригадку, состряпайте программку, напечатайте афишку — и публика сама вынет из кармана и отдаст вам свои рублики. Почему? Очень просто. Как по-вашему: видали Гелену Великанову в колхозе под Кимрами? Слыхали Эдди Рознера в селе Поповке? Да никогда! А меня, Альберта Барышева, и видали и слыхали. Я готов куда угодно! Я понесу... эту самую... культуру. Меня не посылают? Тем хуже. Я еду сам.

Представители эстрадной халтуры ни за что не сунутся в Новосибирск или Харьков, Владивосток или Одессу, зато, подобно блудным сыновьям лейтенанта Шмидта, они обожают Средне-Русскую возвышенность, глубины Сибири и целину.

Что касается нахальства, то его низкопробным эстрадникам не занимать. На одном нахальстве и работают. Можно, скажем, числиться в Калининской филармонии и собирать жатву в Средней Азии, иметь в кармане бумажку от Владимирской филармонии и совершать турне по Дальнему Востоку.

Где-то пронырливый Альберт стащил чистый бланк бывшего Министерства рыбной промышленности. Немного туши, немного ловкости рук, и бланк украшается новой надписью: «Дом культуры статистического отдела рыбной промышленности города Москвы». Глупо звучит, не правда ли? Ничего, для лопухов сойдет...

На бланке появляется «направление»: «Культсектор статистического управления отдела рыбной промышленности города Москвы направляет агитбригаду эстрадного коллектива...»

Куда бы адресовать такое «направление»? Натура у Барышева широкая, а познания по географии скудные. Он, например, убежден, что все моря расположены в алфавитном порядке. Скажем, Азовское и Аральское находятся рядышком, в некотором отдалении лежит Баренцово и т. д. Недолго думая, он адресует бумажку в районные отделы культуры побережья Азовского и Аральского морей. Левый угол украшается красным росчерком: «Утвердить».

Но черт его знает, где оно расположено, это самое Аральское море! Не под Кимрами ли? И Барышев едет в Кимры. Таким образом, в один прекрасный день в кабинете заведующего отделом культуры Кимрского райисполкома Волкова появился вертлявый тип с наглыми ухватками и отрекомендовался:

— Приветик от московских артистов! Позвольте представиться: Альберт Барышев, собственной персоной. В ваших Палестинах оказался совершенно случайно, проездом из Парижа в Вологду. Да вы не стесняйтесь, садитесь.

Несколько ошеломленный завотделом сел и принялся рассматривать поданную ему бумагу.

Это был острый, волнующий момент. С бьющимся сердцем Альберт зорко следил за рукой заведующего. Вот сейчас он потянется к телефону, снимет трубку и грубым голосом скажет:

— Пришлите парочку милиционеров. Задержан аферист-халтурщик.

Но никуда заведующий не позвонил, никого не вызвал, никого не задержал. Его вполне устроили и липовое направление с красным росчерком, и фальшивая печать, и даже Аральское море. На лице его постепенно появилась деликатная улыбка.

— Весьма польщен! Сами изволите в каком жанре выступать, маэстро?

— Автор-исполнитель песен. Свои стихи, своя музыка, свой аккордеон. Могу и станцевать, сварганить скетч. Между делом дрессирую обезьян. Одним словом, человек-ансамбль. Я же и руковожу.

Приятно пораженный такой разносторонностью талантов, Волков окончательно растаял.

— Чем могу служить?

— Как насчет гастролей?

— Помилуйте! Осчастливьте! Дом культуры не угодно ли? Клуб судоремонтного завода, городской сад к вашим услугам.

И на оборотной стороне «липы», словно на настоящем командировочном удостоверении, завотделом запечатлел свою подпись и скрепил ее печатью.

Покинув гостеприимный кабинет, самозванец отправляется в городскую типографию.

— Срочно! Особый заказ! Пятьсот афиш. Сам Волков разрешил,— втолковывает он исполняющей обязанности директора типографии Стороженко.

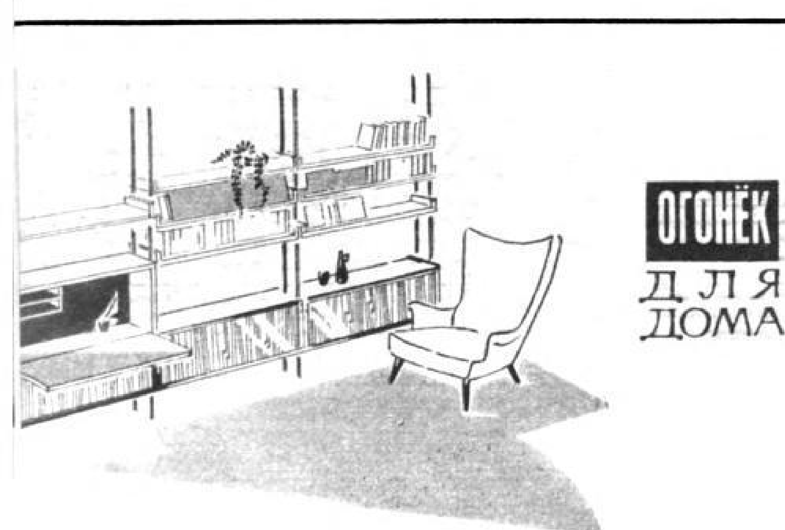
И на свет появляются пятьсот экземпляров афиши, которую мы и воспроизводим для всеобщего обозрения, а паче для сведения завотделами культуры и директоров клубов, чтобы в лицо могли узнать «лауреата фестивалей».

Концерт в Кимрах прошел с блестящим успехом: не побили, гнилыми яблоками не забросали. Даже не спросили, лауреат каких фестивалей выступавший. На большее Барышев и не рассчитывает. Главное — наличные. И Кимры выложили на бочку более четырехсот рублей (новыми деньгами) — весь кассовый сбор.

Эстрадно-уголовный ансамбль под руководством Альберта Барышева весьма красочно описал директор Дома культуры города Джанкоя Польской: «Была у нас группа в составе четырех человек: три мужчины и одна женщина. Выступали три обезьяны, одна курица и женщина, которая играла на аккордеоне, пела, показывала акробатические номера и продавала билеты».

То ли ошеломленный директор принял мужчин за обезьян, то ли наоборот — неизвестно. Что делала курица в эстрадной программе? Может быть, пела петухом? Зато певица-акробат-кассир побила все рекорды: прямо-таки женщина-трансформатор. Впрочем, сколько в действительности было в ансамбле мужчин, женщин и обезьян, заключить из этого описания трудно. Состав труп-

---

ОГОНЁК ДЛЯ ДОМА

Легкая, малогабаритная мебель сохраняет в квартире простор, воздух. Предметы, которые по своему назначению обязательно должны быть большими, например, шкафы для одежды и белья, в современных новых домах чаще всего встраивают в стену.

Большой письменный стол с двумя тумбами подходит больше для служебного кабинета, чем для квартиры. Редко кому необходимо так много места для бумаг и документов.

Домашний письменный стол должен быть небольшим и легким, но лучше его заменить секретером — шкафом для письменных принадлежностей с откидной крышкой; в открытом виде крышка образует небольшой письменный столик.

Хорошо такой «заменитель» письменного стола поставить рядом с полкой для книг или с книжным шкафом. Так как у нас в стране книги любят и много их покупают, надо по возможности делать стены-стеллажи. В них можно встроить и закрытый шкафчик с откидной доской и полку для радио или телевизора. Стена из полок занимает мало места, но очень емкая, красива и современна.

Удобны поставленные один на другой секционные шкафы для книг, белья и посуды.

Архитектор
Айно ПЫЛДРА
г. Таллин.

Рисунки автора.

пы постоянно менялся. Один только Альберт неизменно оставался на своем доходном месте.

На Серебряно-Прудский район, Московской области, эстрадные бродяги напали в таком составе: Барышев, певица, именовавшая себя его женой, акробат и конферансье. Чистая выручка, изъятая из карманов зрителей, составила около тысячи рублей. Несколько сот рублей удалось выудить в Рыбинском районе при любезном содействии заведующего райотделом культуры Калыгина. Пять ни в чем не повинных сел обобрали в Красноградском районе, Харьковской области, с благосклонного разрешения заведующего райотделом культуры Рябухиной. Есть пострадавшие и в Калязине, и в Геническе, и еще во многих городах и весях страны.

Особенно приятные воспоминания оставил у Альберта Барышева Троекуровский район, Липецкой области, где он разбойничал при благодушном попустительстве заведующего райотделом культуры Акишина. Районная газета даже тиснула заметку некоего Ф. Леонова. Начало концерта явно понравилось рецензенту: «Под бурные аплодисменты открылся занавес сцены, и тут же появился конферансье». Такая оперативность просто поразила автора: «Передав привет от эстрады московских артистов, он объявил первый номер программы. Оживление в зале вызвало исполнение Альбертом Барышевым шуточных песен и пародий под собственный аккомпанемент». Гм... Оживление. Как это понимать? Читаем дальше: «Не меньше смеха было и над импровизацией в исполнении Е. Белова».

Наверное, автору рецензии было бы не до смеха, если бы он узнал, что Е. Белов, он же Е. Демочкин,— известный в эстрадном мире уголовник-рецидивист.

Довольно долго гастролировал ансамбль под руководством Барышева. И только в Междуреченском районе, Вологодской области, усомнились и в лауреатстве и в звании артиста Мосэстрады. Даже Аральское море не помогло. Бросив подложные документы и кое-какой реквизит, компания разбежалась.

Но стоит ли унывать, когда запасы начальства неисчерпаемы, когда впереди еще столько «точек» с простодушными начальниками? И, наскоро сколотив новую бригаду, Барышев вновь отправился в турне. Где он сейчас дает гастроли, неизвестно. Но если вы увидите пройдоху, выступающего от имени учетного сектора Клуба московских извозчиков или что-нибудь еще в этом роде, хватайте за руку и тащите в ближайшее отделение милиции. Вы не ошибетесь. Халтурщик — это ничуть не лучше карманника. Даже хуже.

Жизнь в облаках

В. ВЛАДИМИРОВ

Полстолетия назад человек штурмовал небо так, как сейчас он штурмует космос. Аэроплан не был уже новостью, и имена отважных пилотов повторялись во всех уголках земного шара. Только вместо слова «самолет» говорили «летательный аппарат», а вместо «летчик» — «авиатор». Одесский аэроклуб насчитывал 140 человек, среди них был знаменитый авиатор С. И. Уточкин. В Москве существовало Московское общество воздухоплавания с аэродромом на Ходынском поле. Во главе общества стоял «отец русской авиации» Н. Е. Жуковский. Его курс теории воздухоплавания пользовался такой большой популярностью, что в аудитории во время лекции буквально негде было сесть.

Однажды ученый упомянул об огромной высоте полета, достигнутой братьями Райт: 200 метров. «В это время откуда-то сзади,— вспоминает ученик Жуковского академик Б. Н. Юрьев,— раздался голос студента: «Николай Егорович, в сегодняшней газете пишут, что Даламбер на аэроплане Райта пролетел над Эйфелевой башней выше ее на 150 метров». Газету передали лектору, который прочитал телеграмму из Парижа и крайне удивился: «Ведь это страшная высота... ведь это 450 метров... не «утка» ли?»

Однако на «Авиационной неделе» в апреле — мае 1910 года русский летчик Н. Е. Попов взял приз за рекордную высоту — в 600 метров. Это было на Коломяжском аэродроме в Петербурге, где ни один из иностранных гостей (Латам, Христианс, баронесса де-ла Рош) не поднялся выше 150 метров.

Не обошлось без происшествий. Известный французский авиатор Моран внезапно стал планировать на аппарате «Стрекоза» с заглохшим мотором. «Аэроплан, спускаясь, продолжал лететь на публику,— сообщала «Петербургская газета»,— и в паническом страхе бежали во все стороны судьи, сигнальщики, просто любопытные. Трудно было уловить, где должен упасть аэроплан. Более сообразительные бросились в канавы... Произведя такое опустошение в публике на кругу, аэроплан задел стоявший вблизи аппарат Христианса... Летун отделался благополучно, хотя и жаловался на незначительную боль. У аэроплана Блерио прорвано крыло и поврежден немного хвост. Долго еще не могли очнуться лица, находившиеся в кругу, от того страха, какой нанесла упавшая «Стрекоза».

С Вильбуром Райтом в Париже летал немецкий дипломат Ланкен-Ваkениц. Он оставил такое описание полета: «Райт предложил мне сесть на хрупкое сиденье, предупредив, что я должен заменить свою шляпу кепкой, и дал мне краткие инструкции о том, как я должен вести себя во время полета. Я ни в коем случае не должен делать резких движений. Если я почувствую, что кепка слетает с моей головы, я не должен порывисто хвататься за нее: всякое резкое движение грозит опасными последствиями. Когда я занял свое место, стоявший позади своего забавного сооружения Райт сам привел в движение пропеллер, поднявший такой ветер, что кепка немедленно слетела с моей головы. «Пусть летит,— прокричал Райт,— да смотрите, не двигайте левой ногой, а то откроете зацепное приспособление и улетите один!»

Другой пассажир Райта, русский летчик Утешев, дал более деловой отчет: «Аппарат был поставлен на тележку, разгоняемую по рельсам падающим с «катапульты» грузом. Достигнув достаточной для взлета скорости, аппарат автоматически отделился от тележки, плавно поднялся и описал в воздухе несколько кругов на высоте 100—200 метров». Утешев отмечает ненадежность машины Райта и добавляет, что изобретатель перед каждым полетом собственноручно проверял все части аппарата.

«Летуны» того времени обычно бывали и конструкторами. Ведовелли создал «мультиплан», который журналисты окрестили «призрачной машиной Исси-ле-Мулино» (название аэродрома близ Парижа). Весил аэроплан 850 килограммов и имел покрышку из слюды для защиты пилота от дождя и ветра.

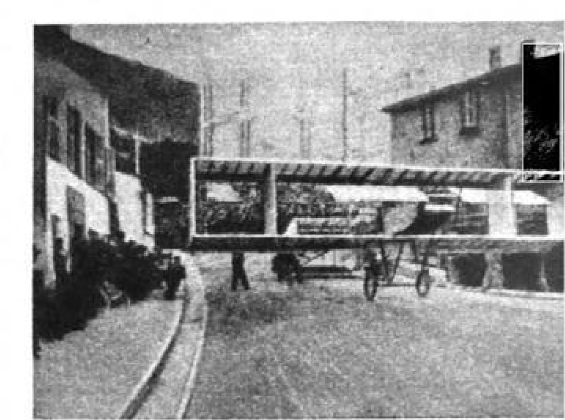
Райт предлагал доставить в Россию 10 самолетов своей системы и обучить русских летчиков за 200 тысяч рублей. Аппетиты у Райта были огромны, но русское военное ведомство отказало ему не по этой причине. «Верховный шеф» русской авиации князь Петр Николаевич заметил, что «будущность аэропланам не принадлежит». И, несмотря на такое «покровительство», Россия имела собственных летчиков и авиаконструкторов, ничем не уступавших райтам. Имена Попова, Уточкина, Ефимова, Нестерова, Антонова, Юрьева, Уфимцева и других вошли в историю авиации. Между прочим, одним из пионеров русской авиации был известный поэт Василий Каменский.

Из сравнительной таблицы воздушных флотов того времени мы узнаем, что Россия имела «в строю» 6 самолетов и 3 дирижабля — больше, чем Англия, владевшая двумя самолетами и двумя дирижаблями. По аэропланам на первом месте стояла Франция (29 аппаратов), а по дирижаблям — Германия (14 цеппелинов).

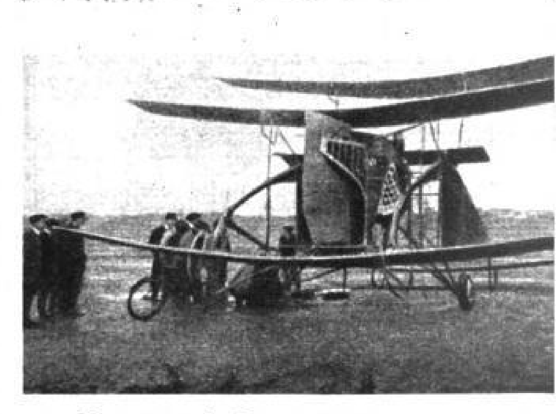
Профессия авиатора была опасной. Немногим из первых «летунов» удалось отделаться простыми ушибами и переломами. Одни погибли, другие были искалечены на всю жизнь. Попытки изобрести «универсальный костюм» для спасения пилота делались не раз, но ни к чему не приводили. Ни куртки, ни шлемы, снабженные резиновыми прокладками и пружинами, не могли помочь. В 1912 году английский журнал «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» поместил большое изображение ранцевого парашюта под заголовком: «Может ли авиатор спастись? Это уже возможно!» Это было известное изобретение Г. Е. Котельникова, которое с честью выдержало все испытания и вытеснило во всем мире складные парашюты, лежавшие в шкафчике или в фюзеляже неподалеку от пилота. Изобретатель назвал свой парашют «РК-1», что означало: «Русский. Котельникова. № 1».

Энтузиазм авиаболельщиков был так велик, что после удачного полета авиаторов с триумфом выносили с летного поля на руках. Журнал «Нива» писал восторженно: «Гелэн (французский летчик) в один день пролетел более 1 120 верст, употребив на это около 12 часов... Мы поймем, насколько поразителен успех этого молодого авиатора, когда вспомним, что всего лишь 4 года тому назад в той же самой Франции лучший авиатор при всем желании не мог пролететь на аэроплане более 52 секунд! В настоящее же время лишь усталость заставляет авиатора прекратить свой полет да необходимость подкрепиться пищей. Но в самом недалеком будущем и то и другое авиаторы смогут совершать на самом аэроплане, не прерывая полета...»

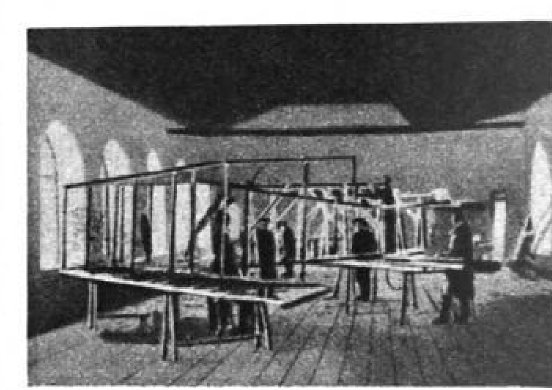
Любопытно, что сказал бы корреспондент «Нивы», если б ему показали салон нынешнего «ТУ-104»? А ведь прошло всего пятьдесят лет, и живы еще люди, которым «жизнь в облаках» казалась сказкой.

Взлетная дорожка на улице в Монте-Карло.

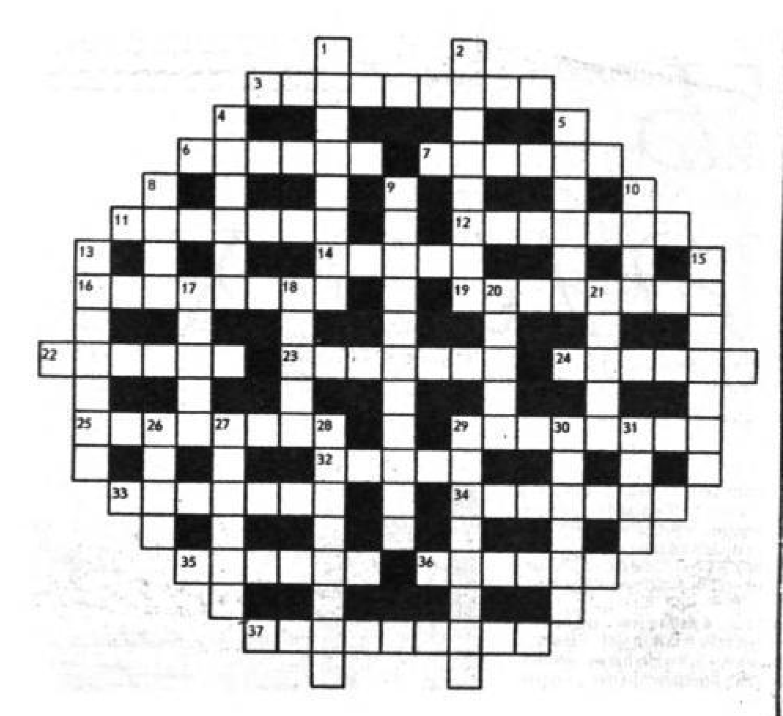
Мультиплан Ведовелли.

Первый цех сборки летательных аппаратов Московского авиазавода.

Аэрожакет и шлем, рассчитанные на предохранение авиатора от ушибов при падении.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Часть доменной печи. 6. Горный массив на Кольском полуострове. 7. Негритянский певец. 11. Основное население одного из европейских государств. 12. Южное зодиакальное созвездие. 14. Народный музыкальный инструмент. 16. Марка трактора. 19. Узкая вертикальная выработка. 22. Цветок. 23. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Полтава». 24. Деталь подшипника. 25. Народный артист СССР. 29. Остров у побережья Австралии. 32. Денежная единица Ирака. 33. Автобиографическое произведение М. Горького. 34. Разновидность кварца. 35. Пушной зверь. 36. Повесть Ю. Либединского. 37. Точное воспроизведение документа, подписи.

По вертикали:

1. Вал металлорежущего станка. 2. Первый учебник по русской истории. 4. Порода собак. 5. Скальные обломки, принесенные ледником. 8. Река в Нидерландах. 9. Старинный город в Сибири. 10. Советский карикатурист. 13. Единица административного деления. 15. Армянский скульптор. 17. Уведомление о переводе денег. 18. Плотная ткань. 20. Северная птица. 21. Сельскохозяйственная машина. 26. Большой платок. 27. Автор драмы «Сирано де Бержерак». 28. Картина П. А. Федотова. 29. Геометрическая фигура. 30. Приманка для рыбы. 31. Оледеневший слой снега.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

7. Магеллан. 8. Карамзин. 9. Телескоп. 11. Гарпагон. 12. Осло. 13. Хинди. 14. Тулий. 15. Кастаньеты. 19. Фотометрия. 22. Гейне. 23. Щекот. 24. Коми. 25. Керамика. 27. Матросов. 29. Манитоба. 30. Марципан.

По вертикали:

1. Бакелит. 2. Классик. 3. Жако. 4. Кама. 5. Карпаты. 6. Чигорин. 10. Постановка. 11. Гольфстрим. 16. «Арго». 17. «Тени». 18. Перевал. 19. Фермата. 20. Ящерица. 21. Бородач. 26. Куба. 28. Арат.

На первой странице обложки: Коля Волченков очень любит живопись. Он успешно занимается в студии изобразительных искусств Кишиневского Дома пионеров.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: Цепочной с горы.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02052. Подписано к печати 22/II 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 900 000. Изд. № 222. Заказ 432.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Кто сделал необычное кресло?

В № 47 «Огонька» за 1960 год была опубликована заметка «Необычное кресло». Редакция получила много писем читателей с просьбой рассказать о мастере, создавшем оригинальную вещь.

Кресло, находящееся в семье свердловчанина Я. Н. Баркова, не единственное в своем роде. Впервые такое кресло было представлено на Всероссийской мануфактурной выставке в Петербурге в 1870 году, после чего мастер Василий Петрович Шутов добился льготного права на изготовление подобной мебели в течение десяти лет. Кресла, выполненные «под русскую старину» — с топориками-подлокотниками и деревянной рукавицей, — пользовались в то время спросом у купечества и некоторой части интеллигенции.

Василий Петрович Шутов (1826—1887) был резчиком по дереву и художником. Родился он в семье ремесленника и с детских лет проявил незаурядные способности. Благодаря своему упорству и таланту Шутов получил высшее художественное образование. Жил и работал главным образом в Петербурге. В. П. Шутову принадлежит много замечательных работ из дерева. Кресло, о котором рассказал «Огонек», имеется в Государственном историческом музее, в театральном музее имени Бахрушина, у разных лиц. Всего было сделано более пятидесяти кресел.

Е. ДВОЯННИКОВА

ПИСТОЛЕТЫ МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА

В 1956 году специалист по истории оружия В. С. Маркевич передал Киевскому государственному историческому музею два пистолета, принадлежавших декабристу Сергею Муравьеву-Апостолу. Изготовил их известный швейцарский мастер Ульрих. На рукоятке — дата «1820» и инициалы хозяина.

Пистолеты были приобретены Маркевичем в 1924 году у преподавателя В. В. Черкавского. По словам Черкавского, пистолеты достались ему от отставного офицера, некоего Бауэра. Дед Бауэра был знаком с С. Муравьевым-Апостолом, от которого и получил пистолеты.

В. СИДОРЕНКО

Киев.

«Стреляный» воробей

Я работал слесарем на большом уральском заводе и жил в общежитии. Во всех общежитиях нашего завода уборщицами были женщины, а в нашем — дед Фомич.

Однажды в сильный мороз мы увидели на столе перед Фомичом воробья. Да, по столу разгуливал воробей, обыкновенный воробей, залетевший в форточку.

Серенькая птичка спокойно клевала хлебные крошки, запивала их водой из блюдечка и не обращала на нас никакого внимания. А Фомич певуче ему говорил:

— Ты, Николай, не стесняйся. Народ свой, молодой. Ешь, пей в свое удовольствие. Уж так и быть, прокормим тебя, разбойника.

Все мы смеялись и над разговорами, которые вел Фомич с воробьем, и над серьезным видом, с которым воробей слушал старика. Фомич рассказал, что воробей залетел к нам еще неделю назад. Не сразу он стал так смело и близко подходить к Фомичу. В первые дни он не прикасался даже к крошкам до тех пор, пока старик не отходил в сторону. Постепенно воробей привык и стал клевать на столе: Фомич решил, что неудобно кормить такую умную птицу на полу.

Никто из нас, конечно, не думал, что воробей понимает рассуждения Фомича. Но вот однажды в выходной день кто-то из нас пропел, подражая старику: «Николай, Николай, прилетай на чай с вишневым вареньем, с сахарным печеньем...»

Не успел он кончить, как воробей подлетел к столу.

С тех пор его стали приглашать наперебой, и он еле успевал прилетать «на чай», никому не отказывая в удовольствии разделить компанию.

Фомич бранил за это:

— Нехорошо, Николай. Людей не знаешь, а в гости идешь, меня с собой не берешь. Забыл, разбойник, что я для тебя сделал!

Наступили весенние теплые дни. Однажды улетел от нас воробей, и скоро мы стали забывать своего маленького гостя. Велико же было наше удивление, когда в самом начале наступившей зимы мы увидели воробья на столе у Фомича.

— Вот видишь, Николай, опять мы с тобой встретились! — пряча улыбку в усы, говорил Фомич.— Нехорошо забывать своих друзей, когда солнышко греет. Ну, ничего, мы люди не злопамятные, ты не волнуйся, получай свой чай, а там и поужинаем.

С радостным оживлением мы начали приглашать воробья за свои столы. Николай растерялся лишь на миг, а потом стал вести себя так, как будто он и не улетал.

Мих. СЕРГЕВИЧ

Бронзовый светильник.

ОЛОНЕШТСКИЙ КЛАД

Колхозник Корчмарь из молдавского села Олонешты на своем приусадебном участке копал траншеи для посадки винограда. Вдруг лопата ударилась о какой-то предмет. Так был обнаружен уникальный клад эллинских доспехов: пять шлемов, восемь поножей, барельефная головка богини Афины и бронзовый светильник, посвященный Артемиде Эфесской.

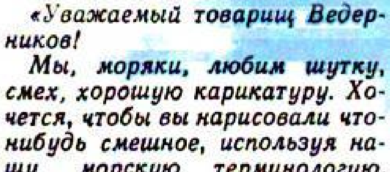
Г. СЕРГЕЕВ

Кишинев.

Деталь шлема.

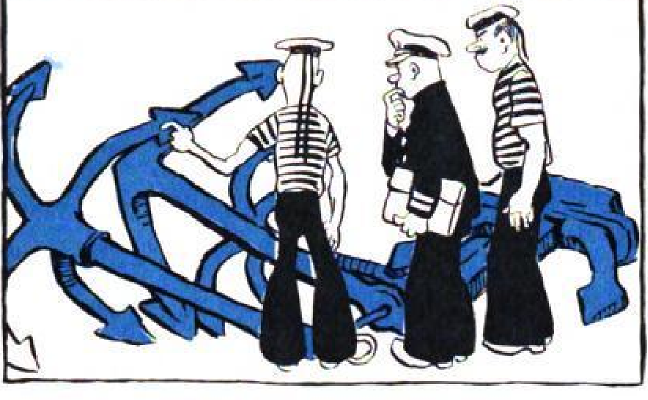
ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ!

«Уважаемый товарищ Ведерников!

Мы, моряки, любим шутку, смех, хорошую карикатуру. Хочется, чтобы вы нарисовали что-нибудь смешное, используя нашу морскую терминологию, как-то: «бить склянки», «сушить весла», «стоять на бочке» и т. д.

С флотским приветом, старшина 1-й статьи А. Сарычев, старшина 1-й статьи А. Бударин, старший матрос З. Сулейманов, старший матрос Р. Рагонян, старший матрос П. Петросян, матрос Е. Орненков и другие».

Мы долго ВЫБИРАЛИ ЯКОРЬ.

При выходе из порта какой-то озорник нам ОБРЕЗАЛ КОРМУ.

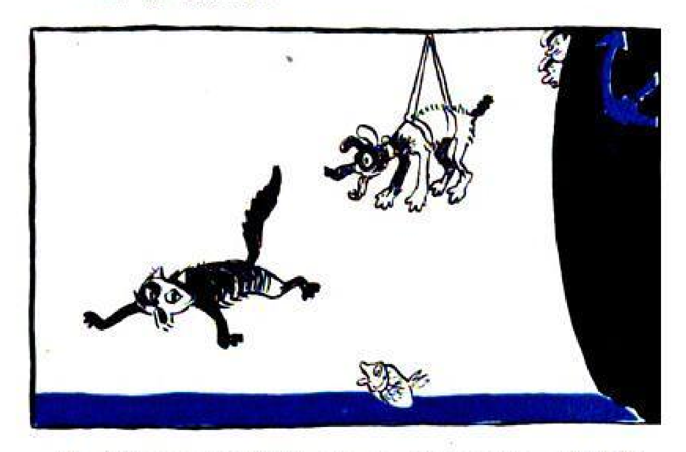
Вахтенный БИЛ СКЛЯНКИ.

Спустив шлюпку, мы настлали РЫБИНЫ и сели на БАНКИ.

После гребли была дана команда: «СУШИ ВЕСЛА!»

Мы бросили КОШКУ, потом был спущен ТУЗИК.

В порту мы СРУБИЛИ МАЧТУ и РАНГОУТ...

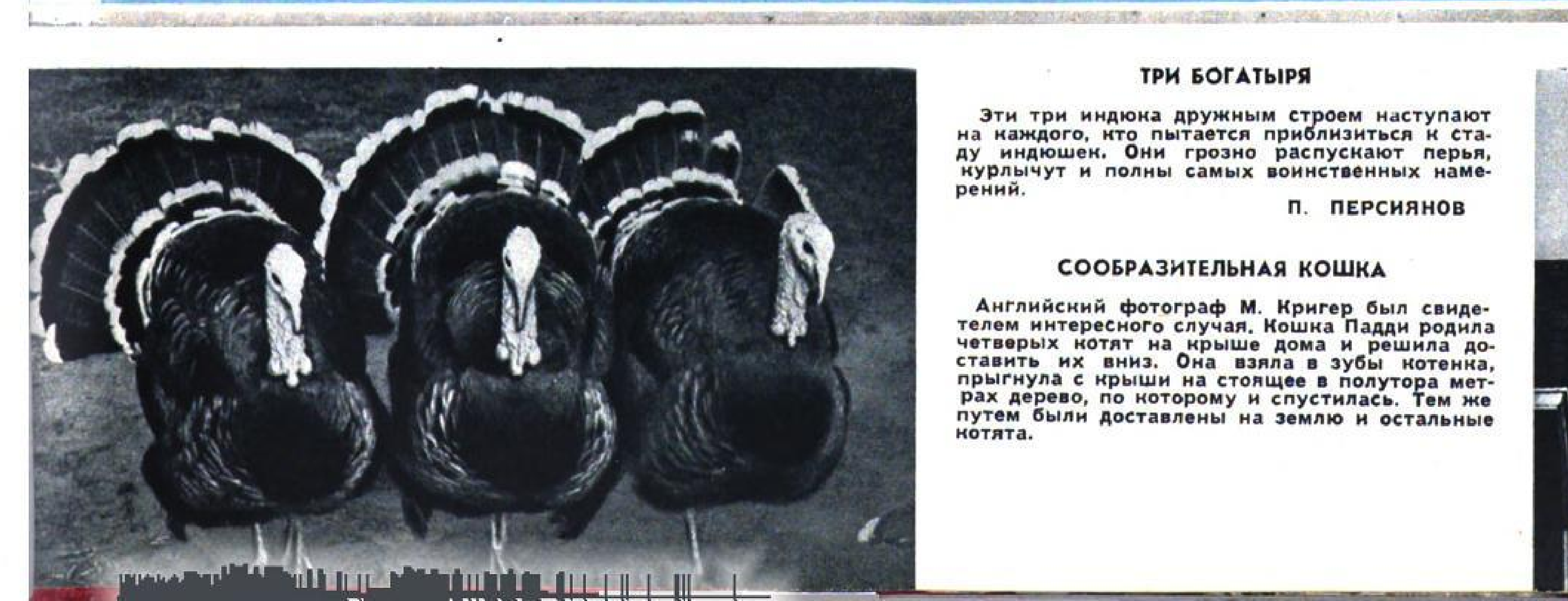

...и целый месяц СТОЯЛИ НА БОЧКЕ.

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ИЗ «МОРСКОГО СЛОВАРЯ»

Выбирать якорь — вытягивать якорь.
Обрезать корму — проходить на близком расстоянии за кормой корабля.
Бить склянки — удар колокола, отмечающий получасовой промежуток времени.
Рыбины — деревянные настилы в шлюпке.
Банки — сиденья.
Сушить весла — вынуть весла из воды (команда).
Кошка — четырехлапый якорь.
Тузик — самая маленькая шлюпка.
Срубить мачту — убрать паруса и такелаж.
Встать на бочку — встать на мертвый якорь.

ТРИ БОГАТЫРЯ

Эти три индюка дружным строем наступают на каждого, кто пытается приблизиться к стаду индюшек. Они грозно распускают перья, курлычут и полны самых воинственных намерений.

П. ПЕРСИЯНОВ

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ КОШКА

Английский фотограф М. Кригер был свидетелем интересного случая. Кошка Падди родила четверых котят на крыше дома и решила доставить их вниз. Она взяла в зубы котенка, прыгнула с крыши на стоящее в полутора метрах дерево, по которому и спустилась. Тем же путем были доставлены на землю и остальные котята.

